Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСТПАРТ

КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и Р.К.П. (БОЛЬШЕВИКОВ)

ИЗ ЭПОХИ „ЗВЕЗДЫ“ и „ПРАВДЫ“

(1911—1914 г.г.)

Выпуск III

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ... 1923 ... ПЕТРОГРАД

Петрооблит № 9995. Гиз № 5303 Отпечатано 10.100 экз.

Типография Коминтерна, Екатерингофский пр., 87.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая книжка является третьей по счету из серии, предназначенной выявить один из интереснейших периодов в развитии нашей партии—эпоху «Звезды» и «Правды».

Разбросанность материала, слабый отклик наших товарищей, участников эпохи, на предложение писать, отсутствие наиболее ценных архивных данных—все это лишает возможности печатать статьи и материалы касающиеся вышеуказанного периода в сколько-нибудь последовательном порядке. Вот почему, начиная со второй книжки, приходится ограничиваться статьями и материалами, освещающими лишь отдельные стороны периода 1911-1914 г.г.

Настоящая, третья, книжка содержит ряд статей, посвященных не столько самой «Правде», сколько, главным образом, правдистской печати, которая являлась или ее предшественницей (как «Звезда»), или сопутствует ей, как «Просвещение» и «Работница». Затем мы помещаем в книжке ряд отдельных очерков, касающихся партийной работы в провинции, как известно, протекавшей в тесном идейном общении с Питерскими правдистскими органами, при чем особое место занимает Московский «Рабочий Путь», о кратковременном, хотя и чрезвычайно красочном, существовании которого в печати сообщалось до сих пор очень немного. И наконец, мы имеем возможность в настоящей книжке впервые частично опубликовать ту переписку, которая имела место между заграничным Ц. К. нашей партии и заграничной редакцией Ц. О., с одной стороны, и российскими товарищами, работавшими в «Правде», депутатами III ей и IV-ой Гос. Дум и русскими членами и агентами Ц. К., с другой, по вопросам, касающимся постановки легальной прессы в России. К сожалению, в наших руках имелись лишь разрозненные письма, осевшие в охранных органах в результате перлюстрации и конфискации.

Таким образом целый ряд ценнейших писем Владимира Ильича, Надежды Константиновны Крупской, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева из-за границы, т.т. Сталина, Свердлова и Молотова, как секретаря «Правды», за границу, являются или исчезнувшими навсегда, или еще подлежащими извлечению из архивов и дальнейшему печатанию. Но и те письма, которые публикуются ниже и в первую очередь, конечно, письма самого Владимира Ильича, дают нам богатейший материал для оценки эпохи. Можно смело сказать, именно они составляют «гвоздь» данной книжки, и к ним мы прежде всего обращаем взоры наших товарищей.

Само собой ясно, что и настоящая книжка ни в какой степени не исчерпывает материала, за ней должны подготовляться следующие, которые должны затронуть ряд вопросов профессионального движения, страхового, продолжая освещать работу партии в провинции и должны включать все те новые материалы и письма, которые будут находиться в распоряжении Истпарта. Вот почему мы считаем необходимым самым убедительным образом просить товарищей, особенно т.т. рабочих-корреспондентов «Правды», продолжать присылать материалы в Истпарт, касающиеся эпохи 1911-1914 г.г. для последующего их опубликования.

М. Савельев.

М. С. Ольминский (Александров).

От «Звезды» к «Правде».

(Воспоминания и размышления о большевиках и „легальных возможностях“.)

„Звезда“ и „Правда“ отметили собою чрезвычайно яркую полосу в развитии нашего рабочего движения. Обе газеты были определенно большевистского направления и вели с меньшевиками-ликвидаторами ожесточенную борьбу, которая до той поры со стороны большевиков могла вестись только из подполья. Появление легальных большевистских газет, их неожиданная живучесть и та роль, которую они сыграли—все это на первый взгляд представляло целый узел противоречий. Прежде всего возникает вопрос: каким образом большевики, эти закоренелые подпольщики, умудрились поставить легальную газету, не только опередив этим легальным почином ликвидаторов, но и жестоко побив их на той самой арене „легальных возможностей“, где ликвидаторы сосредоточили все свои силы и средства, где они чувствовали себя господами положения.

Из предыдущих выпусков этого сборника читатель знает, что „Звезда“ не появилась вдруг, в готовом „большевистском“ виде. „Легальные возможности“ нащупывались постепенно и с оглядкой. Первые номера „Звезды“ (с конца 1910 г. до лета 1911 г.) отразили на себе всю неуверенность первых шагов легального выступления. Едва ли не главным „боевым“ материалом были отчеты о речах с.-д. депутатов в Думе. Кроме сугубой цензурной осторожности, мертвящий дух газете придавал ее блок с плехановцами. Передовицы плехановского представителя и главного руководителя газеты (Н. И. Иорданского), щепетильно вылощен-

ные под самый лучший „штиль“, страдали всеми недугами золотушной интеллигентской „литературщины“.

Из жизни фабрик и заводов в этих номерах не было ни малейшего отзвука. Тираж был бесконечно мал. От этих тощих и бесцветных номеров первой „Звезды“ было как от земли до неба далеко до той боевой рабочей газеты, которая сделала целую эпоху в рабочем движении, „эпоху Звезды и Правды“. В таком виде, без существенных изменений, „Звезда“ просуществовала до лета 1911 г.

Осенью того же года, когда газета возобновилась уже без участия плехановцев, как большевистское издание, петроградские сотрудники решили во что бы то ни стало завести отдел рабочей жизни. Но непосредственных широких связей с заводами не было. Между тем, именно в это время происходил решительный перелом в рабочем движении. Забастовочное движение по числу участников, в сравнении с предыдущим годом, увеличилось вдвое, а по числу стачечных дней еще больше. Повышалось и революционное настроение. Воспрянувшее рабочее движение искало своей трибуны и скоро нашло ее на страницах „Звезды“. Первые сообщения о более или менее крупных событиях на фабриках и заводах стали сочиняться сотрудниками под видом корреспонденций с заводов. Помню, как, пронюхавшие об этом, меньшевики зло смеялись над нашими „собственными корреспондентами“. Однако прием оказался весьма удачным. Рабочие, давно привыкшие к полнейшему равнодушию и дружному молчанию буржуазной печати о рабочем движении, теперь при каждом столкновении с предпринимателями жадно ловили всякое печатное слово о своей борьбе. Самая короткая заметка „о нашем заводе“ придавала бодрость и решимость и гарантировала, что номер газеты с этой заметкой будет читаться там нарасхват. Понятно, что собственных корреспондентов долго ждать не пришлось. По мере роста забастовочной волны росла и связь „Звезды“ с рабочими предместьями.

Мощный прибой в рабочем движении отразился и на содержании статей и скоро резко изменил литературный облик „Звезды“. Сотрудники все чаще стали срываться с подцензурного тона. Начались усиленные штрафы и конфис-

кации, наносившие тяжелые удары тощей казне „Звезды“. Главным „спецом“ по части цензуры был у нас Н. Г. Полетаев, почти безошибочно определявший, какая статья пахнет конфискацией и какая „пройдет“. Любопытно, что самые боевые по содержанию, но более или менее умеренные по выражениям статьи т.т. Ленина и Зиновьева почти всегда проходили благополучно, тогда как более невинные статейки других сотрудников часто подводили под штраф или конфискацию из-за неосторожной „словесности“. В видах экономии скоро выработалось такое правило:—статьи заведомо нецензурные, но интересные и ценные приурочивались к одному номеру, который уж наперед обрекался на провал. О том, как „Звезда“ приспособилась к распространению „конфискованных“ номеров, было уже рассказано в других статьях. Я хочу здесь отметить, что жестокую борьбу за существование „Звезде“ приходилось вести не только с полицейским оком царизма, но и с той грязной газетной спекуляцией, которая в то время процветала. „Звезда“ держалась почти исключительно розничной продажей. А эта продажа почти целиком была в руках 5-6 газетных артелей. Учитывая эту монополию, главари артелей стали откровенно требовать взяток. Не получая взяток, они, несмотря на определенный спрос на „Звезду“ со стороны их же собственных газетчиков, стали прекращать заказ, а некоторые из правлений делали еще хуже: заказывали вдвое или втрое больше, чем продавали, возвращая через несколько дней громадное количество неоплаченных номеров. Подавляющее большинство газетчиков получали „Звезду“, как и прочие газеты, только через экспедиции своих артелей, и только некоторые, торговавшие в районе „Звезды“ (при огромных расстояниях Питера), могли получать ее самостоятельно. Для борьбы с воротилами газетных артелей пришлось снять на Лиговке крошечную лавочку для „Книжной и газетной торговли“. В этом пункте были сосредоточены крупнейшие экспедиции питерских газет и сюда стекались ранним утром почти все газетчики. Для отвода глаз в окне лавочки была выставлена всякая книжная макулатура, на самом же деле сюда привозилась, и прямо из типографии, „Звезда“ для продажи газетчикам

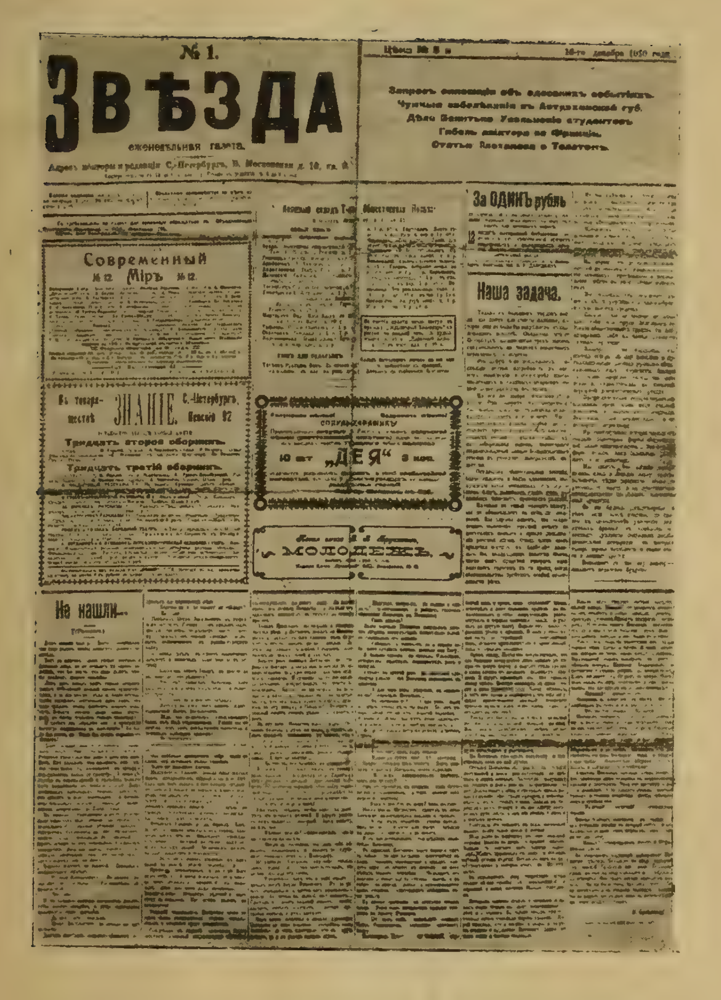
помимо артелей (не совсем прав был т. Ленин, когда заявил на съезде, что „торговать нас не учили“).

Всех этих полицейских и прочих скорпионов было слишком достаточно, чтобы утопить любую порядочную буржуазную газету даже с солидным капиталом. А „Звезда“ все-таки сводила кое-как концы с концами. В чем же был секрет ее живучести?

Поставив легальную газету, большевики при этом вовсе не думали ставить ставку на легальность во что бы то ни стало. Напротив, они сумели сделать эту легальную газету голосом подполья, трибуной „неурезанных лозунгов“. Но именно в этом и скрывалась причина необыкновенно дружной тяги воспрянувшего рабочего движения к такой легальной газете. Служа светочем для рабочего движения, „Звезда“, в свою очередь, как безнадежное „коммерческое предприятие“, могла выезжать только на буксире этого движения. Этот секрет живучести путал все расчеты полицейских душителей и вместе с тем вскрывал банкротство ликвидаторской тактики. Эти господа, вползая в легальность, ради этой легальности, в своей пропаганде (за свободу союзов, печати и т. п.) добросовестно выскребли все „нелегальное“, и перед „обновленной“ царской властью они предстали такими же невинными младенцами, как и кадеты. Но царизм так же плохо ценил ликвидаторские жертвоприношения, как и кадетское холопство.

Как известно, даже кадеты, до самой февральской революции, не были легализованы, как партия, и при всем своем холопстве оставались „нелегальными“. К ликвидаторам же правительство было еще менее милостиво. С горькой обидой они жаловались, что их газету (как им казалось) штрафуют и конфискуют чуть ли не чаще, чем газету большевиков.

К весне 1912 г. роль „Звезды“, как большевистской трибуны, как революционного знамени не только для питерского, но и для всероссийского рабочего движения, вполне определилась. Эта роль особенно выявилась в ленских событиях, когда „Звезда“, гораздо шире, чем это могли сделать подпольные большевистские организации, разнесла

№ 1.

ЗВѢЗДА

еженедѣльная газета.

Цѣна № 5 к.

16-го декабря 1910 года.

За ОДИНЪ рубль

Современный Міръ № 12.

Въ товариществѣ ЗНАНІЕ. С.-Петербургъ, Невскій 92

Тридцать второй сборникъ.

Тридцать третій сборникъ.

Наша задача.

„ДѢЯ“

МОЛОДЕЖЬ.

Не нашли...

весть об этих событиях и объединила на своих столбцах бесчисленные голоса фабрик и заводов в один мощный протест рабочего класса России. До какой степени рабочие забывали о „легальности“ этой газеты, можно судить по той резолюции о ленском расстреле, в которой рабочие призывали к вооруженному восстанию.

Таким образом, начав в конце 1910 г. с довольно тощего большевистско-плехановского листка, благодаря революционному подъему и несмотря на отчаянные преследования, „Звезда“ успела вырасти в огромную силу. Над первым тощим номером ее зло смеялось „Новое Время“ в своем обзоре печати, не подозревая ее будущей роли. Но уже зимою 1911—1912 г.г. черносотенец Пуришкевич, бешено размахивая „Звездой“ на Думской трибуне и цитируя из нее „возмутительные“ статьи, жестоко разносил предержащие власти за разгильдяйство и попустительство.

На этом коротком пути сама „Звезда“ испытала значительные изменения. Собственно, нельзя даже говорить об „эпохе“ „Звезды“, т. к. „Звезда“ оказалась на рубеже двух эпох, отразив в себе конец первой и начало второй.

Особенно непосредственно и ярко происшедший перелом отразился в стихотворениях „Звезды“. Политическая обстановка, при которой впервые выступила „Звезда“, нагоняла на ее поэтов еще жуткую тоску. Разгром революции 1905 г. и беспросветная тьма текущих дней—главный мотив в стихотворениях первых номеров:

Зашумят ли волны снова,
Или в сумраке глухом
Море мрачное сурово
Будет спать холодным сном...

(Январь 1911 г.)

Другой поэт тех же дней—не такой скептик—глубоко верит в будущий рассвет и втихомолку даже сочиняет на этот случай свои песни. Но он сам считает совершенно неприличным распевать свои радостные песни в это подлое время:

ПЕСНЬ РУДОКОПА.

Я сложил эту песнь далеко от людей
Глубоко под холодной землей...
. . . .
Мы молчим, мы «покорны», и в наших сердцах
Глубоко затаили ее мы...
Эту песнь будем петь мы потом
В дорогие и светлые годы.
Загремит эта песнь торжеством
Долгожданной, но вечной свободы...

А осенью 1911 г., вместе с бурным потоком рабочих корреспонденций на страницы „Звезды" врывается и новая поэзия:

Сильный ветер—вольный вихрь
На кургане закружил,
И пошел гулять по миру,
Жизни море замутил...

(Октябрь 1911 г.)

Нужно заметить, что агитационное значение стихотворений было огромно, особенно для широкой рабочей массы. Рабочий-массовик не без труда разбирался в политических статьях „Звезды", стихи же не только давались легко, но всегда забирали за живое даже отсталого.

Посещая трактиры предместий и наблюдая там читателей „Звезды", можно было заметить, что ее почти всегда начинали читать со стихотворений. Мало того, на окраинах появились даже особые гастролеры, заучивавшие стихотворения из „Звезды" наизусть и декламировавшие их в трактирах и чайных.

Характерным показателем революционного подъема было также изобилие стихотворений, поступавших в редакцию со всех концов России. При этом поэт-профессионал терялся в массе поэтов-новичков, несомненно, впервые попадавших в печать, как это было видно и по самым стихам, и по письмам их авторов в таком, например, роде:

„Многоуважаемый г. редактор, очень вам благодарен за то, что напечатали мое стихотворение. Посылаю вам еще два"...

Внешним показателем „Звезды“ и ее проникновения в рабочий класс было увеличение ее тиража, доходившего до 50-60 тысяч экземпляров, и более частый выход (до 3 раз в неделю). Но нараставшее рабочее движение предъявляло новые требования. Оно настоятельно предъявляло спрос на ежедневную дешевую и возможно популярную газету. Этих требований „Звезда“ не удовлетворяла.

Даже развитой рабочий, постоянный читатель „Звезды“, для ежедневного осведомления должен был покупать и другие, буржуазные, газеты. Для массовика же „Звезда“ была кроме того слишком тяжеловесна и дорога (5 коп.). Главными конкурентами „Звезды“ были „Копейка“ и „Современка“ („Современное Слово“). Последняя представляла собою дешевое издание „Речи“ и служила орудием своего рода кадетской „зубатовщины“. Кадеты, кроме своих сотрудников, охотно „пропускали“ в нее ликвидаторов, особенно по „рабочему вопросу“. Сотрудничество ликвидаторских любителей марксизма не смущало кадетов, но оно помогало кадетской литературной лавочке торговать и в рабочих кварталах. И вот, в дни избирательной борьбы в Г. Думу, когда каждый лишний экземпляр газеты особенно ценен для каждой борющейся партии, этот „почти“ марксистский орган по приказу хозяев грянул: „граждане, голосуйте за Милюкова“.

Последний шаг для приближения рабочей газеты к массовому рабочему движению наконец был сделан. Такой газетой стала „Правда“, унаследовавшая от „Звезды“ ее принципиальное большевистское направление, ее роль „легального“ голоса подполья и ее опыт практической изворотливости (вплоть до способа распространения „конфискованных“ номеров).

В отличие от „Звезды“, „Правда“ с первых же номеров выступала под знаком новой, революционной эпохи, о чем бесхитростно свидетельствовали ее поэты, определенно отмежевавшиеся от печальных муз безвременья и упадка.

Не печаль березок белых
Воспоем мы в песнях смелых,
Может быть и неумелых,

Неокрепших, недозрелых,
Как дубков весенних лес.

Не хвалебный гимн природе,
Нет, мы песни о народе,
Гимны радостной свободе
Будем петь, хотя и в моде
Нынче песенки не те.

(„Правда", 13 июня 1912 г.)

Не уморив и „Правду" штрафами и конфискациями, правительство стало бороться с ней посредством провокации, и это обстоятельство, может быть, лучше всего доказывает, что царские власти были вынуждены приравнять ненавистную легальную газету ко всякой другой, подпольной большевистской организации.

Лично мне пришлось услышать такое суждение от самих жандармов. Осенью 1912 г., по прекращении „Звезды" (существовавшей некоторое время одновременно с „Правдой"), мне было предложено заняться исключительно редакцией „Правды". Через 2 недели моего редакторства меня арестовали. На мой вопрос в охранке, за что я арестован, жандармы сообщили: за редактирование „Правды".

— Но ведь „Правда" легальная газета—возразил я.

— Знаем мы вашу легальную газету. Это орган вашей большевистской партии—преспокойно отвечали охранники.

Я спорить не стал.

Н. Батурин.

Старые правдисты.

Мне кажется, что будет далеко не лишнее вспомнить всех тех многочисленных товарищей, которые 10 лет тому назад [1]) создавали старую „Правду“ и работали в ней в первый героический довоенный период ее существования. Я буду вспоминать товарищей, не имея под рукой комплекта „Правды“; может быть, я пропущу кого-либо из них, возможно, что перечислю не в том хронологическом порядке, в котором они работали в „Правде“; возможно, что будут ошибки и в оценке их роли в газете, но тем не менее мне хочется составить такой список.

Нас, старых правдистов, становится все меньше; еще меньше таких, которым довелось, как мне, работать в старой „Правде“ с момента ее возникновения в апреле 1912 г. до закрытия ее перед войной в июле 1914 г. Поэтому эта работа не пропадет даром и явится одним из материалов для истории рабочей печати и той эпохи вообще.

Я буду перечислять не только тех товарищей, которые создавали, редактировали газету и были в ней постоянными сотрудниками. Я вспомню и тех, которые принимали участие лишь в отдельных отделах газеты (страховой, женский, профессиональный и т. п.), тех петербургских рабочих, которые, работая в партийных районных организациях, профессиональных союзах и страховых кассах, способствовали укреплению и распространению газеты.

Но в то же время я ограничу свои воспоминания петроградцами, не перечисляя заграничных и иногородных

---

[1]) Статья написана к 10-ти летнему юбилею „Правды“. *Ред.*

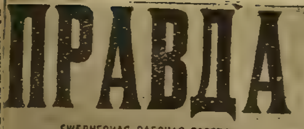
сотрудников, так как в отношении особенно последних мой список был бы случайным и неполным.

Из основателей газеты на первое место необходимо поставить члена III-й Государственной Думы тов. Николая Гурьевича Полетаева. Ни в какой мере не литератор (кажется, в газете не появилось ни одной его строчки), он был великолепным организатором и администратором. Им была создана предшественница „Правды"—„Звезда". Он же положил начало и „Правде".

Рядом с ним стоит тов. Василий Андреевич Шелгунов. Этот ветеран революционного рабочего движения в России к тому времени уже несколько лет как ослеп. Он не мог, конечно, принимать непосредственного участия в работе „Правды". Но, живя вместе с Полетаевым, обсуждая вместе с ним стоящие перед газетой задачи, вкладывая в дело издания газеты всю свою недюжинную, не находившую другого применения энергию, тов. Шелгунов по справедливости должен считаться одним из крестных отцов старой „Правды".

Тов. Сталин во время возникновения „Правды" был членом тогдашнего нелегального Ц. К. нашей партии. Краткое время его пребывания в Петербурге и работы в „Правде" в 1912 году (сентябрь-декабрь) совпало с наиболее острым моментом жизни „Правды" и нашей питерской организации. Это был период предвыборной борьбы с меньшевиками. Соглашательские тенденции были сильны даже среди рабочих и необходима была большая выдержка и твердость, чтобы не допустить соглашения с меньшевиками при выборах по рабочей курии. Эту работу выполнил тогда тов. Сталин. На него же пала работа руководства большевистской частью социал-демократических депутатов при конституировании фракции IV-ой Государственной Думы. Необходимо было оформить большевистское ядро среди единой, в начале, с.-д. фракции и необходимо было при помощи „Правды" создать этому ядру опору в столичных рабочих. Эту работу начал тов. Сталин.

Ее продолжил сменивший его другой член тогдашнего Ц. К., ныне покойный, Яков Михайлович Свердлов.

Годъ изданія первый.

ЕЖЕДНЕВНАЯ РАБОЧАЯ ГАЗЕТА.

№ 1. Воскресенье, 22 апрѣля 1912 г. ЦѢНА 2 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕДНЕВНУЮ РАБОЧУЮ ГАЗЕТУ „ПРАВДА“.

Продолжается подписка на газету „ЗВѢЗДА“ выходящую три раза въ недѣлю.

По независящимъ отъ издателя обстоятельствамъ объявленная продажа № 1 „Правды“ по повышенной цѣнѣ въ пользу семей убитыхъ ленскихъ рабочихъ не можетъ состояться.

Отъ редакціи.

Наши цѣли.

На грани.

Хотя в феврале месяце 1913 года и Свердлов и Сталин были арестованы и в „Правде“ больше не работали, но основная работа по практическому определению линии газеты была проделана ими, и потому их по справедливости надо поставить во главе списка основателей и работников газеты.

Следующий—тов. М. Ольминский, он же А. Витимский, он же Михаил Степанович Александров. Сейчас он целиком ушел в работу по собиранию, обработке и изданию материалов по истории нашей партии. Тогда он в ежедневных статьях отзывался на революционную злобу дня, и его яркие, определенные и в то же время задушевные статьи были любимыми статьями читателя-рабочего.

Далее—А. Юрьев (Аркадий Александрович Самойлов), старый товарищ, умерший в 1919 г. на Волге от эпидемии.

Далее—Наташа Сибирякова (Конкордия Николаевна Самойлова, жена Юрьева), одна из старейших работниц нашей партии, одна из создательниц женского коммунистического движения,—умерла прошлым летом в Астрахани от холеры, во время своей работы на пароходе „Красная Звезда“.

Константин Степанович Еремеев—старейший наш журналист-рабочий, ныне редактор новой газеты Ц.К.Р.К.П. „Рабочая Газета“.

Николай Николаевич Батурин (Замятин), один из историков социал-демократического движения в России, ныне лектор Свердловского университета и Московских рабочих клубов.

Дм. Янов, он же Ч. Гурский—Степан Степанович Данилов, ныне комиссар штаба Красной армии. Он был выпускающим газету, и одновременно почти в каждом номере появлялись одна-две его остроумных, едких, иногда немного грубых, но всегда ярких статьи.

Тов. И. Ветров (Максимилиан Александрович Савельев), ныне редактор „Народного Хозяйства“ и „Торг.-Пром. Газеты“.

Тов. С. И. Глотов (Андрей Сергеевич Бубнов), сейчас заведующий Агитпропотделом Ц.К.

В. Михайлов, он же А. Званов, он же В. Молотов, ныне секретарь Ц.К., был помощником секретаря редакции при выпуске первого номера „Правды“.

Тов. Б. Г. Данский (К. А. Комаровский), идейный руководитель и главный публицист страховой кампании 1912—1914 г.г.

Тов. Т. Гневич, он же Зб. Ф., он же З. Фальский (Збигнев Тадэушевич-Фаберкевич), расстрелян польскими белогвардейцами в 1919 г. при нелегальном переходе границы, когда он направлялся на подпольную работу в Польшу.

С. М. Закс-Гладнев, ныне редактор „Украинского Хозяйства“.

Р. Раскольников, тогда молодой студент-политехник Ф. Ф. Ильин, ныне наш полномочный представитель в Афганистане.

А. Андреев (Арон Александрович Сольц), член Центральной Контрольной Комиссии нашей партии.

Вив—доктор А. Н. Винокуров, бывший народный комиссар социального обеспечения, теперь работник Ц.К. Помгола.

Владимир Николаевич Васильевский, тогда студент-политехник, помощник секретаря „Правды“, ныне работает в Ц.К. Р.К.П.

Н. И. Смирнов, тоже политехник, активный участник ежедневной редакционной работы „Правды“, работает теперь в секретариате Ц.К.

Михаил Чичканов, тоже политехник, убит два года тому назад бандитами на посту председателя Тамбовского губисполкома.

Л. С. Сосновский — тогда еще начинающий, но уже выделявшийся своими статьями и фельетонами газетный работник.

И. Висанов (Мгеладзе), популярный сотрудник нынешних партийных газет.

Н. Асник—Николай Алексеевич Скрыпник—председатель контрольной комиссии коммунистической партии Украины.

Николай Николаевич Лебедев, по прозвищу „Петит“, студент-политехник, составлявший последнюю, печатавшуюся петитом, страницу „Правды“. Умер два года тому назад на партийной работе в Киеве.

Георгий Шидловский, которого мы называли „Места бастующих под бойкотом!“. Он вел в газете хронику стачек и с особенным удовольствием подчеркивал в конце каждого сообщения о стачке приведенную выше фразу, за что газета неоднократно подвергалась каре.

Демьян Бедный — молодой самородок-поэт, начавший свою революционно - творческую работу на страницах „Правды“ и развивавшийся вместе с нею.

Тит Подкузьмихин (Ф. Сыромолотов), помещавший на страницах „Правды“ свои революционно-сатирические басни.

Н. В. (Н. В. Крыленко), приехавший в Петербург осенью 1913 г., ведший тогда кампанию, связанную с расколом единой до того социал-демократической фракции Государственной Думы, на большевистскую „рабочую“ шестерку и меньшевистскую „семерку“.

Тов. Е. Ф. Розмирович, секретарь „шестерки“, участница той же кампании, а также первых шагов по созданию журнала „Работница“.

Прасковья Францевна Кудели, А. И. Елизарова, Л. Р. и В. Р. Менжинские, Клавдия Николаева Афанасенко, Ф. И. Драбкина—первые работники петербургского женского рабочего движения—были постоянными сотрудниками „Правды“.

Далее, постоянными работниками „Правды“ были Вениамин Серафимович Попов, и ныне работающий в „Правде“, тов. П. И. Стучка, Тихон Иванович Попов, расстрелянный деникинцами на Кавказе, Авель Енукидзе (ныне секретарь В.Ц.И.К.), К. М. Шведчиков, Павел Иванович Суков-Раменский, первый бухгалтер „Правды“, ныне ведущий крупные лесные заготовки и сплав леса, Д. И. Бразуль-Брушковский—корректор „Правды;“ Александра Ивановна Ефимова—бессменная экспедиторша газеты; ее брат и помощник Леонид, другой ее помощник—тов. Леонтьев, тов. Эмануил Лугановский, заведывавший книжным отделом „Правды“; тов. Рябков, по прозвищу „Пчелка“, издававший в 1905 г. в г. Пскове популярную крестьянскую газету „Пчелка“, уже глубокий старик, работавший в книжном магазине „Правды“; работавшая в том же книжном магазине тов. Нина Агаджанова, тов. Николай Бернгейм (Сергей Бакин-

ский), тов. Артем Гертиг и многие другие. Из провинциальных сотрудников: Б. В. Авилов (новсжизненец), В. И. Невский, зам. зав. Истпартом, покойный М. П. Доброхотов, Калужанин и др.

Дальше я начинаю список рабочих „правдистов", не принимавших участия в повседневной работе, но представлявших ту базу из старых рабочих революционеров, на которых опиралась „Правда".

Тов. М. И. Калинин, известный сейчас всей России председатель В.Ц.И.К, тогда один из уполномоченных заграничного Ц.К. нашей партии, активно участвовавший в проведении выборов в IV Думу.

Тов. Правдин, теперь председатель правления Северных железных дорог.

Тов. Георгий Николаевич Шкапин (Жорж), активный страховик, умерший в 1916 г. в армии.

Тов. Иван Яковлевич Козлов, путиловец, участник процесса фракции IV-ой Думы, ныне председатель Замоскворецкого районного совета.

Тов. Алексей Киселев, первый секретарь петербургского союза металлистов, после того, как мы победили там меньшевиков. Ныне председатель Малого Совнаркома и кандидат в Ц.К.

Сменивший его в Союзе металлистов тов. Галанин, теперь председатель Курского губисполкома.

Сменивший Галанина Василий Шмидт, теперь народный комиссар труда и кандидат в члены Ц.К.

Другие товарищи металлисты: Пастухов, Тараев, Константин Гареликов, Сергей Медведев, Комаров (секретарь петербургского губисполкома и кандидат в члены Ц.К.), Крайнев, Шляпников, Митревич, Лебедев, Богданов, Ремизов, Судаков, Константин Егоров, С. Д. Чудин, Костюков. Древообделочник Жуков, золотосеребренник Одинцов. Химики: Амосов (Невский стеарин. завод) и Приезжанский („Треугольник"). Приказчики: Михаил Александрович Сейфер (убит на войне), Я. О. Буров (создатель Агит. парпоездов), Угланов, А. С. Шигаревский, Борис Семенов, Н. И. Кузнецов. Работники-страховики: Падерин, Милютин, Ушацкий, Ягода (ныне начальник Особого Отдела), Элиава

(наркомвоен советской Грузии), Е. Г. Смиттен, А. Н. Никифорова и Альмет (Александр Метелев).

Затем студенты: старый партийный товарищ Глеб Иванович Бокий, секретарь П.К. в довоенный период и член русского бюро Ц.К. в момент февральской революции; горняки—Бажанов, Москвин; политехники—Толмачев (погиб во время первого наступления Юденича на Петроград), Сырцов (заведующий учраспредом Ц.К.); универсанты—Леонид Старк, Н. Евреинов и друг.

На этом я заканчиваю перечень—свою дань внимания нашей юбилярше—„Правде“ и ее работникам.

Я надеюсь, что другие товарищи пополнят допущенные мною пробелы и внесут необходимые исправления.

Н. Крестинский.

Журналы «Мысль» и «Просвещение».

Использование легальных возможностей и, в частности, периодической печати, являлось всегда серьезной заботой нашей партии в до-октябрьский период ее существования. Каждый раз, как только представлялась малейшая возможность, принимались за организацию не только легальной газетной прессы, но и журнальной. Во многих отношениях организация журнала представлялась делом более легким, чем постановка пролетарской газеты. Само предприятие не являлось таким дорого стоящим, как издание газеты, да оно, кроме того, было и более доступным, так как к журналам марксистского, т.-е., собственно говоря, в большинстве „струвеанского“ или „ликвидаторского“ характера, взоры полицейского „всевидящего“ ока до некоторой степени уже пригляделись. Таким образом, пользуясь традицией, удалось, хотя и на короткое время, издавать под легальным флагом и действительно революционные журналы. К такого рода журналам в период 1905—1906 г.г. относится „Вестник Жизни“ и другие. К этому же типу следует причислить выпускавшийся после революции ряд сборников в период глухой реакции 1907—1910 г.г. Сюда же, наконец, относятся журналы „Мысль“ и „Просвещение“; первый появился в Москве в конце 1910 г., второй—в Питере год спустя.

Журнал «Мысль».

Передо мной четыре тоненьких книжки журнала „Мысль“,—пятой книжки, конфискованной „властями предержащими“, у меня, к сожалению, нет под рукой. Изъятая тщательнейшим образом из обращения, она составляет в

настоящее время действительно библиографическую редкость. Но и эти четыре книжечки достаточно ярко обрисовывают, что представлял из себя журнал „Мысль“, какую громадную роль должен был он сыграть в той борьбе за вторую российскую революцию, которая так самоотверженно и так решительно была начата на переломе между первой и второй революциями нашей большевистской партией против оголтелой и разошедшейся во-всю царистской реакции, против трусливой, контр-революционной, насквозь изолгавшейся „оппозиции Его Величества“ партии кадет, против ренегатствующего и зараженного столыпинским приспособленчеством ликвидаторства. В этот период после-революционного разгула лишь партия большевиков твердо держит в своих руках знамя борьбы за неурезанные лозунги и, несмотря ни на какие препятствия, на крайнюю малочисленность своих рядов, опираясь на нелегальные рабочие ячейки, продолжает вести свою „кротовую работу“ в подполье, попутно используя все малейшие легальные возможности.

Когда мы говорим об эпохе „Звезды“ и „Правды“, мы, конечно, не можем обойти молчанием журнал „Мысль“, являющийся идейным предшественником правдистского периода борьбы за неурезанную социал-демократическую программу и революционную тактику, борьбы за новый революционный подъем рабочего класса России.

Вот почему эти четыре книжечки журнала „Мысль“, начавшего выходить в конце 1910 года, представляют чрезвычайный интерес.

Журнал должен был оформить на общей платформе борьбы с откристаллизовавшимся тогда ликвидаторством сотрудничество ленинцев и плехановцев,—поскольку Г. В. Плеханов занял тогда довольно определенную антиликвидаторскую позицию. Правда, сотрудничество Плеханова ограничилось помещением в журнале лишь двух статей (№№ 1 и 2). Из других плехановцев можно отметить сотрудничество Раппопорта. А общий облик журнала является определенно большевистским, при чем статьи Владимира Ильича, направленные против ликвидаторства, доходят до самого „гвоздя“ вопроса, вскрывая с величайшим

политическим талантом всю сущность революционной фразы и отщепенчества ликвидаторских литературных верхов, всех этих „героев оговорочки“, пытающихся потоком трескучих фраз скрыть свое убогое ренегатство.

В числе ближайших сотрудников журнала, помимо тов. Ленина, поместившего в нем ряд статей, мы видим тт. Г. Зиновьева, Ю. Каменева, П. Орловского, Ф. Ротштейна, Л. Германова (М. И. Фрумкина) и других. Вопросы, которыми занимается журнал, это—очередные вопросы экономики и политики в этот период времени. В ряде статей дается чрезвычайно интересная оценка тогдашней экономики России, затем идет целая группа вопросов, касающихся положения труда, статистики стачек и т. д. Ряд статей, и в том числе большая статья Плеханова, посвящены Толстому. Но, конечно, не в Толстом была тут сила. Приходилось ставить целый ряд вопросов философско-этического порядка, применительно к легальным возможностям, а в качестве одной из таковых и были использованы взгляды Толстого на эти вопросы.

Вообще система использования легальных тем для контрабандного проведения далеко не легальных мыслей в этот период реакционной свистопляски нашей цензуры должна прямо поражать непривычный взгляд читателя, воспитавшегося на нашей советской литературе, должна невольно напоминать ему о той глубокой борозде, которая разделяет „век нынешний и век минувший“.

Чрезвычайно интересной является статья Георгия Валентиновича Плеханова из прекрасного итальянского далека, написанная как бы в виде корреспонденции. Позволим привести здесь ряд выдержек из статьи. Статья идет под заглавием: „Кое-что об Италии“, с motto: „Италия—отчизна вдохновения“ (Д. Веневитинов).

А дальше начинается издалека:

> Тех, которые едут в Италию, или, по крайней мере, задумываются о ней, чаще всего привлекают два предмета: чудная природа этой страны и ее удивительные и разнообразные памятники искусства. Но в Италии есть также и люди, а у людей, ее населяющих, появляются иногда стремления, весьма поучительные и для иностранцев.

Об одном из таких стремлений я и хочу побеседовать с читателем в настоящей статье: оно особенно поучительно именно для нашего брата-россиянина.

В двадцатых (по новому стилю) числах прошлого октября состоялся в Милане одиннадцатый съезд итальянской социалистической партии. На этом съезде известный Л. Биссоляти, характеризуя современное положение своей партии, сказал в послеобеденном заседании 23-го числа, между прочим, следующее:

«Я не думаю, что социалистическая партия закончила свою функцию; но я думаю, что она должна преобразоваться. Надо изменить ее строение.

«Она до сих пор сохранила то строение, какое дано было ей в 1895 году в Париже под ударами реакции. Но теперь, когда кончилась фаза борьбы за свободу, партия представляет собой засохшую ветку, отживший организм, который должен очистить место для новых побегов подлинной пролетарской жизни.

«Преисполнено всяких неудобств то обстоятельство, что к ней примыкают отдельные лица, воображающие, что они имеют право решать судьбу рабочего движения. Здесь лежит причина того, что наша партия находится теперь в упадке, и что мы кидаемся из стороны в сторону.

«Должен наступить момент, когда рабочий класс начнет сам формулировать свои нужды и решать свои судьбы».

Эти слова Биссоляти покрыты были,—как гласит отчет, напечатанный в центральном органе партии,—продолжительными рукоплесканиями [1]). Стало быть, многие участники съезда, многие члены итальянской социалистической партии согласны были с оратором в том, что их партия есть теперь не более, как «засохшая ветка» и «отживший организм». Если это так, то приходится признать, что партия эта представляет собой печальный пример политического союза, утратившего в лице значительного числа своих собственных членов, всякое уважение к самой себе.

Разбирая в дальнейшем взгляды Биссоляти, Плеханов вскрывает внутренние противоречия, заложенные в партии,

---

[1]) См. «Аванти» от 25 октября.

подчеркивая с обычной для него диалектической манерой мышления, что „это и так, да не так“, и приходит к выводу, что „пока итальянские социалисты не расстанутся с точкой зрения умеренности и аккуратности, синдикализм, именующий себя революционным, не будет сбит со своей позиции“, и заканчивает сопоставлением и параллелями из области русских и итальянских условий. Выводы же эти следующие:

Во-первых, там был свой «экономизм»; во-вторых, там есть свои «ликвидаторы»; в-третьих, тамошние «ликвидаторы» очень похожи на наших. Согласитесь, читатель, что все это довольно неожиданно...

Главный довод, выдвигаемый Биссоляти,—говорит дальше Плеханов,—в пользу своего «ликвидаторства», состоит в указании на «новые условия». Нынешняя партийная организация возникла под ударами реакции, а теперь реакция побеждена, фаза борьбы за свободу окончилась, и теперь «строение» партии не соответствует условиям ее существования. То, что нам известно теперь об итальянском «экономизме», делает этот довод, по меньшей мере, сомнительным. Биссоляти развивает план, с которым носились организаторы итальянской рабочей партии в такое время, когда еще очень далеко было до тех «новых условий», на которые он ссылается. «Новые условия» могли только заставить реформистов вспомнить об этом старом организационном плане; сочувствие же их к нему объясняется не «новыми условиями», а общим характером их взглядов, общей природой оппортунизма.

Наши ликвидаторы тоже упирают преимущественно на «новые условия», созданные событиями 1905-1907 г.г. Но и наши ликвидаторы в сущности развивают старые организационные идеалы «экономизма», сложившиеся тогда, когда о «новых условиях» ровнехонько ничего не было слышно. Стало быть, и у нас «новые условия» только разбудили и оживили старые организационные стремления, некогда весьма и весьма заметные (вспомним «Рабочую мысль» и «Рабочее Дело»), а потом как будто совсем подавленные условия людей, группировавшихся вокруг «Зари» и «Искры». Но порождены были эти старые стремления совсем не «новыми условиями»,—следствие никогда не бывает раньше

причины,—а общей природой оппортунизма. Недаром наши «экономисты»,—несомненные предки нынешних «ликвидаторов»,—так горячо сочувствовали Э. Бернштейну. И недаром Э. Бернштейн так горячо сочувствовал нашим «экономистам» [1]). Рыбак рыбака видит из далека.

Вообразить, что можно понять наше «ликвидаторство», ограничивая свое поле зрения исключительно русскими условиями, значит уподобиться тем буржуазным политико-экономам, которые считают северо-американские тресты порождением тех особых условий, в которые поставлена хозяйственная жизнь Северо-Американских Штатов.

На самом деле этими особыми условиями объясняются только видовые признаки капиталистических организаций, получивших в Северной Америке название трестов; родовые же признаки таких организаций, существующих также и во многих капиталистических странах, объясняются общим характером современного капитализма.

То же и с нашим «ликвидаторством». Его родовые признаки,—общие ему, например, с «ликвидаторством» итальянских реформистов,—объясняются общей природой современного оппортунизма. Особенные же условия нынешней нашей общественно-политической жизни делают понятными только его видовые признаки,—например, те, которыми оно отличается от итальянского «ликвидаторства». Видовые признаки у него, без всякого сомнения, есть, но из-за них никак не следует забывать об его родовых признаках. Это тяжкий грех против логики. Людям, склонным совершать его, я советовал бы внимательно следить за деятельностью итальянских реформистов. Это будет очень для них полезно, так как Италия есть, в некотором роде, отчизна ликвидаторского вдохновения.

Так, на примере итальянских отношений, на факте, имеющем как будто бы очень мало дела до России, Плеханов формулирует свое отношение к русскому рабочему движению и расправляется с ликвидаторством.

Если Плеханов в вышеприведенном абзаце еще в 1910 году дает обоснованное подведение ликвидаторства

---

[1]) Он был сотрудником «Рабочей Мысли».

под худший вид оппортунизма и устанавливает полную родственную связь его с экономизмом, то тов. Ленин ставит все точки над і, зло издеваясь над трусливым убожеством мысли фразеров ликвидаторства, выкладывает перед читателем, „как на ладони, все их нутро“.

Ниже мы позволим себе привести выдержку из чрезвычайно красочной полемики Владимира Ильича с Потресовым, устами которого ликвидаторство не раз разбалтывает свои секреты, давая благодарнейший объект для выявления сокровенных мыслей „героев оговорочки“, как окрестил этих премудрых пискарей тов. Ленин в одной из своих статей в той же „Мысли“. Вот что пишет В. И. Ленин о выступлении Потресова и Базарова в статье „Наши упразднители“ (№ 2 „Мысли“):

> Бывают такие литературные выступления, все значение которых состоит в их геростратовском характере. Самое дюжинное литературное произведение, вроде, например, известных «Предпосылок» Эд. Бернштейна, получает выдающееся политическое значение, становится манифестом внутримарксистского течения, по всей линии отходящего от марксизма. Такое же выдающееся значение по своему геростратовскому характеру имеют, несомненно, статьи г. Потресова о пустяках в февральском номере «Нашей Зари» за прошлый год и ответ В. Базарова в апрельской книжке «Н. З.» Конечно, затронутые этими статьями вопросы далеко не так глубоки, не так широки, не имеют того международного значения, как вопросы, поднятые (вернее, выдвинутые вслед за буржуазией) Бернштейном, но для нас, русских, в период 1908-1909-1910-? годов, это вопросы громадной, кардинальной важности. Поэтому статьи г. Потресова и В. Базарова не устарели и говорить о них необходимо, обязательно.
>
> Любитель искусственных, вычурных, вымученных словечек, г. Потресов посвящает свою статью «современной драме наших общественно-политических направлений». На самом деле ровнехонько ничего драматического он не указал и не мог указать в той послереволюционной эволюции либерализма, народничества и марксизма, о которой взялся говорить. Зато комического в рассуждениях г. Потресова не оберешься.

«Именно либерализм,—пишет г. Потресов,—как идейное течение, являет собой картину величайшего разложения и величайшей беспомощности: взять хотя бы эту углубляющуюся трещину, которая залегла между либерализмом практическим и либерализмом теоретизирующим»,—между «эмпиризмом» «Речи» Милюкова и теориями веховцев.

— Полноте-ка, любезнейший. Углубляющаяся трещина залегла между тем, что вы и подобные вам полулибералы говорили и думали о кадетах в 1905-1906-1907 годах, и тем, что вы вынуждены признать, путаясь и противореча себе, в 1909-1910 годах.

Но перейдем к главному, к «гвоздю» геростратовского выступления г. Потресова. Он утверждает, что марксистская мысль «дурманит себя гашишем пустяков»—с махизмом и борьба с ликвидаторством—«дебатируя обо всем, о чем угодно, но только не о том, что является нервом такого общественно-политического направления, как марксистское, но только не о вопросах экономики и не о вопросах политики». Сколько их, этих вопросов,—восклицает г. П. «Как идет экономическое развитие России, какие перемещения сил производит оно под сурдинку реакции, что̀ творится в деревне и в городе, какие изменения несет это развитие в социальный состав рабочего класса России и проч. и проч.? Где ответы или приступ к ответу на эти вопросы, где экономическая школа русского марксизма?»

Ответ, и, уже во всяком случае, приступ к ответу, дан той самой «иерархией» существование которой г. П. злостно и лицемерно отрицает. Развитие русского государственного строя за последние три века показывает нам, что он изменил свой классовый характер в одном определенном направлении. Монархия XVII-го века с боярской думой не похожа на чиновничью-дворянскую монархию XVIII-го века. Монархия первой половины XIX века не то, что монархия 1861-1904 годов. В 1908-1910 г.г. явственно обрисовалась новая полоса, знаменующая е щ е о д и н ш а г в том же направлении, которое можно назвать направлением к буржуазной монархии. В тесной связи с этим шагом стоит и III-я Дума и ваша современная аграрная политика. Новая полоса, таким образом, не случайность, а своеобразная ступень к

капиталистической эволюции страны. Не решая старых проблем, не будучи в состоянии решить их, а следовательно, не устраняя их, эта новая полоса требует применения новых приемов подготовки к старому решению старых проблем. В этом — своеобразие этой невеселой, серой, тяжелой, но оказавшейся неизбежной, полосы. Из этого своеобразия ее экономических и политических особенностей вытекает своеобразие идейных группировок внутри марксизма. Те, кто признает новые приемы подготовки к старому решению старых проблем, сближаются на общей деловой почве, на общей задаче данного периода, хотя их продолжает разделять вопрос о том, как во время предыдущего периода следовало применять в тот или иной момент или двигать вперед старое решение. Те, кто отрицает (или не понимает) новых приемов подготовки или того, что перед нами стоят старые проблемы, что мы идем навстречу старому их решению, те покидают на деле почву марксизма, те оказываются на деле в плену у либералов (как Потресов, Левицкий и т. д.) или у идеалистов и синдикалистов (как В. Базаров и др.).

Находясь в плену у чужих людей и чужих идей, и Потресов и Базаров вместе с их единомышленниками неизбежно запутываются и попадают в самое комичное, самое фальшивое положение. Г. Потресов, бия себя в грудь, кричит: «Где этот приступ, и каков этот ответ»? Мартов, также хорошо зная этот ответ, пытается уверить публику, будто этот ответ признает «буржуазию у власти»: обычный прием либералов использовать вынужденное временное молчание противника. И нас с оскорбленным видом спрашивают при этом: что такое ликвидаторство? Да вот именно этот прием, почтеннейшие, когда люди, претендующие на принадлежность к «целому», пользуясь его ослаблением, уверяют публику, что «ответа» нет (тогда, как «ответ» дан именно «целым»), есть уже один из приемов ликвидаторства (если не ренегатства).

Ликвидаторство есть «фантом в больном воображении», — пишет г. Потресов, — ибо нельзя ликвидировать то, «что уже не поддается ликвидации, чего на самом деле уже нет, как организованного целого».

Я лишен возможности полностью передать читателю мой взгляд на эти строки; чтобы приблизительно передать его, спрошу читателя: как называется человек, у которого ближайшие единомышленники и коллеги принимают выгодные для них положения «целого» (именно как «целого») и который на другой день в печати заявляет: «целого» нет?

По этому пункту точка...

Читатель простит нас за несколько длинную выписку,— но тут, впервые, насколько нам известно, тов. Лениным формулированы в легальной прессе того периода основные революционной соц.-демократии.

На основании вышеприведенных выдержек из статей Плеханова и Ленина ясно намечается принципиальная позиция, которую занял журнал „Мысль" по вопросу о борьбе за партию. Несомненно, что подобного рода позиция не могла не обратить на себя внимания со стороны розыскных органов. Московские власти, информированные о внутреннем положении дел в журнале через провокацию, очень скоро подняли шум в связи с „преступным" направлением журнала и, придравшись к помещаемой статье Каутского в № 5 об Интернационале, провели в срочном порядке ликвидацию журнала.

Вот документ, посланный по этому поводу Московской охранкой директору департамента полиции:

„Петербург. Директору Департамента Полиции.

Ввиду полученных агентурных сведений, что в печатающемся эс-де легализированном журнале „Мысль" помещается преступная статья Каутского, в субботу произведен обыск типографии „Печатное Дело", коим изъято две тысячи семьсот экземпляров журнала. Тотчас собравшийся комитет по делам печати постановил конфисковать номер пятый, с привлечением редактора Пирожкова второму пункту сто двадцать девятой статьи Уголовного Уложения. Владелец типографии Бурче арестован охраной за непредставление цензуре обязательных экземпляров, целью содействовать распространению и вывозу остальных тысячи

трехсот экземпляров железную дорогу, где таковые задерживаются.

№ 24854 Подписал: полковник Заварзин.

С подлинным верно: (подпись неразборчива).

30 апреля 1911 года".

Тут все великолепно: и агентурные сведения о том, что в журнале „Мысль" только собираются поместить „преступную статью", и этот „тотчас собравшийся комитет", и арест владельца типографии, и т. д.

Так кончилась эта первая попытка постановки легального журнала в период столыпинского режима. Ниже, в приложении, мы приводим полный список статей, помещенных в первых четырех книжках журнала „Мысль".

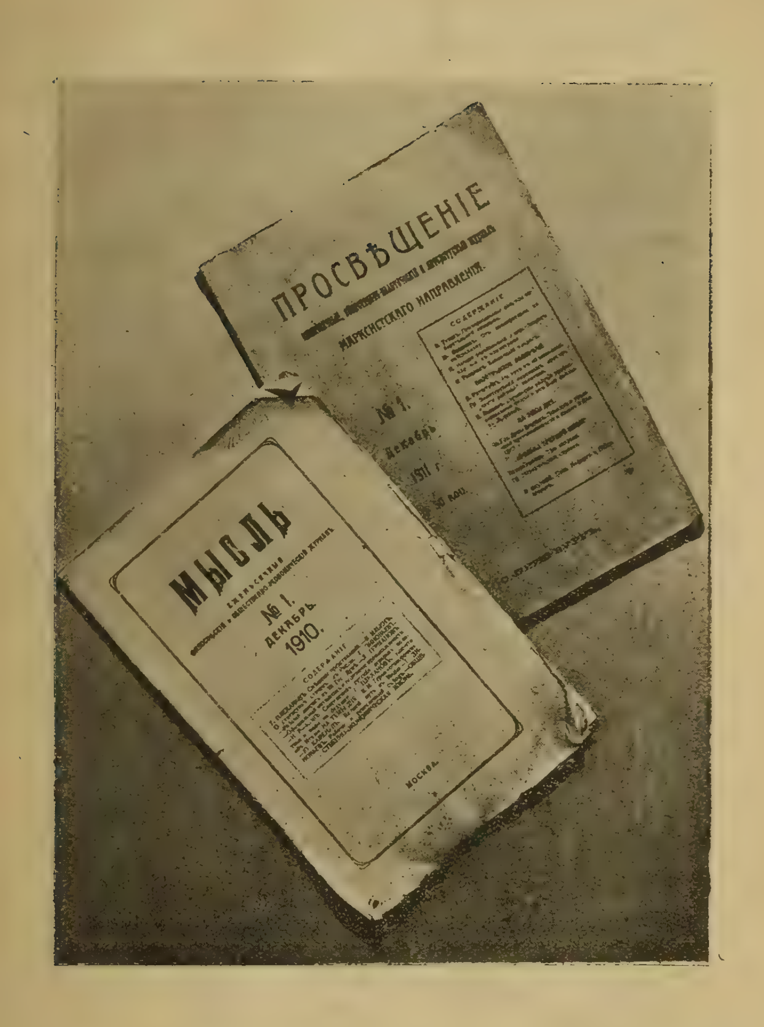
Как возникло «Просвещение» [1].

Журнал „Просвещение" являлся фактически продолжением журнала „Мысль" и представляет из себя единственную длительную попытку постановки легального с.-д. журнала при царизме. Охватывая период свыше двух лет (первая книжка вышла в декабре 1911 г., последняя в июне 1914 г.), он ведет свое существование параллельно с газетами „Звезда" и „Правда", являясь теоретическим органом партии, ставящим своей задачей революционное развитие и углубление классового самосознания ее членов в указанный период „Звезды" и „Правды".

Мысль об организации журнала возникла за границей в 1910 году в нашем Ц.К., находившемся тогда в лице заграничного представительства в Париже. Появление нескольких номеров „Мысли" говорило о том, что это дело не является уже таким безнадежным, как можно было думать на первый взгляд. Начали искать подходящего человека, достаточно „чистого", могущего взяться за это

---

[1]) Часть настоящей статьи, именно, две нижеследующие главы уже опубликованы в журн. „Пролетарская Революция" в № 2/14 за 1923 г.

ПРОСВѢЩЕНІЕ
МАРКСИСТСКАГО НАПРАВЛЕНІЯ
СОДЕРЖАНІЕ
№ 1.
Декабрь
1911 г.
МЫСЛЬ
№ 1.
ДЕКАБРЬ
1910.
СОДЕРЖАНІЕ
МОСКВА

весьма щекотливое дело, таким образом, чтобы не раздразнить сразу же гусей. Осуществить эту попытку было, конечно, очень трудно, особенно считаясь с тем, что только перед тем был основательно разгромлен на пятом номере своего существования журнал „Мысль“, вызвавший к себе большой интерес среди сознательных масс рабочих не только Москвы, но и соприкасающихся районов.

После „Мысли“ остались кое-какие денежные суммы и кое-какие рукописи. Кроме того, за границей наклевывались „издатели“ в лице группы молодых товарищей: А. А. Трояновского, Е. Ф. Розмирович и др., которые имели возможность оказать некоторое субсидирование журналу. Но все это предприятие, конечно, имело очень небольшой реальный базис для своего осуществления, поскольку русские условия и легальные возможности представляли из себя очень сомнительную и весьма условную величину. Нужно было начать с нахождения какого-то товарища, который должен был заняться практически осуществлением этого дела в России. По рекомендации товарища Пятницкого, с которым в это время мы были вместе в Лейпциге, я и был вызван в Париж в качестве такого подходящего кандидата. Так как, обучаясь в Лейпцигском университете, я тогда года на три выбыл из числа активных работников российского подполья, я мог являться более или менее „чистым“ кандидатом. По крайней мере, всем нам казалось тогда, что это так, но, как выяснилось впоследствии, было на самом деле „совсем наоборот“.

Разговор с Ильичем и другими товарищами был весьма короткий. Ничего определенного сказать было нельзя, и я, запасшись адресами в Москву к Зинаиде Павловне Кржижановской и тов. Курскому, должен был на месте выяснить, что и как.

Вскоре, после моего посещения Парижа, я двинулся в Россию, при чем, направляясь в Москву, встретился для совместного проезда через границу и следования дальше с некиим „зубным врачем“, возвращавшимся, судя по паспорту после весьма длительного вояжа по Италии, назад к себе на родину в Москву. Этот „зубной врач“ был ни более ни менее, как наш товарищ А. И. Рыков, с которым

мы проводили перед этим время в Лейпциге и за которым я должен был, согласно уговоров с товарищем Пятницей (Михаил Пятницкий), понаблюдать в дороге, не случится ли с ним какого-либо неприятного казуса, так как он ехал в Россию с ответственным поручением в качестве члена Ц.К. для постановки работы. Я проскочил через границу гладко в качестве человека, имеющего бумаги в полном порядке, а он, правда, с маленькими объяснениями по поводу отсутствия подписи на паспорте с пограничной жандармерией, а в общем тоже, казалось, вполне благополучно. Но, такова ирония судьбы, он был арестован в Москве чуть не на второй день своего прибытия, а я, оказывается, согласно особого циркуляра департамента полиции, в это время разыскивался и должен был быть арестован, ввиду поступивших секретных сведений о моем пребывании в Париже и посылки меня в Россию на работу. Проскочить через границу удалось мне исключительно благодаря бюрократической волоките, в результате чего означенное распоряжение, очевидно, прибыло в место назначения с некоторым запозданием [1]).

Проскочив „благополучно" через границу и прописавшись без хлопот на месте своей родины, в Нижнем-Новгороде, я считал себя „легальнейшим из смертных" и вплотную занялся подготовкой к организации журнала. В Москве от журнала „Мысль" осталось лишь несколько рукописей, которые с трудом и удалось добыть через данные мне за границей связи. Думать о продолжении дела в Москве совершенно не приходилось уже прежде всего потому, что охранка продолжала докапываться до корней редакционной коллегии разгромленного его журнала „Мысль". Через москвичей мне удалось связаться с некиим Таниным, являвшимся практически организатором названного журнала. Встречались мы с превеликими конспирациями и большими предосторожностями, считаясь с

---

[1]) Об этом обстоятельстве мне удалось узнать лишь несколько лет спустя на допросе, после моего ареста в Саратове в 1914 г., от начальника местного жандармского управления Комиссарова, предъявившего мне соответствующий циркуляр департамента полиции.

тем, что уцелел он от ареста „случайно“ и был вообще в Москве человеком запачканным. От него мне и удалось получить первые технические сведения о ведении журнала, так как, каюсь, до того времени ни разу не приходилось иметь об этом деле хотя бы маленькое представление. Но, увы, первым моим учителем в этом деле, как потом достоверно выяснилось, явился провокатор, о чем мне, впрочем, удалось узнать лишь много спустя после Октябрьского переворота. Этот Танин, числившийся тоже „литератором“, на самом деле оказался предавшим нескольких московских товарищей, принимавших участие в журнале, и в том числе товарища Фрумкина (Л. Германова) и других.

В общем оказалось недурное начало: циркуляр департамента полиции и встреча с провокатором, как раз по делу, которое приходилось начинать при полной уверенности, что все идет отлично, а я являюсь абсолютно чистым для постановки такого щекотливого дела, как легальный марксистский журнал в условиях реакции 1910 года.

В Питере.

По выяснении Московской обстановки ясно было, что журнал может быть создан лишь в Питере, особенно считаясь с некоторыми легальными возможностями думского существования. По приезде пришлось столкнуться с трудностями, пожалуй, не меньшими, чем это казалось в самой Москве. Не говоря уже о том, что Николай Гурьевич Полетаев — центр осуществления всех наших легальных возможностей в Питере—отнесся к изданию журнала весьма скептически, недостаток денежных средств, отсутствие литературного портфеля, трудности сговориться с типографией и тысячи прочих причин стояли на пути издания журнала. Прежде всего, нужно было найти редактора и издателя, получивши на это разрешение в градоначальстве. Вещь по тогдашним временам архитрудная, считаясь с теми ограничительными условиями (помимо моментов чисто политических), которые нужно было преодолеть при утверждении журнала. Случай свел меня с товарищем Даль-

геймом, бывшим „правдистом", т.-е. сторонником венской „Правды" т. Троцкого. Этот товарищ, собственно, и помог мне преодолеть первоначальные трудности. Дело в том, чо он обладал одним, хотя и сомнительным, но весьма незаменимым по тем временам качеством. Он был не просто Дальгейм, а барон Дальгейм, что сильно изменяло ситуацию. И вот я иду в градоначальство с видом какого-то мелкого служащего просить разрешения на издание литературно-научного и прочее журнала: „Редактор-издатель Сергей Юрьевич барон Дальгейм". Мало ли что, у всякого барона своя фантазия. Почему бы не быть, так сказать, и культурно-просветительной фантазии... Раз барон, то дело в градоначальстве улаживается довольно быстро. Маленькое затруднение возникает только из-за названия. Придумывается несколько: и достаточно легальных, и благонамеренных, и в то же самое время все-таки хоть отчасти с идейным смыслом. Оказывается, целый ряд названий уже выбран на всякий случай разными предприимчивыми издателями, и приходится остановиться на звучащем слишком культурно - просветительно — „Просвещение". Известную службу сослужило баронское звание Дальгейма и для приискания типографии. Рассчитывать на то, чтобы можно было получить большую типографию, нечего было и думать, и я, основываясь на личных рекомендациях, обратился к мелкому типографу Перельману—хозяину типографии „Печатного Труда" на Мойке, работавшей небольшие заказы и выезжавшей, главным образом, на мальчиках. В это время я работал в Волжско-Камском банке. И вот я в качестве чуть ли не банкира, а С. Ю. Дальгейм —„мецената" закатились в названную типографию. Но Перельман, как человек бывалый, „тертый калач", видавший виды, очень скоро нас раскусил. Но, нуждаясь в работе, маленечко накинув в ценах „на риск", решил пуститься во все тяжкие. Организацию конторы,—конечно, это немного громко сказано,—и всей технико-экспедиционной части взял на себя наш старый товарищ Константин Матвеевич Шведчиков,—нынешний председатель Бумтреста. Редакцию устроили фиктивную, только для отвода глаз, фактическое составление номера и хранение рукописей произ-

водилось по квартирам, а рукописи прятались в надежных местах.

Пришли, наконец, статьи из-за границы, частично был использован статейный материал, оставшийся от „Мысли“ и с большим трудом и затратой массы энергии удалось выпустить долгожданный первый номер „Просвещения“, вышедший в декабре 1911 года.

Если, в общем и целом, первые моменты организации журнала прошли как будто благоприятно, то это было только кажущееся спокойствие: штиль перед бурей. Охранка очень скоро разнюхала, что это далеко не простая баронская фантазия, а самая доподлинная попытка колебания основ. Начался скоро обстрел по всему фронту. Не говоря уже о том, что в только что открывшуюся редакцию начали таскаться весьма сомнительные „авторы“, предлагавшие свои услуги, и не менее сомнительные подписчики—правда, платившие наличными и подписавшиеся чуть ли не на год вперед,—но началась и более настойчивая атака на нас самих, грешных. Было бессмысленно, конечно, и невозможно фактически окончательно скрывать нашу идейную связь с тогдашней „Звездой“, где мы печатали бесплатно объявления, а впоследствии и с „Правдой“, и не приходилось затушевывать и то, что „Просвещение“ является органом „марксистского направления“.

Так или иначе вспоминается, что уже перед выходом первого номера в редакцию нагрянула полиция, по какому-то архинелепому поводу, захватив наличную переписку, устроила маленький погром. Добираются и до меня. Я арестовываюсь тоже без объяснения причин, очевидно, в связи с вышеуказанным циркуляром, и, только благодаря чисто внешним обстоятельствам, из-за нежелания раздутия скандала, после некоторого сидения, освобождаюсь в результате хлопот отца, бывшего тогда членом Третьей Государственной Думы. Начинаются обыски и у т. Шведчикова, и у товарища Дальгейма. После первого номера наш редактор-издатель начинает категорически просить пардона, не совсем сочувствуя и направлению журнала, да и не желая засесть за дело, к которому он не имеет фактически никакого отношения. Редактором журнала скоро проводим бесшабаш-

ного товарища Федорова, по убеждению анархиста, с которым столковываемся о тридцати рублях месячного жалования. Тов. Федоров оказывается идеальным редактором. Абсолютно никаких претензий ни к конторе, ни к редакции, а иногда, случается, малую толику поможет в деле разноски журнала на почтамт и по магазинам, особенно, когда это требуется по цензурным соображениям сделать молниеносно. Издателем вместо С. Ю. Дальгейма скоро делаем Елену Густавовну Смиттен—нашего старого партийного товарища, которая с честью несет свое издательское бремя все время существования журнала. Репрессии, между тем, начинают сыпаться, как из рога изобилия. Беспечный Федоров получает, в конце концов, несколько статей и переселяется в предварилку. Его сменяет тов. В. З. Соколов, последнего заступает Д. С. Иванов. После того, как товарищ Соколов выходит из тюрьмы, он приступает опять к своим прежним функциям редактора. Хотя, в общем и целом, „Просвещение“ и остается всегда несколько в тени по сравнению с „Правдой“ и даже ему удается, в конце концов, не менять своего заглавия,—мартиролог репрессий и за ним числится весьма солидный, а его сотрудники подвергаются приблизительно той же участи, что и товарищи правдисты, да и то нужно отметить, что категория ближайших сотрудников там и здесь почти одна и та же, и только случайные временные обстоятельства сближают периодически тех или других товарищей особенно близко с журналом „Просвещение“.

Вечно больным вопросом для существования журнала была, помимо полицейских причин, еще и скудность материальных рессурсов. Особенно много доставалось Константину Матвеевичу Шведчикову в борьбе со всякого рода техническими препятствиями. Приходилось биться, как рыбе об лед, и каждый раз, когда рождалась новая книжка, товарищи должны были вытаскивать ее „еще тепленькую“, прямо из-под типографского станка, чтобы успеть унести драгоценный груз из-под лапы полицейского зверя, всегда распростертой над ненавистным журналом... Тех небольших материальных средств, которыми могла снабжать нас время от времени заграница, оказывалось далеко недостаточно, а

наши так называемые „издатели“ сами сидели частенько без копейки денег. Приходилось прибегать к разным комбинациям, устраивать благотворительные вечера, заниматься сбором пожертвований и даже установить с почтеннейшим Перельманом некоторые взаимоотношения кредита, выдавая ему периодически векселя, для чего я специально записался в какое-то общество взаимопомощи.

Все время существования журнала мы все же старались держать фасон, что это предприятие особое от „Правды“, так сказать, „частное издание“ неизвестных капиталистов. Прекрасно осведомленная о всех наших внутренних делах охранка и департамент полиции, конечно, ни на секунду не сомневались в обратном, но все же мы выдержали марку и, несмотря на большой соблазн, не перебрались в редакцию „Правды“. Потом мы объединились территориально с издательством „Прибой“ и занимали на Измайловском целую квартиру. Помимо Константина Матвеевича Шведчикова в организационном аппарате журнала принимали деятельное участие и его жена, Евг. Михайловна, товарищ Метелев, Витольд Францевич Ушацкий. Я был за правдистские и просвещенские дела, в конце концов, арестован в декабре 1913 года, арестован был впоследствии и Шведчиков, так же, как и ряд других товарищей, имевших к этому делу то или другое отношение.

Такова в кратких чертах организационная сторона дела, в общем связанная с борьбой с разными мелкими препятствиями.

Самым характерным для нее были чрезвычайно тяжелые внешние условия, стоявшие поперек самых лучших планов.

Перейдем теперь к изложению редакционной работы, как она складывалась вокруг журнала „Просвещение“.

Редакционная работа.

Перед отъездом из-за границы было обусловлено, что редакция журнала будет находиться за границей, а русские товарищи будут в значительной степени являться выпол-

пителями организационной работы. Это казалось так естественно и неизбежно, считаясь с тем, что журнал должен был отражать точку зрения Ц. К. большевиков и служить подсобным органом для формирования прежде всего партийной работы. Это общее положение оставалось в принципиальных своих основах незыблемым все время существования журнала. Но на деле с самого же начала обнаружилось, что, конечно, сумма прав и ответственности русских товарищей должна была быть несомненно бо́льшая, чем это имелось в виду в первоначальных разговорах. Прежде всего на русских товарищей целиком падала ответственность за цензурность статей. Тут были предоставлены с самого начала широчайшие права кромсать и резать материалы и статьи, а мы, в связи с нажимами царской цензуры и разгулом органов охраны, в свою очередь, очень часто начинали разводить панику и бить тревогу, вытравлять все мало-мальски подводившее „под статью“ или облекать все это в такие выражения, что добраться до истинного смысла можно было лишь человеку сугубо искушенному в эзоповских оборотах речи тогдашних политических статей. Но было и другое не менее существенное обстоятельство, заставлявшее брать на себя действительную ответственность за помещение статей в журнале, это невозможность посылать их за границу на заключение, что являлось верхом технической волокиты. Лишь особо важные статьи „сомнительных“ авторов путешествовали иногда на отзыв к заграничным товарищам.

Поскольку это было возможно, велась непрерывная переписка с заграницей через Надежду Константиновну по указанным ею адресам, при чем кое-что наиболее секретное писалось химией или шифровалось. Это далеко не значит, конечно, что охранным инстанциям не удавалось проникать в редакционные секреты, да и не мудрено, считаясь с тем, что архив того же „Просвещения“ находился на сохранении в самом, казалось, надежном месте, у Романа Малиновского; у него же, насколько помнится, была и знаменитая книжечка с адресами и явками партийного порядка. Вот почему, пробегая теперь дела департамента полиции, встречаешь там и здесь копии заграничной переписки, а иногда

копии писем, тщательно снятые с подлинников, которые потом в интересах дальнейшей перлюстрации отсылались, по использовании департаментом, по назначению, по указанным адресам.

Перелистывая книжки „Просвещения“ в коричневой обложке, видишь, какую большую работу выполняла в формировании журнала заграница, она присылала не только наиболее важные в принципиальном отношении статьи, но и ряд отдельных заметок, обзоров и т. д., освещающих наиболее острые вопросы российской действительности. Правда, для придания большей конспиративности в ведении журнала, мы очень часто скрывали подлинных авторов статей, придумывая им соответствующие российские псевдонимы. Так, например, стоит какой-нибудь вопрос в Государственной Думе, необходимо отхлестать, как следует, кадетов и т. д., появляются статьи за подписью Петербуржца (читай Ленина), используются его легальные и казалось давно позабытые псевдонимы, как А. Тулин, или просто придумываются совершенно неизвестные даже и для заграницы псевдонимы. Таким образом появляются статьи за подписью Зуева (Г. Зиновьев) и т. д. Кроме основной редакционной тройки из заграничных товарищей, принимают участие в журнале т.т. Н. И. Бухарин, А. А. Трояновский, В. Воровский, А. Малецкий, Ф. Ротштейн, Н. К. Крупская, Н. Рязанов, Ю. Стеклов, Г. Каменский, Г. Циперович, Ал. Шляпников, Ал. Стоянов, Г. Чудновский, А. Шотман и другие. Что касается русских товарищей, то их можно разделить на две категории: это небольшой круг, в разное время организационно очень тесно стоявший к „Просвещению“, и ряд более или менее постоянных сотрудников. В тогдашних тяжелых условиях чрезвычайно трудно было работать без наличия определенной группы товарищей, которые могли бы разделять тяготы по организации портфеля журнала, ведению некоторых постоянных отделов и прочее. К числу первых нужно отнести прежде всего товарища Анну Ильиничну Елизарову, работавшую с осени 1913 г. в качестве секретаря редакции, а потом, с момента моего ареста, в качестве ближайшего члена редакционной коллегии. К категории постоянных сотрудников, в мое время

организационно с журналом связанных, относятся т. М. С. Ольминский, оказывавший большую помощь в редактировании и оценке материала, товарищ Политикус (Лев Михайлович Михайлов), тов. Рябинин, затем К. М. Шведчиков и ряд товарищей правдистов. Постоянное литературное участие в журнале принимают: тов. Молотов, Л. Сосновский, А. Юрьев (А. Самойлов), Старый приказчик (Сейфер), Адамов (А. А. Блюм), Б. Г. Данский (К. Комаровский), Ч. Гурский (С. Данилов), Т. Гневич (З. Фаберкевич), Вив (А. Н. Винокуров), И. Гладнев (С. М. Закс), Л. Германов (М. И. Фрумкин) [1]), И. И. Скворцов-Степанов, Осинский и т. д.... По разрешению ряда принципиальных вопросов большое содействие оказывает бывший одно время в Питере тов. Сталин, член Ц. К. В „Просвещении“ идет ряд его фельетонов по национальному вопросу, являющихся блестящим изложением нашей программы в этой области. Ближайшим сотрудником „Просвещения“ оказывается и Демьян Бедный, помещающий там ряд своих басен, и хотя некоторые из басенок оказываются не по нутру нашей цензуре, но зато они много содействуют оживлению журнала и популяризации его среди рабочих масс. Можно указать еще целый ряд сотрудников, которые в разный период времени встают иногда довольно близко к журналу: Ираши (М. И. Ильина), Михальчи (Нахимсон) и другие. С начала 1914 года общее руководство журналом в России (так же, как и „Правды“) переходит к т. Льву Борисовичу Каменеву, который в это время приезжает в Россию, легализуется и принимается за активную литературную работу. Правда, работа эта протекает в чрезвычайно неблагоприятных условиях, поскольку масса правдистов к этому времени пачками рассылается из Питера, или в места не столь отдаленные, или, в лучшем случае, за предел 52 пунктов.

Совершенно особое место в журнале занимает так называемый литературный отдел. После довольно длительной переписки с заграницей, редактирование этого отдела взял на себя Максим Горький (Алексей Максимович Пешков),

---

[1]) Писал из ссылки.

который в это время жил на острове Капри. Им, из Каприйского далека, со свойственной ему аккуратностью и добросовестностью к каждому номеру, начиная с 1913 г. присылаются беллетристические произведения или собственные, или авторов, близких ему по духу. У русской редакции завязываются с ним постоянные деловые сношения, посылаются на отзыв рассказы и стихотворения, поступающие в портфель редакции, главным образом, рабочих, при чем им всегда очень внимательно прочитываются произведения начинающих беллетристов, даются деловые указания, одним словом, ведется большая литературная работа. Мы видим на страницах поэтов (Герасимова и других). Литературный отдел значительно оживляет журнал, придавая ему более разносторонний характер, популяризируя его через имя Горького среди широких кругов читателей.

Не нужно забывать все же, при каких ненормальных условиях происходит существование журнала. Несмотря на его большую популярность, несмотря на первоклассные литературные и публицистические имена, принимающие участие в журнале, журнал не может развиваться из-за невероятных цензурных и полицейских условий: конфискация, аресты, обыски сыплются на него параллельно с развитием общих репрессий на рабочую печать, и он вынужден, в конце концов, кончить дни свои в середине 1914 года, когда в Питере начинает пахнуть одновременно и войной, и революцией, и когда прогнившие верхушки самодержавной пирамиды обрушиваются всей тяжестью своих диких репрессий на всякое пролетарское живое слово.

Характеризуя „Просвещение“ как теоретический орган партии, мы, конечно, должны отметить, что все же он ставил своей основной целью давать научный материал в доступной форме и не мог заниматься особым углублением целого ряда теоретико-философских вопросов и основных экономических проблем. Для этого были другие возможности касаться этих вопросов путем издания специальных книг и брошюр. Да и время было такое, которое прежде всего требовало боевого органа, направленного в сторону рассмотрения актуальнейших вопросов текущего

момента. Борьба с оппортунизмом в партии, решительная борьба с ликвидаторством, разоблачение столыпинских приспособленцев, пытавшихся свести рабочее движение с большой дороги революции в трясину злейшего соглашательства и оппортунизма, разоблачение сущности кадетско-октябристского либерализма и выведение на чистую воду дельцов третьеиюньского режима, сгруппировавшихся вокруг Государственной Думы — вот та ясная линия большинства руководящих политических статей тогдашнего „Просвещения“.

Нам не приходится касаться тех основных задач текущего момента и давать общую характеристику эпохи — об этом достаточно писалось. В частности по этому поводу мы имеем такой мастерской набросок, как статья т. М. С. Ольминского в первом номере сборника «Из эпохи „Звезды“ и „Правды“», что не стоило бы останавливаться на этом еще раз. Во всяком случае, все те большие вопросы, которые связаны были с моментами борьбы между шестеркой и семеркой, страховая кампания, Лена, лозунги избирательной кампании в Государственную Думу, национальный вопрос и пр. — все это получало надлежащее отражение, главным образом, в присылаемых из-за границы статьях и прежде всего в статьях самого Владимира Ильича Ленина. В „Просвещении“ идут не только его фундаментальные вещи (как, напр., „Три источника и три составные части марксизма“, статья по национальному вопросу, по избирательной кампании), но и ряд мастерских публицистических статей и заметок более легкого типа, типа, который, к сожалению, в настоящее время почти совершенно отсутствует в нашей прессе.

Несомненно, что все эти злободневные статьи не могли не интересовать глубоко сознательные круги рабочего класса и нашу революционную марксистскую интеллигенцию. Об этом говорят довольно красноречиво и цифры распространения журнала и рост подписчиков. Если раньше журнал печатался в количестве 2.500 — 3.000 экземпляров, то на второй год своего существования он догнал тираж до 5.000 экземпляров — цифры очень внушительной, если иметь в виду непрерывные конфискации и аресты номеров. Ха-

рактерным являлось то, что читателями журнала в значительной степени были рабочие, очень часто подписывавшиеся коллективно на свои грошевые заработки. Другое характерное явление — это распространение журнала в ссылке. У нас всегда было до 200 и более бесплатных подписчиков из ссылки, а товарищи, сидевшие в разных сибирских медвежьих углах, через журнал имели чуть не единственную связь с нашей партийной марксистской мыслью, а некоторые из них присылали нам свои статьи.

Переписка с заграницей.

Как было условлено, я должен был ставить в известность заграничную редакцию журнала о всех текущих литературных делах, касающихся „Просвещения". Переписка в общем тянулась свыше двух лет, очень часто затрагивая круг вопросов, далеко выходящих за пределы чисто литературных тем. Заграница судорожно цеплялась за всякую малейшую возможность лучшей информации о том, что делается в Питере, интересуясь самыми незначительными подробностями, желая быть в курсе жизни того муравейника, который образовался вокруг газет, журнала и издательства („Прибой"). В общем накопилась большая переписка, и у меня мало-по-малу собрался целый архив писем Владимира Ильича, Надежды Константиновны, Зиновьева, Каменева, Горького и др. Вечно опасаясь обыска, я, конечно, не держал их при себе, передавая в сохранные местечки. Одно время они лежали „в самом сохранном месте" у Романа Малиновского, а потом по моему настоянию были пересланы с отъезжавшими депутатами в Паронин к Ильичу. Я не сомневаюсь, что Малиновским они были использованы „для своих целей", но все же, насколько мне память не изменяет, я впоследствии, во время пребывания в Кракове и Паронине, видел их в большей или меньшей неприкосновенности. Судьба архива „Просвещения" мне неизвестна в настоящее время, а из перлюстрированных писем, „осевших" в департаменте полиции, мне удалось разыскать пока всего только три письма, которые при сем прилагаются.

Первое письмо датировано 11 декаяря 1912 г. и касается не столько „Просвещения“ самого, сколько нашей думской фракции, и содержит чрезвычайно интересный анкетный листок для шести депутатов. Вопросы, поставленные в этом листке с исчерпывающей ясностью пытаются выяснить чрезвычайно важные цифровые данные о том, кто же стоял за шестеркой: большинство или меньшинство рабочего класса? Как известно, шестерка, составлявшая меньшинство в думской фракции, на самом деле представляла громадное большинство рабочего класса, будучи выбрана целиком от рабочих курий наиболее промышленных губерний. Вот точная копия этого письма:

Краков, 11 декабря 1912 года, С.-Петербург, в редакцию журнала «Просвещение», Ямская 3, кв. 12 [1]).

Дорогой друг. В еженедельнике [2]) остались статьи, которые теперь могли бы подойти для вас. Необходимо их разыскать во что бы то ни стало. Таковы статьи Фрея: «Из практики английских либеральных политиков», его же: «Две утопии» (кадеты и народники), Скопина «Маркс и Фрейлиграт» и некоторые др. Очень просим вас разыскать их поскорее, прочесть и сообщить ваше мнение. С нетерпением ждем вашего письма: получены ли деньги и когда последний срок для присылки рукописей? Привет...

Прилагаем анкетный лист для 6 депутатов, выбранных от рабочей курии. Необходимо им передать и добиться, чтобы они немедленно дали ответы на все вопросы. Кое-кто из них уже обещал это сделать... Не откажет ни один, если объяснить важность. Только пусть не ставят «официально» во фракции. Пойдет только волокита и склока. Пусть сделают сами и поскорее. Самое лучшее, если не ограничатся сухим ответом на вопросы, а, руководясь анкетным листком в общем, сами дадут связное изложение, каждый о своей губернии. Приставьте кого-нибудь, чтобы помог. Всех приглашайте в сотрудники. Что теперь слышно в газ.—Отчего же не появляются уже ваши объявления. Написали ли Венцу [3]).

---

[1]) В Деп. Пол. значится за № вх. 4748, 30 ноября 1912 г.

[2]) Газ. «Звезда».

[3]) Должно быть А. А. Трояновскому.

АНКЕТНЫЙ ЛИСТОК.

Выборы по рабочей курии.

1) Сколько было уполномоченных.
2) Как велико было участие рабочих при выборах уполномоченных. Если можете, назовите приблизительно среднюю цифру или процент являвшихся на выборы рабочих. Проводился ли, где именно и кем именно сознательный бойкот. Каковы, по вашему мнению, причины недостаточной явки рабочих на выборы.
3) Были ли предвыборные собрания до выборов уполномоченных. Где именно. Как и кем собрания проводились.
4) Были ли на фабриках и заводах распространены избирательные платформы. Какие именно. Как отнеслись рабочие к платформам. Были ли наказы уполномоченным. Какие именно.
5) Как намечались кандидаты в уполномоченные. Были ли двойные с.-д. кандидатуры. Были ли кандидаты других партий (монархисты, беспартийные).
6) Были ли предварительные собрания уполномоченных до выборов выборщиков. Разрешенные или неразрешенные. Что на этих собраниях обсуждалось.
7) Как составлялись списки выборщиков. Были ли предложения с.-д. групп и организаций. Был ли один или два списка.
8) Передайте главные споры на собрании уполномоченных перед выбором выборщиков. Речи правых и беспартийных. Столкновение с.-д. разных направлений и т. д.
9) Намечался ли депутат в Думу на самом собрании уполномоченных.
10) Был ли дан наказ выборщикам.
11) Какой элемент преобладал среди уполномоченных. Молодежь, старики, партийные, серые. Читали ли рабочую печать. Какую именно. Каково их отношение к рабочим газетам. Как поставлено у них распространение рабочих газет. Были ли среди них участники профессионального движения и т. д. Сколько большевиков, меньшевиков, ликвидаторов, нефракционных.

12) Были ли какие-либо споры и столкновения среди выборщиков.
13) Были ли попытки правых в губернском собрании провести в депутаты не того, кого хотели рабочие.
14) Были ли рабочие выборщики на предварительных совещаниях с оппозиционными выборщиками. Что обсуждалось на этих совещаниях. Как вели себя рабочие. Кадеты. Прогрессисты. Крестьяне.
15) Опишите все известные вам случаи давления администрации и полиции на выборы рабочих: аресты, разъяснения, невнесение в списки, внезапное назначение выборов и т. д.
16) Осталась ли какая-либо организационная связь между уполномоченными и выборщиками.
17) Дан ли наказ депутату и какой именно.
18) Кто вы (депутат): большевик, ликвидатор, нефракционный.
19) Дополняйте сведения, чем найдете нужным.

Лучше всего, если вы дадите материал не в форме сухих ответов на вопросы, а руководствуясь в общем поставленными вопросами, просто сами опишите, как знаете, все, что видели на выборах. Собрать материал крайне важно. Конечно, напечатаем только то, что вы сочтете возможным. Переработав раньше, чем печатать, покажем вам. Не откладывайте в долгий ящик.

Не ставьте этого дела «официальным» путем во фракции. Пойдет только волокита и возня. Сделайте сами прежде всего среди 6 депутатов от рабочей курии.

Ниже помещаются два письма: одно, принадлежащее Владимиру Ильичу с приписочкой Надежды Константиновны, другое письмо тов. Г. Е. Зиновьева, адресованное в „Правду“, по поводу журн. „Просвещение“. Первое письмо касается больного вопроса о переписке, по „понятным причинам“ налаживавшейся с величайшим трудом. В нем Владимир Ильич намечает целый ряд тем к очередному номеру. Интересно отметить обычную пунктуальность Владимира Ильича и его внимательное отношение к журналу, что так ярко сказалось, между прочим, в прилагаемой им корректурной поправке.

Второе письмо, адресованное в „Правду“, ставит вопрос об объединении „Просвещения“ и „Правды“ под одной крышей, чему сильно противилась русская часть редакции „Просвещения“. „Васей“ очевидно именуется тов. Сталин. „Библиотекой Дня“ — „Прибой“.

Краков, 22 февраля 1913 г. В. Ильин в С.-Петербург помощнику присяжного поверенного Лазуркину, Лиговка 44, кв. № 326

для Ветрова [1]). Спешное.

Дор. коллега. Крайне грустно, что переписка у нас все не налаживается,—что нет особого адреса к вам лично,—что вы не отвечаете чересчур подолгу на вопросы: 1) я вам писал уже очень и очень давно, что в «Звезде» остались, кроме статьи «Англ. споры о раб. политике», еще статьи «Две утопии» и критика бойкотизма (против Амфитеатрова, заглавия не помню). Повторяю просьбу: раздобыть их и выслать мне. Я надеюсь их использовать. 2) В «Правде» есть тоже ряд статей, неиспользованных там. Очень прошу вас добыть их и составить из них заметки публициста за подписью хотя бы Т... примерный состав. I. Ответ Маевскому (в Луче о ликв-ве). — (Теперь эта тема нужнее тем, что Дневн. и Плех. в № 234 «Правды» нехорошие ноты пустил). II. Булгаков из «Русс. Мысли» о крестьянах (не помню заглавия). III. О нравственности (две статейки). IV. Возрастающее несоответствие (по поводу февральского 1913 г. освещения к. д., на это надо откликнуться. 2 статейки позавчера посланы в «Правду», остальные 4 маленькие, посылаю сегодня). Название параграфов надо набирать не крупным шрифтом (как сделано в № 1 «Просвещения» в статье «Итоги выборов»), а петитом.

Опечаток ужасно много в № 1 «Просвещения»... Корректуру статьи «Ан. споры о р. пол.» посылаю. Ее надо пустить. Неужели не избавились еще от Михальчи» [2])... Это необходимо

---

[1]) Тов. М. А. Савельев. *Ред.*

[2]) Михальчи—это наш товарищ Нахимсон, трагически погибший во время ярославского восстания белых. Во времена «Правды» он, в качестве примиренца и вчерашнего бундиста, был сильно взят под подозрение заграничной редакцией.

право же, необходимо. Вижу опечатку в «Просвещении» № 1 (стр. 26). Надо исправить печатно обязательно. Прилагаю поправку Вл. Ильича.

Опечатка.

В январскую книжку «Просвещения» (1913 г., № 1) вкралось много опечаток. Исправляем одну, искажающую мысль, на стр. 26-й, строка 23 сверху напечатано «25% в рабочие партии», следует читать 52%.

Приложение, написанное другим почерком.

Четыреста рублей (400) в уплату жалованья двум сотрудникам с 15 октября нов. ст. по 15 января н. ст. 1913 г. получены.

Н. Ульянова.

Краков 4 января 1913 г. Крупская и «Гр.» в С.-Петербург Николаю Ильичу Подвойскому, Галерная 5, кв. 17 (следует письмо редакции).

Теперь письмо Гр.

Дорогие друзья. Вопрос о Ветровском журнале [1]) тоже не обойдется без нас. 1) Из сметы окончательно выяснилось, что одни накладные расходы (контора, квартира и пр.) составляют 150 р. на книжку. Это невозможно. Необходимо журнал приютить при «Дне» [2])—это вполне совместимо,—выходит всего раз в месяц, хлопот немного, квартира и штата «Дня» хватит и на это. Рублей 100 наверное съэкономим на этом, и тогда издание «Ветровки» станет возможным. Переговорите с Ветровым и решите это дело не медля. 2) Придется вам дать из «Дня» взаймы издателю «Ветровки» и на 1—1½ месяца от 150 до 200 рублей (под расписку). Издатель [3]) вернет. Он обещал на журнал тысячу рублей за год. 300 он уже дал. Сейчас лишь заминка на месяц. Сейчас достать не может, и дело встанет. 3) Выясните поскорее

---

[1]) „Просвещение“.

[2]) „Правда“.

[3]) Группа заграничных товарищей: А. А. Трояновский, Е. Ф. Розмирович, Ю. Л. Пятаков.

дело с Васей[1]) о брошюрном издательстве (Библиотека «Дня»), ответьте нам скорее, чтобы можно было приняться за дело. 4) Поелику вы не шлете никаких материалов, никаких речей писать невозможно. Имейте и это в виду. Если хотите, чтобы мы помогли, шлите материал. Забот немного. Сделать это можно и нужно. Шлите на личный адрес, только номер дома не 47, а 49. 5) На масленицу номеру 3[2]), а может быть, и № 6-му[3]) хорошо бы съездить в Москву к инженерам и другим за денежной помощью. Это настоятельно необходимо.

Дайте связи с Уралом.

Все три вышеприведенные письма чрезвычайно ярко и выпукло обрисовывают нам ту обстановку, в которой приходилось „России“ и „Загранице“ работать над созданием журнала.

М. Савельѐв.

---

[1]) Тов. И. В. Сталин.
[2]) Р. Малиновский.
[3]) Тов. Г. И. Петровский.

К истории марксистского журнала «Просвещение» [1]).

(Последний июльский номер 1914 года.)

Из-за стекол книжного шкафа на меня смотрят еще успевшие облечься в переплеты до-военного времени томы „Просвещения“ за 1912, 1913 г.г. и первую половину 1914 года. Рядом с ними стоит тоненькая книжка в красном переплете. Она имеет свою историю, крепкими нитями сплетенную со всей нашей современной действительностью.

Это—книжка, не увидевшая света: она является третьей уже сверстанной корректурой трех первых листов № 7 общественно - политического и литературного журнала „Просвещение“, марксистского направления, за июль месяц 1914 года, журнала, издававшегося в С. Петербурге с 1912 по 1914 г.г.

Указание на „марксистское направление“ „Просвещения“ имело, как известно, целью замаскировать и в то же время ясно определить в легальной печати революционный характер этого журнала и принадлежность его к органам того же типа, что и газеты „Звезда“ и „Правда“, т.-е. большинства Р. С.-Д. Р. П.

Мировая война, начавшаяся 20 июля 1914 года по старому стилю и сделавшая невозможным дальнейший выход газеты „Правда“, прекратила и издание журнала „Просвещение“.

И вот от июльского его № за 1914 г. осталось только три первых сверстанных листа.

---

[1]) Напечатано в «Пролетарской Революции» № 2—1923 год.

Эти листы попали в мои руки, как к члену редакционной коллегии журнала, вместе со многими рукописями, сданными мною впоследствии А. И. Елизаровой и частью использованными ею для печати. Сам же невышедший номер „Просвещения“ остался у меня, и хранится заботливо в моей библиотеке. Думаю, что описание его содержания будет небезынтересно для читателей.

Книжка открывается рассказом Х. Пестуна: „Кандалы“, за которым следует стихотворение Юрия Зубовского („Уходит, тихо тая, последняя тоска“...) и два стихотворения Дм. Семеновского („От росы бело в низине“ и „Швейки“).

Мелким шрифтом идут далее статьи: 1) Профессионала: „В центральном районе“ (из воспоминаний профессионала о работе в качестве секретаря союза текстильщиков в центральном районе), 2) Г. Тинского [1]). „К вопросу о промышленном кризисе в России“ и незаконченная версткой статья: „К вопросу о синдикатах и трестах“ автора, имя которого мною теперь позабыто. Всего 48 страниц текста, обрывающегося на полуфразе.

Но этим история злополучного номера еще не кончается. Его титульный лист носит явные следы попыток воскресить издание, сделать невозможное возможным. Я не хочу здесь и не в состоянии писать полной истории возникновения журнала, а также воспоминаний о работе его редакции [2]). Укажу лишь в той мере, в какой это необходимо для моей цели проследить судьбу последнего номера „Просвещения“, что очень скоро по объявлении войны 1914 года в редакции журнала перестало царить то единодушие, какое было в ней до роковой даты 20 июля. Причинами этого было, конечно, сначала смутно сознаваемое различное отношение к войне отдельных членов редакционной коллегии. Так или иначе, на частных собраниях некоторых членов редакции у А. И. Елизаровой мысль о возобновлении журнала „Просвещение“ не бросалась еще в течение почти целого года.

---

[1]) Псевдоним тов. Гр. Усиевича.

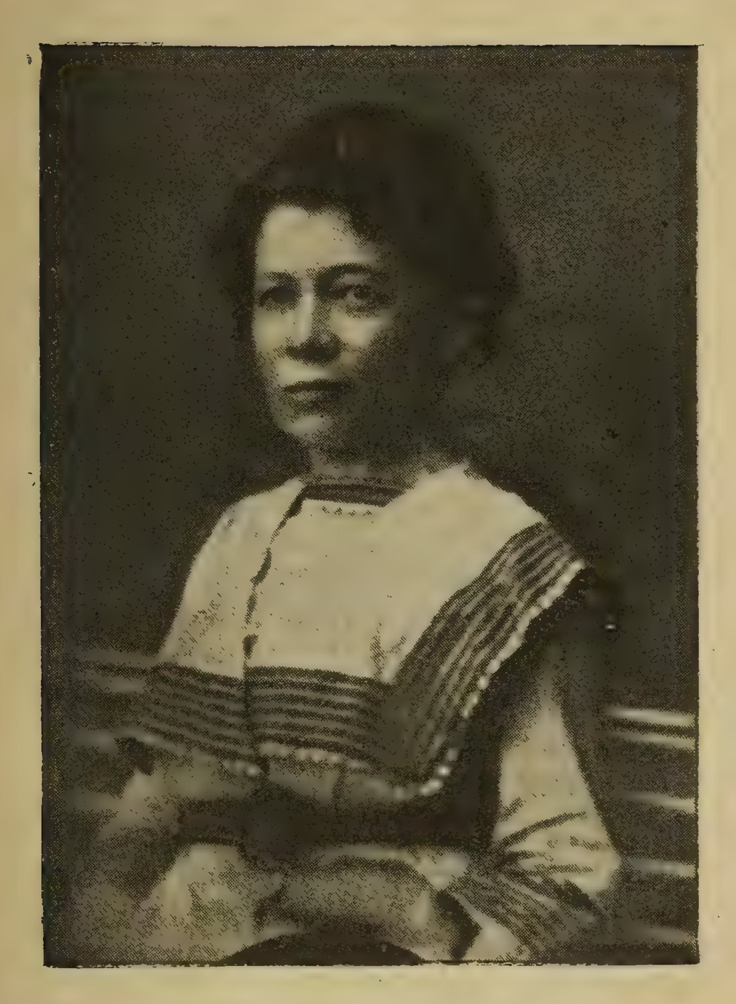
[2]) По моему мнению, историю эту написать следует, а также, б. м., и соответственные воспоминания. А. Р.

Об этом напоминает мне пометка на титульном листе последнего номера, где цифра 7 и слово „июль" зачеркнуты и вместо них поставлено № 1 (январь-июнь), а к тексту статьи о промышленном кризисе в России от руки сделано примечание редакции, что статья эта, написанная еще до войны, печатается в настоящее время, так как она и до сих пор сохраняет свой интерес.

Такова была тщетная попытка воскресить журнал в первой половине 1915 года с тем, чтобы выпустить его в свет в виде хотя бы двух книжек в год.

Военные события развертывались все дальше и дальше, революционная работа пролетариата углублялась, для легальной печати „марксистского направления" в тогдашней России не оставалось места. Журнал „Просвещение" прекратился навсегда, но... с тем, однако, чтобы раздробленно воспрянуть во всем том множестве органов революционной печати, которые возникли в новой России после 25 октября 1917 года.

А. Рябинин.

А. И. Елизарова.

Журнал «Работница» 1914 г.

Осенью 1913 г. я приехала из провинции в Петербург, чтобы помочь посильно в работе по легальной рабочей печати, которая тогда, к изумлению не только нас, старых партийных работников, разбросанных по провинциям, но и петербуржцев, разрасталась мощно и непобедимо наперекор всякому гнету и гонениям. Взяв на себя секретарство, а с арестом т. М. А. Савельева в декабре этого года и редакционные обязанности в марксистском журнале „Просвещение“, я поддерживала связь и с „Правдой“ под ее различными наименованиями: заходя в редакцию, я брала у К. С. Еремеева, ведавшего страничкой рабочей печати, пачки рукописей рабочих для исправления на дом. Знакомясь с ними, я видела много писем и корреспонденций работниц, подростков с разных предприятий. Слабые каллиграфия и орфография давали часто малодушную мысль, что вряд ли тут есть что-нибудь годное для печати: но потрудишься, вчитаешься в неразборчивые строки и удивишься порою, как ясно работала мысль корреспондента или какие звучные стихотворные строки получаются из этих неразборчивых каракуль. Много корреспонденций не находило места в тогдашней „Правде“ малого размера, особенно огорчались работницы, менее умелые, писания которых редко сравнительно попадали в печать.

В декабре 1913 года я получила от брата, Вл. Ильича, жившего тогда в Кракове, письмо на английском языке. Он писал мне тогда на редакцию „Просвещение“ на псевдоним Андрея Николаевича. Химические письма шли по другим адресам, чтобы не компрометировать редакции

легальных органов, на этот же адрес более конспиративное брат писал иногда по английски. В этом письме Вл. Ильич давал мне мысль об организации журнала для работниц, советуя наметить подходящих лиц в редакцию, но прося до времени держать это в строгом секрете. Обдумавши и оглянувшись вокруг себя, я наметила одну Прасковью Францевну Куделли, согласие которой на работу и приобрела. На рождество я уезжала к матери и сестре в Вологду, а по возвращении узнала, что идея журнала разрабатывается уже довольно поспешно приехавшей из-заграницы т. Е. Ф. Розмирович и К. Н. Самойловой.

К. Н. Самойлова состояла в то время секретарем „Правды", была очень завалена работой, на что неоднократно мне жаловалась, и я считала, что она не возьмется за новое дело, но она взялась и с большим жаром. Привлекли в редакцию еще пятую—Л. Р. Менжинскую и стали спешить с набором статей и корреспонденций в первый № журнала „Работница", который решено было выпустить к женскому дню—23 февраля по старому стилю. Заграничная часть редакции, в которую входили т.т. Крупская, Сталь и Арманд, прислала свои статьи. Журнал решено было выпускать популярный, два раза в месяц. Главным затруднением было полное отсутствие средств. Объявили подписку в „Правде", стали и помимо того собирать пожертвования. Потекли рабочие гроши,—буквально гроши. Стала собираться редакция. Параллельно с этим начались хлопоты с подысканием издателя и фиктивного редактора, с получением разрешения, подысканием типографии, закупкой бумаги и т. п. Была снята нами для редакции и комнатка на Ямской, в доме, где сдавались „комнаты без мебели", но вследствие того, что она была еще не оборудована, собирались сперва в „Правде", в секретарской т. Самойловой, но там было тесно, и ее отрывали все время. И вот назначили собрания на квартирах. Первое, у т. Самойловой, в воскресенье 16 февраля, где присутствовало и несколько работниц, которых тоже решено было ввести в редакцию, прошло благополучно, но уже следующее, 18 февраля, в квартире П. Ф. Куделли, оказалось роковым. Нагрянула полиция,—хотя собрание было назначено в менее заметные,

утренние часы и, несмотря на заявление, что собрались по делам разрешенного журнала и на предъявление этого разрешения, все собравшиеся были арестованы. Это были, кроме хозяйки, Куделли, К. Н. Самойлова, Е. Ф. Розмирович, Л. Р. Менжинская, Ф. И. Драбкина.

Таким образом из всей редакции, в которую мы не успели еще ввести работниц, осталась лишь пишущая эти строки, не попавшая по стечению нескольких чисто случайных причин на собрание. Некоторые рукописи были захвачены также, но в главной своей части номер был уже сдан в типографию. С помощью товарищей из „Вопросов страхования", его удалось, дополнив кое-чем, выпустить все же 23 февраля и распространить по многим фабрикам и заводам. Впечатление, произведенное им среди женской половины рабочего класса, было очень сильно,—только и разговора было что о нем. Особенно зачитывались широкие круги работниц рассказом П. Ф. Куделли (псевдоним П. Кудрина) „Наташины сны".

Прилагаемая фотография дает представление о внешнем виде журнала.

Ввиду того, что журнал этот разошелся, — имеются лишь два неполных комплекта в Социалистической Академии и в Историко-Революционном Архиве,—мы выписываем содержание номеров, раскрывая некоторые псевдонимы.

№ 1-й—цена 4 коп. От редакции. Передовая. Приветствия „Работнице". Женский день. Приветствия. „Значение женского дня" — Н. Веникова (М. В. Ильина—Ираши); стихотворение „Наш праздник"—С. Дальняя; „К международному женскому дню"—Крот; стихотворения „Труженице"—Н. Додаев и „Женщинам работницам"—М. Артамонов; „Домашняя прислуга и женский день"—Лилина; „Как проходит женский день на Западе"—Л. Сталь; „Как праздновали женский день в Германии"—Л. Сталь; „Август Бебель и женский вопрос"—Н. Сибирякова (К. Самойлова). Затем шел отдел „Женский труд"—корреспонденции с фабрик и заводов. „Работницы и страхование". Номер заканчивался рассказом „Наташины сны"— П. Ф. Кудриной (П. Куделли).

Почти полный разгром редакции и массовые аресты работниц по фабрикам и заводам поставили новорожденный журнал в очень затруднительное положение. Полиция очевидно рассчитывала, что такими крутыми мерами она сразу задушит молодой росток нового органа неопытных работниц, так что ему не пробиться вновь. Более недели длившимися арестами среди женщин, как работниц, так и интеллигенток, полиция рассчитывала отбить у них сразу всякую охоту вылезать на ту арену борьбы, на которой так трудно было справляться с их товарищами рабочими. Она думала, что дело подсечено в корне. И так казалось не одной полиции: положение создалось, действительно, очень затруднительное,—ни людей, ни связей, ни денег. Издательница,—Д. Ф. Петровская, жена делегата IV Думы,—просит освободить ее от этой ответственности, а другого издателя не найти. Едва-едва уговорили Д. Ф. потерпеть немного, но тут типографии, напуганные погромами, разразившимися над работницами с первым номером их журнала, одна за другой отказывались печатать его. И вполне понятно: давать журнальчик мог гроши, а неприятностей с ним, пожалуй, не оберешься.

Грешным делом и у меня—единственно оставшегося члена редакции—порою опускались руки. Кроме всех трудностей, которых казалось не одолеть в одиночку, при наличности другой работы, при порванных связях, этому способствовало и то, что я, пожалуй менее всей остальной редакции, была вначале одушевлена этим делом. Вероятно, потому, что я непосредственно меньше приходила в соприкосновение с работницами, но мне казалось, что можно обойтись общей газетой—„Правдой“, для которой и то трудно собрать гроши. Влияло, очевидно, и то, что таково было мнение большинства товарищей—мужчин. К тому же захватывали интересы „Просвещения“, в котором я была тогда ответственным редактором.

И вот я отправлялась в довольно безнадежном настроении в комнатку на Ямской, где помещалась редакция „Работницы“. Но кучка корреспонденций и приветствий, с каждым посещением все возраставшая, которая ожидала меня там, неподдельная радость и бодрый тон, которым они

были проникнуты, неизменно захватывали меня, и я не помню других случаев в жизни, когда менялось бы так круто мое настроение. Такой трогательной радостью, такой несокрушимой верой в успех дела, такой готовностью на жертву дышали эти простые, наивные строки со все более далеких концов России, так выразительны были собранные по грошам коллективные переводы! Чувствовалось, что идея своего органа забралась глубоко в массу, чувствовалось дыхание, воля этой массы, все то же, что пленяло, что заставляло поднимать голову и в „Правде". И как бы на гребне этой волны возвращалась я через какой-нибудь час полтора, и все окружающее представлялось мне в другом свете, и с новым приливом энергии стремилась я сковывать распадающиеся звенья. А затем начали иногда с оглядкой забегать и работницы, стала встречать я их и в редакции „Правда" [1]). И тот же горячий энтуазиазм к своему журналу, та же вера, что, несмотря на все препятствия, он встанет, он должен встать на ноги, зазвучала из их уст. Они стали понемногу восстанавливать связи на предприятиях, установилась уверенность, что будет через кого распространить номер, удалось найти типографию—Зархи по Симеоновской, 3, где печатались потом все остальные номера, и я стала налаживать 2-й номер.

Вместо передовицы в нем было помещено „Открытое письмо всем работницам" за подписью „Ново-Айвазовская работница". Затем шли под разными псевдонимами статьи пишущей эти строки,—О. Волгина, А. Митюшина, О. Бобылева, Сестра, С. Симбирская. Тему для статьи О. Волгиной „Времена меняются" с эпиграфом „Потому что много женщин" дали слова околоточного, разогнавшего одно из собраний женского дня (23/II—8/III) 1914 года по тому мотиву, что „среди присутствующих много женщин". Статья эта, агитационного характера, отмечала, что в то время, как раньше присутствие женщин на заводах и фабриках ставило палки в колеса,—теперь, очевидно, произошел некоторый сдвиг, раз представитель власти разогнал собрание

---

[1]) Особенно помню из них свою самую энергичную помощницу, тов. Эмилию Солин с Нового Айваза.

как раз за то, что „женщин много“. Предлагалось поддержать эту репутацию. „Пусть все организации рабочего класса станут крепнуть и расширяться, „потому что“ среди него много женщин... Пусть многолюднее будут профсоюзы... будут больше посещаться лекции просветительных обществ... и т. п.—„потому что много женщин“.—„И пусть крепче станет на ноги, пусть будет находить отклик в каждом предприятии, где есть женщины, и сделается настольным для каждой работницы наш журнал... „потому что он создан женщинами-работницами для женщин-работниц“. Затем шло стихотворение „На дороге“ Додаева. Потом были помещены обзоры того, как прошел женский день в Петербурге (Л. Зорина) и по России (А. Митюшина). Статья: „Массовые отравления работниц в Риге и в Петербурге“ за подписью: О. Бобылева (А. Елизарова) была тоже агитационной. Приводились слова мастера, что „работницы падают от великопостной пищи“, говорилось, что „мастер этот, может быть, и прав, но что работницы падали не от великопостной пищи последних недель, а от той, на которой держит всю жизнь весь рабочий люд капитал, помышляющий лишь о своих барышах. И что только сплочением и организацией можно положить конец этому „великому посту“ и этой „страстной неделе“.

Потом шло стихотворение „Сестры работницы“ за подписью Сестра. Дальше статья: „Женское социалистическое движение в Западной Европе“ Людмилы Сталь, а потом приветствия и корреспонденции с фабрик и заводов, не только из Петербурга, но и с таких отдаленных концов, как Одесса, и из таких провинций, как Калуга. Они очень выразительны: „Привет тебе, долгожданный журнал женщины“—так начинается одно из них.—„Низко кланяемся тебе борцу за интересы рабочего люда“,—говорится в другом. И к каждому прилагаются сборы,—2 р. 30 к., 3 р. 80 к., 55 коп. почтовыми марками. Корреспонденции с Кабельного завода, с Трубочного, из Новороссийска. Место корреспонденций занимает стихотворение Ив. Барабаша „Маруся“, рисующее трагическое положение деревенской девушки, выгнанной нуждой в большой город и затянутой улицей. В этом же отделе „Женский труд“ помещена статья Н

Вениковой (М. В. Ильиной)—„Больничные кассы и работницы“.

Денежный отчет подводит итог пожертвованиям. Он составляет 158 р. 47 коп.

Характерным является примеч. редакции, что в этот отчет не вошли деньги, полученные по переводам, так как из-за разных формальностей редакции не удалось еще получить их. Этими формальностями была необходимость найти лицо, уполномоченное издателем получать деньги, а найти па эту связанную с риском обязанность никого не удавалось. Наконец, ее взяла на себя одна из конторщиц „Правды“ за небольшое добавочное вознаграждение. Она же согласилась приходить на пару вечерних часов в редакцию для приема и отправки почты. Сначала прием был назначен на 3 дня в неделю от 6 до 8; потом пришлось сделать его ежедневным. Заканчивался номер беллетристикой, — повестью Зигмунта Недзвецкого „За работой“, перевод с польского.

Со 2-го номера цена „Работницы“ была повышена до 5 коп. Весь этот номер, как видит читатель, за исключением статьи Сталь, носил популярный, агитационный характер. Отчасти уроки „Правды“, отчасти отзывы работниц о 1-м номере, неизменно подчеркивавшие, что наибольшим успехом пользуется беллетристическая вещь т. Куделли, побуждала вести линию на более популярный, массового характера орган.

По этому поводу у нас было некоторое разногласие с заграничной частью редакции, считавшей необходимым более серьезный, более пропагандистского характера орган. По моему убеждению они были неправы: и в этом была виновата оторванность от России, более культурные слои окружавшего их пролетариата, а главное невозможность чувствовать непосредственно тот пульс жизни, который забился с такой исключительной силой в этот чрезвычайно интересный период пробуждения массового движения в России. Работницы хотели свой массовый орган, свою „Правду“. И отзывы тех из них, с которыми мне приходилось встречаться, единогласно говорили, что 2-й номер нравится более 1-го, как более живой и понятный. Это ж

соображение заставляло оставить отдел беллетристики, против которого заграница возражала также.

Вообще отдаленность заграничной части редакции как раз в то время, когда только зарождающийся журнал нового типа, в новой, проснувшейся, такой отсталой по сравнению с Западом и такой революционной по сравнению с ним же стране, требовал особенно близкого контакта в редакционной работе, — сказывалась, конечно, очень сильно. К тому же и заграничная часть редакции жила не вместе: Н. К. Крупская была в то время в Праге, а Инесса Арманд и Людмила Сталь в Париже. Если прибавить сюда необходимость конспирации, то будет ясно, что аппарат сношений был чересчур громоздким.

Для № 3-го пришло уже больше статей из-за границы. Сначала шли две такие статьи: „Избирательные права женщины“ Елены Блониной (Инессы Арманд) и „Положение работниц в Моск. губ.“ Н. К. (Н. Крупской); затем после стихотворения Дальней две статьи злободневного характера: „Волна заболеваний среди работниц“ В. М. (В. Бонч-Бруевич) и „Они рассердились“ О. Волгиной (А. Елизаровой).

В то время скверный бензин, который из экономии поставляли на резиновые фабрики хозяева, вызвал массовые заболевания (и, конечно, массовый протест) среди работниц Этому вопросу была уже посвящена статья Бобылевой во 2-м номере. Статья В. М. Бонч-Бруевич показывала, что волна эта разлилась по многим фабрикам и заводам Петрограда, отмечала, что заболевают преимущественно женщины потому, что они хуже оплачиваются, значит и питаются, что у них рабочий день длиннее из-за необходимости работать много дома, наконец, что они неорганизованы, как мужчины, которые борются с ненасытным капиталом. Кончалась статья призывом к организации „в рядах единой и великой рабочей партии“. Статья „Они рассердились“ говорила о локауте хозяев после отказа работниц работать на дешевой бензинной мази. Она разъясняла, что такое локаут, почему хозяевам легче выдержать стачку, чем рабочим, указывала, что средство только одно: сплоченность и организованность, что сплочение рабочих, имеющих общие интересы, теснее, чем сплочение хозяев, подставляю-

щих обычно ножку друг другу. Далее говорилось, что ничто, как локауты, не учит с такой силой рабочих, что только на взаимную поддержку могут они полагаться. — ... „Эти сражения, которые дают нам время от времени сильно рассердившиеся на нас враги наши, если и наносят нам временный урон, то зато сильнее толкают нас друг к другу, теснее сплачивают наши ряды и учат нас бороться. Значит, в конце концов, они увеличивают нашу силу“.

— ... „А нам и гнев их, и самая ожесточенная борьба с ними даст, в конце концов, лишь одно: усиление нашей мощи и возрастание нашего значения в стране, потому что в нас сила будущего“.

Эти две статьи и следующее за ними стихотворение „Работнице“ рабочего Ильи Володинского повлекли за собою конфискацию номера.

Приводим стихотворение полностью:

РАБОТНИЦЕ.

Счастием, жизнью самой обойденная,
Долго ты рабские цепи несла.
Долго склонялася ты, побежденная,
Долго во тьме беспросветной жила.
Долго хозяин-сатрап издевался,
Пользуясь слабою силой твоей,
И задушить он все время старался
Искру нечистой рукою своей.
Знал ли безумец, что с искорки этой
Тлел, разгорался пожар уж давно
И что под маской, тобою надетой,
Только бурлило, кипело одно:
Сбросить с себя ненавистное иго,
Ринуться смело с врагом в жаркий бой.
Вот и прорвалось! И в жизненной книге
Впишем победу теперь за тобой.
Смело, работница! Пусть освещает
Светоч свободы дорогу тебе!
Знай, что рабочий тебе помогает
В этой тяжелой и славной борьбе.

Затем были помещены: „Как прошел женский день на Западе“ (Людмилы Сталь); стихотворение „Уличный мальчишка“ — перевод из Ады Негри А. Горевой (А. Елизаровой); „Положение рабочих в английской текстильной промышленности“ — Лилиной; стихотворение „Жницы“ — М. Артамонова.

А далее шли приветствия и корреспонденции, последние пришли уже и из Сибири, и из Ростова-на-Дону, и от горничной, и от конторщицы, и от сестры милосердия.

Номер заканчивался рассказом „Из жизни девочки“ С. Симбирской (А. Елизаровой).

Таким образом более солидные первые статьи не спасли номера.

Конфискация номера означала арест его в типографии и на всех вокзалах, и, следовательно, гораздо меньшее распространение его. Это было и убыточно, и грозило закрытием, да и не отвечало нашей цели массового распространения журнала. Приходилось сжиматься, изгонять тщательнее самим все конфискабельное, чтобы проскочить между подводных камней. Это была тоже наука, которой надо было учиться. Нашим главным учителем в ней был Константин Степанович Еремеев, знакомый уже с техникой этого дела: такое-то выражение допускалось уже, а такое-то другое обязательно повлечет конфискацию и т. п. И мы стали носить сомнительные рукописи на его авторитетное суждение.

И вот, с одной стороны, большая конфискабельность всех агитационных тем, с другой, желание заграничной части редакции придать журналу более солидный характер направляли его по этому пути. Мы старались вознаградить себя расширением отдела Женский Труд, т.-е. корреспонденций с предприятий, число которых все возрастало.

№ 4-й, вышедший 19 апреля, начинался приветствием ко дню печати, посланным „Правде“. Как оно, так и следующая за ним статья „Ко дню рабочей печати“ принадлежат пишущей эти строки. Помню, как трудно было

составлять эти статьи так, чтобы они не навлекли конфискации, как неудовлетворительны казались они к тому дню, когда хотелось бы высказаться определеннее. Затем шло стихотворение „Товарищам женщинам“ А. Соловьевой; „Доля работниц и их журнал“ — Крот (псевдоним одного товарища, фамилию которого я позабыла); „Третья Интернациональная Конференция женщин-социалисток и организованных работниц в Вене“—извещение о предполагавшейся конференции с предисловием; „Работница и 8-ми часовой рабочий день“ — Е. Блониной; „Мастер“—Демьяна Бедного; „Работница, семья и проституция“—Н. К. (Крупская); стихотворение „Прачка“ — шорник И. Л-ов; „Опасные для здоровья производства“ — Людмилы Сталь, изложение книги одного французского ученого о вреде серы и бензина, употребляемых в резиновом производстве, с соответствующим заключением; „Работница Татьяна“ — Петра Южанина, и приветствия. Половина номера была занята корреспонденциями из разных городов и различных предприятий: женщины в чайных, портнихи и т. п. Номер заканчивается рассказом „Газетчица“ М. С. (пишущей эти строки).

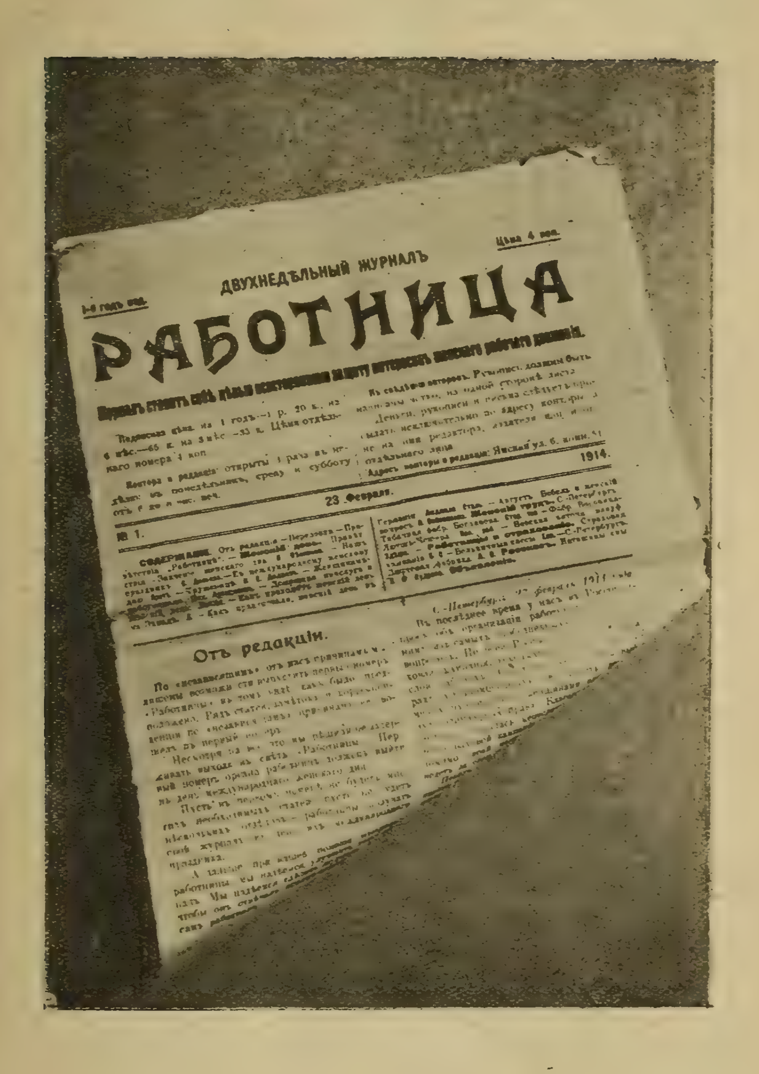
№ 5 от 4-го мая открывался „Приветом русским работницам от Клары Цеткин“; „1-му мая“ были посвящены: статьи Людмилы Сталь — „1-е мая“ и „В Швейцарии“ (воспоминания о 1-м мая), а также стихотворение „1-е мая“ — Груши Трусовой (как потом выяснилось, одного рабочего — Григория Трусова, которому показалось правильнее подписываться в женское органе женским именем). И больше редакция предпочла уже не затрагивать острой темы о 1-м мая, а перейти к статьям на общие темы. „По поводу законопроекта о рабочих домах“ — Л. З. (затрудняюсь припомнить настоящую фамилию автора); „Дитя фабрики“ — перевод из Ады Негри пишущей эти строки; „Здоровье работницы“ — Крот; стихотворение „Над колыбелью“ — Адя (этим именем подписывалась одна крестьянка, — помнится, работница сельско-хозяйственной экономии,—из Екатеринославской губ. Стихотворение пришлось чуточку подправить, но оно дышит таким непосредственным чувством, что приводим его целиком.

НАД КОЛЫБЕЛЬЮ.

Спи, мой милый паренечек,
Баюшки баю!
Спи, крестьянский мой сыночек.
Слушай мать свою.
Спи в лукошке, как цыпленок,
Баюшки баю!
Без перинки, из пеленок
Я гнездо совью.
Мне не в мочь прогнать зевоту,
На заре вставать:
Завтра надо на работу,
Хлеба добывать.
Сам же плачем нас разбудишь
Раньше петуха.
Спи, пока трудиться будешь,
Спи, моя душа.

Дальше шло: „Женское рабочее движение в Америке"— Лилиной; стихотворение „Работницам"— Зоркий; „Три союза"— М. Вениковой; стихотворение „Работница"— Груши Трусовой и опять приветствия и корреспонденции. В качестве беллетристики была помещена первомайская сказка „На небе", перевод с немецкого М. И. (М. Ульяновой).

Приблизительно около этого времени (к 5-му номеру) я нашла, наконец, товарища,— Нину Агаджанову, которая согласилась взять на себя обязанности секретаря. Затем вскоре была освобождена арестованная в женский день часть редакции, и т.т. Куделли и Самойлова решили поселиться в Любани (в 2-х часах езды от Петербурга),—все освобожденные должны были выехать из Питера в избранные места жительства,— с тем, чтобы принимать участие в „Работнице". Я ездила к ним, чтобы составить вместе № 6-й. Передовицей в нем была статья Н. С. (К. Самойловой) „Российская Социал-демократическая фракция в Государственной Думе и последние события". Под таковыми имелся в виду выход Малиновского, и статья — увы и ах! — обвиняла его только

Цѣна 4 коп.

ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

1-й годъ изд.

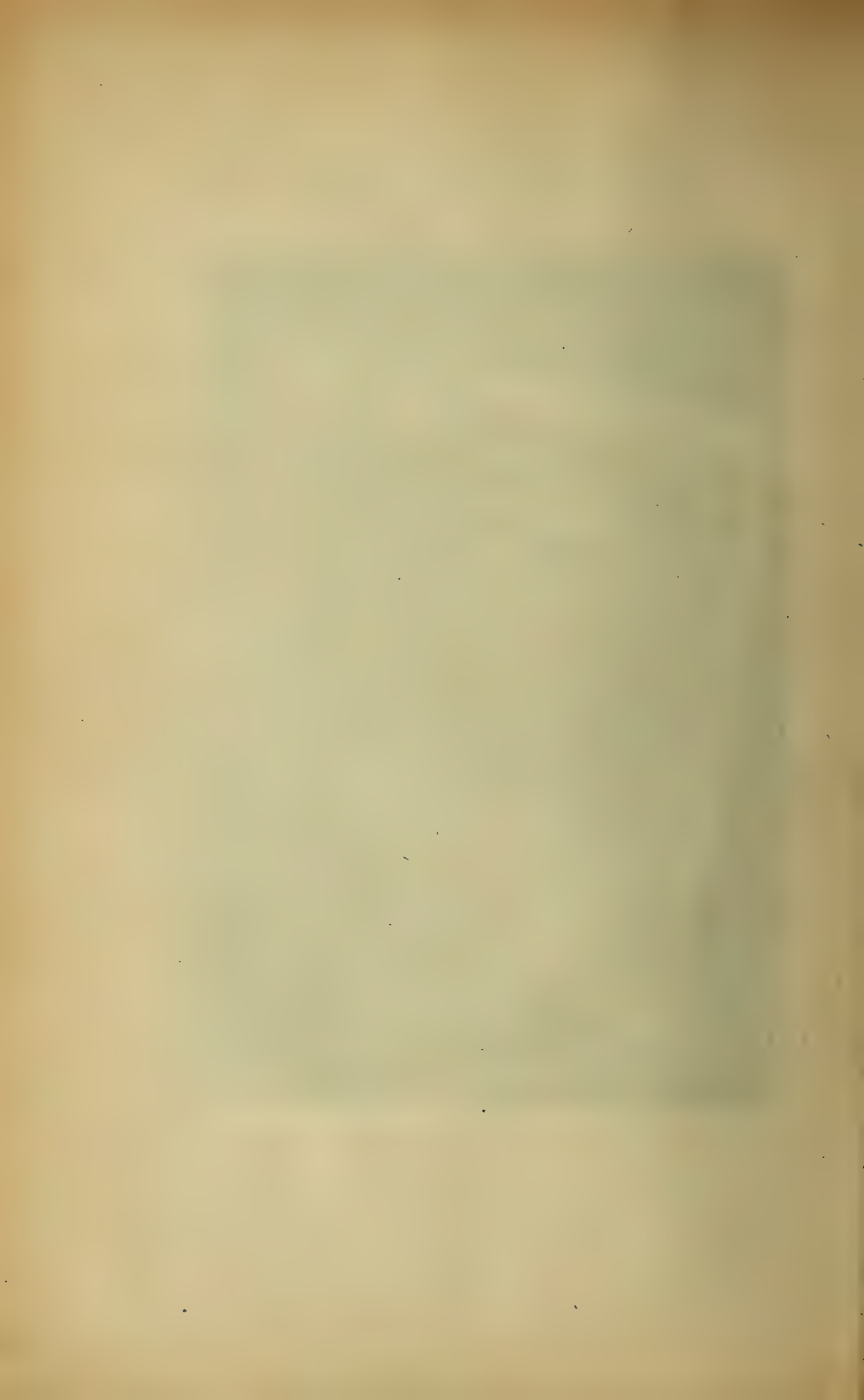
РАБОТНИЦА

1914.

23 Февраля.

№ 1.

От редакціи.

в неорганизованном действии, как вся большевистская пресса того времени. Затем шло стихотворение „Горные ручьи“—Самобытника; „Смертность детей среди петербургских рабочих“—Н. К. (Крупской); стихотворение „Работница“—Е. Придворова (Демьяна Бедного); „Дамский Конгресс“—В-а (должно быть Веникова, но точно не помню); стихотворение „Одинокая“ — Стальная; „Страховые пособия роженицам-работницам“ — Н. Асник (Н. Скрыпник); „Песня швейки“ — Ив. Л.; „Положение женщины-работницы в Швейцарии“ — Эль-ль; „Работнице“ — молодая ткачиха; „Положение женщины в торговле“ — Я. Буров; беллетристический рассказ — „За столом“ — Фр. Коппе, перевод с французского.

№ 7-й (и последний) вышел 26-го июня с перерывом в целый месяц. Редакция поясняет, что произошло это „по независящим обстоятельствам“. Таковыми был, очевидно, арест секретаря редакции, Нины Агаджановой, в 20-х числах июня. Я говорю „очевидно“, потому что этот номер был выпущен без меня; я измоталась и уехала в начале июня в Вологду, а потом в деревню поблизости, куда, в связи с арестом Агаджановой, ко мне явились с обыском. Номер составлялся товарищами в Любани совместно с Агаджановой, и понятно, что арест ее поставил их, оторванных от Питера, в очень затруднительное положение. В номере этом были помещены: „Движение среди текстильщиков“; „Суд над обуховцами“; „Об охране труда работниц“ — Н. С. (К. Самойлова); „Одинаковая плата за одинаковый труд“ — Лилиной; стихотворение „Город“ — Михаила Артамонова; „Дороговизна жизни“ — П. Ф. К. (Куделли); „Весенний привет“ — Самобытника; „Рабочая женская конференция в Италии“ — Людмилы Сталь; „Воспитательное значение“, „Пути правды“ и „Работницы“ — петербургская работница-металлистка; „Работница поэту“— Зоркий; „Жизнь в деревне“ — работница пашни; „Выборы во Франции“ — Л. Сталь. Затем Ж е н с к и й т р у д, — отдел корреспонденций и беллетристика: „Как я стала сознательной“ — Анны Мейер, перевод с немецкого.

№ 7-й был конфискован. За какие именно статьи, я не знаю, — вернее, за первые три. В № 8-м предполагалось дать

статьи в связи с предстоящим женским социалистическим конгрессом в Вене, но ему не суждено было выйти, да не суждено было состояться, как известно, и самому конгрессу. Мировая война смешала все карты. Вся рабочая пресса была задушена. „Работница“ не была прекращена, но после закрытия „Правды“ нечего было и думать о выпуске ее. Яркая северная весна, какой были 1912 и 1914 годы, сменилась сильными заморозками, сковавшими всю жизнь крепче всякой зимы. По возвращении в Питер осенью мне казалось, что я попала в другой город или что отнесена лет на двадцать назад. Но это только так казалось. Весенние ручьи подмыли так основательно льды самодержавия, что они крахнули под тяжелой поступью мировой войны, а за ними скоро и оковы капитализма. Солнце истинной свободы засияло над нашей страной. Но в числе многих незаметных ручейков, подготовлявших эту, настоящую, весну, была и „Работница“, которая помогла прояснению сознания и сплочению той большой части рабочего класса, какой являются женщины, той части, которая сыграла такую яркую и заметную роль в обеих наших революциях.

Поэтому в сборнике, посвященном эпохе „Звезды и Правды“, стоит помянуть и ее.

А. Елизарова.

«Звезда» и «Правда» среди черемховских шахтеров.

(Воспоминания политического ссыльно-поселевца-корреспондента рабочих газет.)

Село Черемхово, Иркутской губ., расположенное вблизи линии Сибирской ж. д., является местом крупных угольных залежей, разработкой которых были заняты в 1910—1914 г.г., крупные углепромышленники, как Щелкунов, Маркевич, Тельных, Комаровский (копи Русско-Азиатского Т ва) и др. На копях, расположенных как в самом Черемхове, так и в окрестностях, было занято от 2 до 2½ тысяч рабочих, не считая открытых пластов, на которых временами работали до 500 человек. Понятно, что в этот крупный промышленный центр Ирк. губ. (кроме копей были вальцовые мельницы и чугунолитейные мастерские) стремились в поисках заработка политические ссыльно-поселенцы, отбывшие первоначальные сроки в Киренской, Ангарской и др. местах ссылки.

Уже в 1910—1911 г.г. в Черемхово собралось до 50-60 человек ссыльных, которые рассосались по копям и мастерским, в качестве чернорабочих, мастеровых, конторщиков и даже администраторов, из них были и такие, которые усердно проводили это „администраторство" и вступали в конфликты не только с рабочими, но и с остальной ссылкой. К счастью, таких ссыльных было всего несколько человек, все с.-р., игравшие потом в дни колчаковского правления довольно видную роль (например, Соболев и Старынкевич).

Большинство ссыльных первое время мирно жило обывательской жизнью, не вступая в сношения с рабочими, так как полиция зорко следила за ссылкой, готовая разогнать ее при малейшей попытке к политической работе.

Весь 1911 г. ссылка жила „мирно“ и не пыталась заниматься пропагандой, но начало 1912 г.—подъем рабочего движения в России, призывные статьи в „Звезде“, а главное—Ленские события постепенно стали втягивать в живую работу ссыльных, и наиболее активные из них уже в 1912 г. сплотились в небольшую группу, а в 1913 г. выделили несколько человек для руководства (т. н. „инициативную группу“), в которую входили большевики и меньшевики. Большевики: Старостин, Бахаев, Васильев, Сенюшкин,—меньшевики: Зябликов, Орлов, Стечкин, Белоновский и другие. Эти товарищи, работая по копям, завели знакомства с шахтерами и повели среди них систематическую пропаганду, стараясь организовать рабочих на почве профессиональных интересов и пробудить недовольство окружающей жизнью и условиями труда.

Конечно, в этом прежде всего помогала сначала „Звезда“, а затем „Правда“. Наша пропаганда находила благоприятную почву, так как условия труда были страшно тяжелы, заработки мизерны и обращение администрации грубое (всем рабочим, как правило, говорили „ты“).

Апрельские события на Лене еще более всколыхнули рабочие массы, и сонному Черемховскому царству наступает конец: пошли стачки, требования, резолюции, сборы на рабочую печать и на стачки, письма в рабочую прессу с жалобами на администрацию, кружковые занятия, митинги и открытые выступления с политическими требованиями (резолюции в рабочей печати).

Этот период зарождения рабочего движения в Черемхово среди углекопов и роль в этом „Звезды“ и „Правды“ крайне интересно и поучительно проследить по корреспонденциям в рабочей печати.

В начале 1913 г. в „Звезде“ впервые появляется корреспонденция из Черемхово за подписью В-ва (Васильева), которая говорит о тяжелой жизни рабочих и о том, что уйти от этой жизни некуда,—ни на Восток, ни на Запад,—

а нужно крепко организоваться в профессиональные союзы и отстаивать свои интересы.

Этой весной шахтеры сделали первую робкую попытку к выступлению, и 1 марта забастовали на копях Рассушина, выставив требование увеличения заработной платы на 50 коп. с куба угля. Об этом первом выступлении была дана корреспонденция в „Звезду“ от 15/III, в которой подчеркивалось, что рабочие на свое требование о прибавке 50 коп. получили от управляющего копями Скопина предложение увеличить на 2 часа рабочий день и тем увеличить заработок. Шахтеры пробастовали день и встали на работу, удовлетворившись прибавкой 20 коп. на куб. Другие копи их не поддержали.

Все лето 1912 г. больше никаких корреспонденций в рабочей печати из Черемхово не появляется, и маленькая группа активных работников, стараясь не возбудить подозрения в полиции частыми корреспонденциями из Черемхово, ведет устную пропаганду, читает „Правду“ в кружках и использует, где возможно, статьи о рабочем движении в России и за границей, о ленских расстрелах и о протестах рабочего класса.

Только в октябре, в № 146 „Правды“, появляется корреспонденция без подписи (не помню, кому она принадлежала, кажется, писана мною), которая начиналась с того, что близ с. Черемхово величаво стоит дом управляющего копями Комаровского, а кругом разбросаны бедные лачуги рабочих, заработок которых 1 р. 40 к.—1 р. 70 к. в день, при адской работе в мокрых забоях, при каковой работе можно самое большее выработать 20 дней, т.-е. заработать в среднем 30 руб., из которых нужно купить свечи в забой, да дать десятнику взятку. „Пора бросить выпивку и играть в карты, — заканчивает корреспонденция, — пора перестать гнуть спину перед управляющим и штейгером и давать на водку десятникам. Лучше в свободное время читать рабочие газеты да подумать об организации профессионального союза, благодаря которому только и можно улучшить условия труда рабочих“.

Но вот наступает весна 1913 года. Почва среди шахтеров достаточно подготовлена, а подъем рабочего движения в

России заставляет выступить открыто и использовать максимум влияния рабочей печати. Активная группа решает начать систематическую кампанию в прессе, при чем товарищи различных фракций, не связывая себя формальными соглашениями, договариваются распространять среди шахтеров революционные газеты.

Уже в марте 1913 г. в „Правде“ появляется под общим заголовком „Среди шахтеров“ корреспонденция за подписью „Старый шахтер“—о низкой заработной плате, об обирании рабочих в копийских лавках и советуется выписывать рабочие газеты и организовать профсоюзы.

3/IV в № 78 „Правды“ снова пишется о плохих заработках и сообщается о „группе рабочих“, которая взяла на себя задачу распространять газету „Правду“, в противовес газете „Луч“.

9/IV в „Правде“ появляется новая корреспонденция, за подписью „Новый шахтер“, о копях Комаровского—о неаккуратном получении заработка и необходимости действовать вместе через свой профессиональный союз. В этой же корреспонденции даются и конкретные указания, как организовать этот союз, — именно по закону 4 марта 1906 г.

В № от 12/IV „Правды“ появляется корреспонденция без подписи о копях Щелкунова.

Все №№ „Правды“ с корреспонденциями из Черемхово, конечно, читаются рабочими с захватывающим интересом, до „дыр“, пока газету уже невозможно читать. Настроение определенно поднимается, и вот 25/IV вспыхивает стачка 200 углекопов копей Щелкунова, к которой присоединяются 250 рабочих копей Гришевского Т-ва. Требования, выставляемые шахтерами, уже гораздо шире, чем год тому назад, при аналогичной стачке на копях Маркевича (50 коп. прибавки на куб выработанного угля). Шахтеры предъявили: 1) прибавка одного рубля на куб. сажень выработанного угля; 2) уменьшение нормы добычи угля, сверх которой идет премия,—с 8 куб. саж. до 6 куб. саж. в месяц; 3) нового инструмента от конторы; 4) уплаты за дни прогула по вине администрации (например, когда стоит подъем по случаю ремонта машин) и другие, более мелкие требования.

Об этой стачке тотчас же появилась большая корреспонденция в № от 10/V „Правды“, за подписью „Неволин“ (мой постоянный псевдоним в столичной рабочей прессе и „Ф. Покровский“ в сибирской прессе). В корреспонденции объяснялись причины стачки: скверные условия, низкая заработная плата, плохое оборудование полей и небрежность администрации, при которой на каждые 100 человек рабочих приходится 20 несчастных случаев. Указывалось также, что на копях практикуется ордерная расплата и расплата продуктами из копийских лавок, по ценам выше рыночных. В то время, когда рабочие голодают, углепромышленники получают чудовищные барыши, доходящие до 700—800 тысяч в год, при обороте в $2-2^1/_2$ милл. рублей, т.-е. немногим меньше рубля на рубль. Указывалось и на незаконные штрафы. Эта корреспонденция, написанная с цифрами, которые мне, как служащему конторщиком на копях Комарова (Русско-Азиатское Т-во), удалось выудить из копийских бухгалтерских книг и докладов акционерам—произвела большое впечатление не только на рабочих, но и на углепромышленников, которые стали усердно разыскивать корреспондента.

В следующем № 107—было продолжение этой же корреспонденции о расходовании тысяч рублей штрафных денег без ведома рабочих, о вычетах за квартиры, „в которых можно жить не людям, а собакам“, и, наконец,—в № 108—говорилось о результатах стачки: рабочие добились прибавки в 50 коп. на куб (вместо требуемого 1 рубля), понижения нормы выработки, увеличения премии, а главное, копи Рассушина и Комарова, боясь забастовки, также прибавили по 50 к. на куб и своим рабочим. Но рабочие предупреждались, что успокаиваться на этой победе нечего, так как весной углепромышленники нуждаются в рабочих руках и прибавляют им заработную плату, но придет зима—и хозяева все отнимут. Поэтому рабочим нужны кассы взаимопомощи, профессиональные союзы, выборные старосты, нужно добиться 8-часового рабочего дня и государственного страхования от несчастных случаев. „А шахтерам,—заканчивает корреспонденция,—далеко еще до этого: прошла стачка,—прибавили им по 50 коп. на лето, и они

успокоились, а щелкуновские рабочие пошли даже к хозяину, сняли шапки и стали просить на водку и, получив 30 рублей, сейчас же их пропили. Нет, не на водку нужно просить, а собирать деньги на бастующих товарищей и на рабочую газету „Правду“.

Эта стачка и пропитые щелкуновцами 30 руб. настолько взволновали рабочих, что еще долго после стачки ряд рабочих, случайных корреспондентов, продолжали писать об этом событии, и одна из корреспонденций в № 110 „Правды“,—написанная по слогу рабочим,—говорит, что рабочие „продали себя за 30 рублей“.

Непрерывный поток писем и корреспонденций в рабочую печать, очевидно, встревожил центр, и уже в апреле месяце, после упомянутой стачки из Иркутска приехала ревизия, которая произвела частичный осмотр копей, а в середине мая—новая ревизия обследовала более или менее основательно все копи.

В корреспонденции от 12/VI („Правда“ № 133), за подписью „Неволин“, довольно подробно описывается эта „ревизия“: „Как только зашевелились рабочие,—зашевелилось и начальство“,—только углепромышленники заранее знали об этой ревизии и подготовились к ней: вымыли и побелили бараки, удалили на время лишних рабочих, подогнали книги, убрали негодные материалы в лавках и т. п. 16/V начался объезд копей, но на копях Маркевича объяснили, что землянки для жилищ строят сами рабочие на лето, между тем как рабочие живут в них и зимой. У Щелкунова ревизию привели к поселку служащих и воду дали попробовать привозную из села, а всем известно, что вода прямо из шахт попадает в баки и даже нет фильтров: вода желтая и с навозом. Бани у Комаровского не „для людей, а для свиней“. Маркевичу поставлено на вид „плохие жилищные условия“, „антисанитарное состояние“, „недоброкачественность продуктов в лавке“, „неправильное ведение расчетных книжек“ и т. д. Корреспонденция заканчивалась выводом: на ревизии нечего надеяться, так как „только сами рабочие смогут помочь себе и, организовавшись, добиться лучшей жизни“.

Нетрудно понять, что рабочие, читая заключение ревизии, о которой, кроме как из „Правды“, они узнать иначе не могли,—пропитывались все бо́льшей ненавистью к шахтовладельцам и все охотнее шли заниматься в нелегальные кружки (к осени 1913 г. в одном из таких кружков было до 30 человек шахтеров, которые собирались в лесу слушать речи пропагандистов), а группа наиболее смелых и самоотверженных углекопов, в количестве 8—10 человек, подписала заявление о разрешении открыть профессиональный союз углекопов и, несмотря на неоднократные отказы по различным „формальным“ причинам, неоднократно исправляя с нашею помощью устав, довела его до иркутского генерал-губернатора, пока последний окончательно не запретил организовывать союз и разогнал с копей всех подписавшихся под уставом, дав указание также „почистить“ ссыльных и выслать наиболее подозрительных.

Все перипетии с организацией профессионального союза сообщались нами в „Правду“, но лично я не помню, были ли они помещены или нет.

Моей корреспондентской деятельности также приходил конец: администрация копей по некоторым цифровым данным, о которых мог знать только я,—убедилась, что пишу я, и, не говоря этого прямо,—предложила, якобы по требованию полиции,—убраться мне с копей, что мне и пришлось сделать.

Последней моей корреспонденцией с копей была корреспонденция в „Рабочей Правде“ от 31/VII в № 16, о копях Мильнера, как типичных для всего Черемховского района и всех копей. Эти копи поразили даже членов ревизии, как грязная клоака. Вместо жилищ „ряд подслеповатых хибарок,—бурятских юрт, которые Мильнер скупил у бурят при выселении их с территории рудника“ и в которых поместил рабочих. Мильнер не позволял даже ставить в юртах кирпичные печи, чтобы рабочие не пекли свой хлеб, а покупали у него в лавке—типичной обираловке, цены в которой были на 10—15% выше, чем в Черемхове. Лавка эта на 200 человек рабочих имела годовой оборот в 40 тысяч рублей, т.-е. на каждого рабочего по 200 рублей или по $^2/_3$ его заработка (средний

заработок 300 руб. в год). В этой лавке Мильнер обвешивал рабочих, за что ревизия и оштрафовала его на 500 рублей (неверные весы). Кроме того, ревизией было конфисковано более 300 пудов тухлого мяса—солонины, а в подвале найден кусок „свежего“ мяса, с крупными червями. Гнилое мясо успели запрятать. У рабочих не было заборных книжек. Территория рудника загажена, так как нет отхожих мест, нет помойных ям. Бани нет. За врачебную помощь, вопреки закону, берут плату. Применяют штрафы, мордобитие. „Вот какие, товарищ рабочий,—порядки!“—Почему же,—спрашивает корреспонденция,—горный надзор молчал до сих пор? Почему зашевелился теперь? Очевидно, потому, что зашевелились рабочие,—„зашевелилась и администрация“.

Уже находясь в Иркутске и поддерживая связь счеремховской группой ссыльных, которых полиция также стала усердно разгонять и высылать, прибегая иногда и прямо к арестам,—я написал в № 4 „За Правду“ от 4/X—общую корреспонденцию о совещании углепромышленников, в связи с происходящими ревизиями, стачками и волнениями на копях.

Положение рабочих в Черемхове было не лучше, чем положение рабочих на Лене, и если б рабочие не предъявили энергично своих требований и не заставили вмешаться горный надзор,—очевидно, здесь окончилось бы таким же побоищем, как и на Лене.

„Администрация пошла на уступки под напором рабочих, которых оживила рабочая печать“.

Этим мое сотрудничество в „Правде“ закончилось,—вскоре, кажется, была окончательно придушена и сама „Правда“. Помню еще, как в октябрьских №№ „За Правду“ и в декабрьских №№ „Пролетарская Правда“ рабочие продолжали писать корреспонденции, крепко держа связь со своей рабочей газетой, которая так много дала шахтерам и раскрыла им глаза на свое собственное положение, заставив бороться не только против углепромышленников, но и против сначала самодержавного, а потом в дни октябрьской революции и против капиталистического строя.

Ф. Сенюшкин.

———————

Как я начал писать в «Правде»[1])

(Отрывки из воспоминаний.)

Было это в первой половине 1914 г. Работал я тогда у фабриканта зонтов и тростей Матвеева в Москве. И вот, я написал в свою рабочую газету о нашей тяжелой и темной, как ад, жизни.

Писал я не совсем один—мне помогали токаря, я лишь „отделывал“, „полировал“,—как шутили товарищи.

Токарная наша помещалась в темном подвале. Была узка, грязна. И мы, грязные, усталые, не без труда составляли заметку о нашем житье-бытье. На другой день я прочел ее переписанной на-бело, получил одобрение и послал в Питер.

С каким нетерпением ждал я появления на свет моей заметки! Как, волнуясь, развертывал каждый номер получаемой газеты!

Прошло порядочно времени. Захожу я раз после работы в союз, встречаю там товарища, и он меня спрашивает:

— Не читал свою заметку? Здорово же ты там отделал хозяина.

— Помещена? Когда?—обрадовался я.

— Да в сегодняшнем номере. Жалко, я не захватил с собой. А ты-то разве не покупаешь?

Я покраснел и пробормотал, что не успел. Кровь прилила мне к голове. Я еле устоял на ногах. Было больно, горько. Не купил я сегодня газету потому, что у меня не было 2-х копеек.

---

[1]) Написано к 10-летнему юбилею „Правды“. Редакция.

Что делать? Зачем я соврал товарищу и не взял у него взаймы денег?

Подхожу к другому своему товарищу и прошу у него гривенник до субботы. У товарища в кармане оказался только один пятачок на трамвай. Но я сказал, что мне нужно купить чего-нибудь на ужин, иначе остаюсь голодным, а ты,—говорю,—пройдешь пешком.

Товарищ свой пятачок отдал, и я полетел искать у газетчика газеты.

Жил я очень далеко от союза, газетчиков на пути попадалось много. Но было уже поздно, и газеты не было.

Чем дальше я шел, чем больше пропускал газетчиков, тем сильнее и сильнее билось сердце. Наконец, я не шел, а скорее бежал.

У Сухаревой башни у меня был знакомый газетчик, он обыкновенно оставлял для меня один номер. Я торопился застать его.

Нет, не ушел. Он только складывал непроданные газеты в сумку. Подбегаю—и на ходу почти кричу:

— Мне оставили газету?

— Оставил, конечно. Чего это вы запыхались?

— Боялся,—говорю,—не застану.—А сам дрожащими руками тут же развертываю номер, впиваюсь глазами в заметку. И пошел дальше, лишь прочтя ее.

. . . .

Прошло 8 лет. Немало пришлось увидать и пережить за это время. Немало есть, чем вспомянуть прошедшее. А вот сейчас, вспомнив про первую свою корреспонденцию в родную, милую „Правду“, вспомнив вообще про великую „воспитательницу“ свою, чувствую какую-то особенную радость.

Да. Потерять „Правду“—поистине потерять что-то близкое, свое. Иметь „Правду“—это иметь утешение, радость.

Тебе, наша „Правда“, исполнилось сегодня 10 лет. Ты стала уже не маленькой газеткой, выходишь ты в десятках тысяч (хотя, грешен человек, тогда ты милее была), тебя читает весь свет.

Живи! Будь нашим знаменем!

И. Наумов.

Полесский комитет Р. С.-Д. Р. П. в 1912 г.

Полесский комитет нашей партии, работавший довольно интенсивно в бурную эпоху первой революции 1904—1907 г.г., прекратил свое фактическое существование, сколько мне удалось узнать от гомельских „стариков партийцев“, в конце 1907 г., когда глубокая полоса усталости и идейной реакции охватила широкие круги полесского пролетариата. Отдельные подпольные группы продолжали еще работать некоторое время, но это были уже „обломки“ Полесского комитета, которые, в конце концов, тоже распались. К 1910 г. порвалась связь с Ц. К., связь между группами потерялась, работники распылились...

Полесью, в частности Гомелю, и железнодорожным рабочим Полесской и Либаво-Роменской ж. д. в 1906 г. пришлось пережить, с одной стороны, карательную экспедицию Орлова, шедшего со своим отрядом из Латвии, а с другой— разнузданную вакханалию черносотенного движения, руководимого и возглавляемого „Союзом русского народа“, в центре которого стоял грандиозный Гомельский погром лета 1906 г., своим гнусным характером выделяющийся даже в ту эпоху массового погромного движения.

Приближение Орлова вызвало большую тревогу и растерянность „за линией“, в рабочем поселке Гомеля, населенном рабочими и служащими гомельского железнодорожного узла, обнаружившими большую активность в 1905 г. Этой тревогой рабочих масс, вызванной не только слухами, но и фактами кровавой расправы отряда Орлова над железнодорожниками, воспользовался местный „Союз русского

народа“ и повел широкую агитацию за массовое вступление железнодорожников в „Союз“, обещая записавшимся свое покровительство перед Орловым и „амнистию“ за прошлые деяния...

Обезумевшая от ужаса перед грядущей кровавой расправой, масса ударилась в „Союз“... Все те, кто не мог уехать или перейти на нелегальное положение, все те, кто был связан с Гомелем „оседлостью“, а за „линией“ очень многие из железнодорожников имели свои крохотные домики, и кто, вместе с тем, чувствовал за собою то или другое проявление активности в революционную эпоху, спешили укрыться под знаменем „Союза“. Я думаю, что ни один из отделов „Союза русского народа“ не мог похвалиться таким большим количеством номинальных членов из рабочих, как Гомельский.

Когда пронеслась Орловская гроза, сотни гомельских рабочих, записавшихся в „Союз“, фактически немедленно же порвали всякую связь с ним, но выйти из него формально не решались. Собраний „Союза“ они не посещали, членских взносов не платили, никаких выступлений „Союза“ никогда не поддерживали, но „Союз“ упорно продолжал считать их в числе своих членов. Партийной организации, которая своим идейным воздействием выпрямила бы линию поведения этих рабочих за первые годы реакции, не было. Как бы то ни было, но факт тот, что, когда в начале 1912 г. мне удалось создать довольно крупную с.-д. группу среди гомельских железнодорожников, то наша группа постоянно сталкивалась с тем или другим рабочим, по общему отзыву очень честным и деятельным, оказывавшимся членом „Союза русского народа“ с 1906 г., при чем этот товарищ часто и сам давно уже забыл о своем членстве. Перед нами даже вставал вопрос, как быть: не привлечь в свои ряды такого рабочего будет нецелесообразно, поскольку он мог принести движению большую пользу; поставить предварительным условием его формальный выход из „Союза“, это значило сразу „замарать его“, обратив на него внимание и руководителей „Союза“, и полиции; привлечь же его в наши ряды без формального выхода из „Союза“—недопустимо с точки зрения революционной этики.

Этот вопрос горячо дебатировался среди железнодорожников; я считал очень важным развернуть дискуссию во всю ширь и глубь, так как на этом жизненном примере можно было весьма ярко вскрыть все отрицательные последствия отступления от пролетарской революционной этики, весь вред оппортунизма. Сколько помнится, большинство высказывалось в том смысле, что каждый сознательный рабочий должен нести все последствия, которые вытекают из сделанного им по малодушию оппортунистического шага, что рабочим, состоящим даже только формально в „Союзе русского народа", в партии не место. Но, принимая во внимание давность факта, безупречное товарищеское поведение данных лиц в последующие годы и исключительную обстановку вхождения в „Союз", не отказываться от общения с ними и от их использования в работе на периферии группы. Вина этих товарищей перед революцией в перспективе 6-ти лет выделялась особенно четко: массовый отлив из рабочих партийных организаций в 1906 г. сразу же обескровил и свел почти на-нет деятельность железнодорожного района Полесского комитета того времени, район захирел...

Когда я в начале 1912 г. начал работать в районе деятельности старого Полесского комитета (Клинцы, Новозыбков, Гомель, Жлобин, Могилев и др.) в качестве партийного организатора (после ликвидации своей работы по транспорту), я нашел здесь совершенно распыленных одиночек, работников старого Полесского комитета. Наибольшее число таких лиц я встретил, что вполне понятно, в Гомеле. Одни из них, отойдя от партийной работы за годы реакции, вели мирное обывательское существование, другие ударились в пессимизм и хандру—это по преимуществу из интеллигенции, третьи продолжали оставаться субъективно революционно настроенными, но ничем себя не выявляли, не видя возможности подпольной работы. Может быть, последнее было и верно в первые годы реакции, но к моменту моего прибытия в этот район объективное положение и настроение рабочей массы было уже не то. Требовалась только чья-нибудь инициатива, чтобы сплотить имеющиеся на-лицо революционные элементы, и работа пошла бы.

Во вторую половину 1911 года, бывая частенько в Гомеле по делам партийного транспорта, я приглядывался к гомельской рабочей жизни и старался, с одной стороны, завязывать связи с отдельными рабочими и интеллигентами из числа бывших большевиков или сочувствующих большевизму, а с другой, составить себе понятие о наличности в Гомеле других партий и организаций и их работе. Мне удалось выяснить, что эс-эров совершенно не существует, отдельные единицы никакой работы не ведут. Бунд—организация слабая, как по своей численности, так и по идейным силам, насквозь заражена ликвидаторскими настроениями и большим влиянием и авторитетом в среде городского еврейского ремесленного населения не пользуется. Вся его деятельность сводилась к осторожной работе среди двух-трех нелегальных союзов еврейских ремесленников, в первую очередь среди (нелегального) союза печатников, довольно сильного, да к использованию таких „легальных“ возможностей, как участие в „Обществе распространения образования среди евреев“ и работе в местной библиотеке. Популярным деятелем и вождем Бунда был Арнсон, бывший большевик в эпоху революции.

Большую силу и влияние имела партия С. С. (социалисты-сионисты). Эта партия имела довольно сильную и сплоченную подпольную организацию и не избегала подпольной работы. Как партия более националистическая, в эпоху реакции (которая вызывала во всех национальных меньшинствах империи рост националистических настроений),—она окрепла за счет Бунда с его „промежуточным“ национализмом и ликвидаторскими настроениями. Работа С. С. определенно чувствовалась не только в Гомеле, но и в Новозыбкове, Жлобине, Клинцах и ряде местечек. Партия Поалей-Цион, если и была, то совершенно не имела влияния.

Если среди еврейского пролетариата все же кое-какая работа велась большевиками одиночками в профсоюзах, то среди пролетариата русского никто и никакой работы не вел. Я поставил своей задачей сплотить разрозненные единицы социал-демократов в подпольную группу с.-д., с которой и начать активную работу по восстановлению партийной организации.

Первыми моими помощниками в этом деле были несколько товарищей, административно высланные в Гомель из разных городов России. В частности много помогли мне, в смысле получения первых связей среди железнодорожников, рабочих винного склада, спичечной фабрики и лесопильных заводов Ново-Белицы (предместье Гомеля), две женщины, высланные из Екатеринослава (Геля Френзель и, кажется, Настя). С их помощью я познакомился с работницей винного склада Марией Васильевной, с братом и сестрой Левицкими, которые жили на спичечной фабрике в Белице (их отец и старший брат были служащими фабрики) и с рабочими литейного цеха мастерских Либаво-Роменской ж. д. Михаилом Галицким, Пустовойтовым, с портным Бойко и др.

Через Пустовойтова и Галицкого мои связи среди железнодорожников стали быстро шириться, главным образом, среди рабочих литейного цеха. Помню старого большевика рабочего Морозова, Ткачева, Никифорова, Горовцова. Познакомившись с ними поближе, я предложил Геле снабдить их литературой из запасов, оставшихся у меня от прежней моей деятельности по транспорту, сам же оставался в стороне. Скоро я бросил конспирировать с ними, и в ряде бесед мы пришли к твердому решению начать серьезную работу в Гомеле.

Таким образом будущий Полесский комитет 1912 года зародился среди рабочих Либаво-Роменских ж.-д. мастерских. Лучшим моим товарищем и помощником по организации железнодорожников явился тов. Галицкий. Это был рабочий средних лет, семейный (у него было, кажется, пять человек детей, мал-мала меньше), но это его ни на минуту не остановило от вступления на опасный путь активного революционного работника. У Галицкого убеждения не расходились с делом, вернее, убеждение немедленно же стремилось превратиться в дело. Должен сказать, что бо̀льшая часть из тех 35—40 рабочих железнодорожников, которые впоследствии составили ядро железнодорожного района парткомитета, тоже были люди уже не первой молодости и семейные. Этот район был красой организации и моей гордостью.

Параллельно с организацией железнодорожного района я занялся конструированием районов городского и Белицкого и поисками старых партийцев, которых можно было бы привлечь в качестве пропагандистов и организаторов.

Ядро городского района образовали, упомянутые уже выше, портной Бойко, сапожники „Михаил“ и „Рувим“—старые подпольщики-большевики, которые охотно откликнулись на мой призыв принять активное участие в работе по воссозданию городского района партии. Через них мы привлекли в организацию одного приказчика (звали его, кажется, Абрамом) и несколько человек печатников. Среди последних выделялся по активности Миша Каган и Семен (точно имени не помню).

У Левицких, которые оказывали нам энергичное содействие, я встретил своего старого приятеля и товарища по работе в Екатеринославе в 1906 году, рабочего Николая Песковского. Эта встреча была прямо клад: в нем я нашел старого, выдержанного партийца-большевика, работника, которого мне так не доставало. Через него я привлек к работе Лизу Подольскую, интеллигентку и большевичку с 1905 г.

С помощью Левицкого (тогда гимназиста) и его товарища по гимназии Абрама Деркача, который еще в 1911 году оказывал мне по транспорту активные услуги, я сорганизовал кружок учащейся молодежи, куда входило человек 10—12, большинство из гимназии Ратнер. Эта молодежь с большим интересом занялась изучением марксизма, при чем особенно выделялись Берман, Вермул и уже названные Левицкий и Деркач.

Приблизительно в начале марта организация была оформлена. В центре встала группа, в состав которой входили: Пустовойтов, Галицкий, Морозов, я (Владимир), Песковский, Михаил (сапожник), Подольская, Рувим. Были оформлены железнодорожный, городской и Белицкий районы, завязаны связи с Полесским депо, немного в стороне стояла ученическая организация. Я немедленно же сообщил о своих организационных успехах Надежде Константиновне, бывшей тогда секретарем Ц.К. В дальнейшем я давал ей

регулярные, ежемесячные отчеты о ходе работы и жизни нашей организации.

Работа пошла очень интенсивно и успешно. Я не помню в нашей организации пассивных членов. Каждый работал, каждый искал новых связей, старался захватить в круг нашего влияния возможно больше лиц и предприятий. Геля поступает на фанерный завод и там создает ячейку, Галицкий и его товарищи расширяют связи среди железнодорожников, связываются с Жлобином, они же привлекают в организацию рабочих какого-то частного литейного завода и водопровода, кто-то заводит связи со спичечными фабриками в Злынке, образуется группа в Новозыбкове, начинается борьба за расширение нашего влияния в городском районе, среди еврейского ремесленного пролетариата.

Борьба за завоевание городского пролетариата открылась рефератом „О современном моменте и перспективах будущего“ с официальным приглашением оппонентов других партий и, в первую очередь, Бунда. Для реферата мы подыскали с помощью гимназистов из кружка учащихся довольно просторную квартиру, отпечатали билеты и распространили их штук 60—70. Билеты были платные в фонд организации, кажется, по 20 коп.

Собралось человек 50; тема, видимо, всех живо интересовала. Докладчиком выступил я. Прежде всего, я выяснил основные причины и движущие силы революции 1905 г. и подчеркнул, что одним из наиболее могучих факторов революции в России является аграрный вопрос. Далее, я обосновал, как теоретически, так и на опыте движения 1905 г., идею „гегемонии пролетариата“. Исходя из этих предпосылок, я доказывал, что ни один из социальных узлов, вызвавших революционное движение, не разрешен еще, что объективная обстановка продолжает оставаться революционной, что попытка правительства предотвратить революцию путем „столыпинского разрешения“ аграрного вопроса обанкротилась и, тем самым, вопрос о том, что ждет Россию в ближайшем будущем — „эволюция“ (как утверждали ликвидаторы) или революция, должен быть решен в пользу последней. Поэтому наша задача—готовиться к ней так же, как мы готовились к 1905 г., т.-е. в первую

очередь созданием и укреплением нелегальной с.-д. партии, которая в своей работе должна держать курс на революцию. С этой точки зрения я и напал на ликвидаторство.

Официальным оппонентом от Бунда выступил Арнсон. Несмотря на то, что в городе он был популярен, особого успеха здесь он не имел. Самый сильный его аргумент сводился к тому, что мой анализ неверен в той его части, где предполагает решение аграрного вопроса, вопроса прежде всего крестьянского, путем революции, руководителем которой явится пролетариат. Здесь он видел противоречие: не может-де пролетариат „устраивать“ крестьянство, само же крестьянство неспособно к активной революционной борьбе и найдет способ разрешить „вопрос о земле“ мирным путем, что выбьет почву из-под ног революции.

В горячих прениях, в которых выступало большинство рабочих, Арнсона мало кто поддерживал. Наоборот, заметно было желание говоривших попытаться как-нибудь еще „покрепче“ обосновать неизбежность революции. Если в их аргументах, с точки зрения чисто научной, кое-что и являлось наивным, то они были весьма симптоматичны и характерны, как показатель революционного настроения. Мне не составило большого труда отбить нападки Арнсона в своем заключительном слове. Хотя резолюции не было принято, но докладом мы были очень довольны, так как здесь наметился отбор наших единомышленников. В результате, работа городского района сильно оживилась и количество членов его росло.

Городской район был разбит на кружки, при чем мы сознательно избегали организовывать их по профессиональному признаку. Двух- или трехлетнее участие активных ремесленников Гомеля исключительно в профессиональном движении при господстве ликвидаторских настроений в области политической борьбы не могло не наложить на их психологию своеобразных черт профессиональной узости. Борьбу с этим мы считали одной из задач нашей деятельности. Поэтому кружки в городе нами организовывались исключительно по территориальному признаку, тогда как „за линией“ мы этого принципа не придерживались.

Представители кружков составили коллектив городского района, который собирался регулярно раз в неделю.

В районах железнодорожном и Белицком кружков не было, как не было и коллектива. В первом была инициативная группа, состоявшая из Галицкого, Пустовойтова, Морозова, Федорова и двух-трех других товарищей, и общее собрание всего района. Общие собрания железнодорожников обычно происходили на квартирах Пустовойтова и Морозова, собрания же инициативной группы—у Галицкого.

Наиболее слабо работал район Новобелицкий. Здесь и численность была невелика (человек 10—12), и местного организатора не было. Живший там Левицкий был еще слаб и неопытен, а наезжий организатор мог сделать немного; к тому же все внимание наших наличных активных сил было обращено на железнодорожников, на завязывание связей по линиям железных дорог и на организационное закрепление достигнутого. Городские товарищи работали по городу и не могли уделить Н.-Белице много внимания.

Удачные шаги по пути внутреннего организационного строительства, рост связей среди ж.-д. пролетариата и успехи привлечения новых членов в кружки в городе сильно подняли дух наших работников. То в одной группе, то в другой поднимался вопрос о необходимости выступить печатно с официальной декларацией об образовании организации и, вообще, от устной пропаганды и агитации перейти к агитации письменной. Этот вопрос был поставлен перед центральной группой, инициативной железнодорожной и в городском районе. После оживленного обсуждения было принято предложение о преждевременности этого шага, ибо организация еще недостаточно внутренне окрепла, и начавшиеся, в случае широкой печатной агитации, репрессии, обыски и аресты могли бы парализовать ее деятельность. Я хотел, чтобы организация еще более окрепла. Формально свою мысль я мотивировал также и тем, что если уже выступать печатно, то надо выступить под именем Полесского комитета Р. С.-Д. Р. П., а на это мы не имеем права, так как Ц. К. нас в качестве комитета еще не утвердил. Я послал, говорил я, в Ц. К. сообщение

об образовании нашей организации и просил утверждения. Когда его получим, тогда и будем говорить о выступлении, как Полесский комитет.

Но жизнь скоро разрушила мои конспиративные и формальные соображения. В начале апреля я уехал в Вильну за первомайской литературой, а за это время в Гомеле получились известия о Ленском расстреле. Наши ребята забыли и постановления, и всякие соображения о конспиративной мудрости, и сепаратным путем несколько человек молодежи написали прокламашку, отпечатали ее на гектографе и выпустили от имени „Полесского комитета".

Когда я приехал с первомайскими прокламациями, меня порадовали „новостью" об образовании Полесского комитета. Так как эта первая листовка не носила марксистски выдержанного характера, а была просто продиктована „революционным нутром" молодого рабочего, то подпись под ней „Полесский комитет" я считал шагом крайне опрометчивым. Галицкий как-то жался, а потом я узнал, что косвенно и он к ней „руку приложил" в том смысле, что, зная о предполагаемом ее выходе, не возражал и положился вполне на молодежь в смысле содержания. Этот факт не имел для организации больших последствий. Полиция и жандармерия правильно определили, что листовка была выпущена городскими рабочими, а потому все свое внимание обратили на известных им ремесленников. Кое-кого таскали в полицию, кое-кого там, кажется, побили, но самое ценное для нас,—железнодорожный район,—совсем не задели. О том, что здесь может быть какая-либо подпольная организация, у жандармерии не явилось и мысли.

Другая сторона реагирования нашей молодой организации на Ленские события меня, наоборот, очень порадовала. Оказывается, что ребята живо подыскали несколько квартир, на которых и провели ряд довольно широких собраний беспартийных рабочих. Собрания прошли очень оживленно и оставили у присутствующих большое впечатление.

Опыт с листовкой ясно показал мне, что жандармерия ничего не знает о железнодорожной организации. Это говорило, прежде всего, за то, что ни в руководящих группах, ни в железнодорожном районе вообще у нас нет ни

провокаторов, ни предателей. Что же касается города, то там есть только „замаранные“ в глазах полиции лица. Уже после революции я узнал от кого-то из гомельчан, что один из бывших членов нашей организации того времени, Меерович, оказался провокатором.

Я припоминаю Мееровича. Он появился в железнодорожном районе нашей организации значительно позже, приблизительно в середине лета. Группа литейщиков (он был токарь) вскоре начала относиться к нему с подозрением. Галицкий и Пустовойтов ему определенно не доверяли и предупредили о нем и меня. Фактов против него у нас не было, но неприятное чувство вызывало его чрезмерное „любопытство“. Никакой активной роли в железнодорожном районе он в мое время не играл. Я не знаю, когда он стал провокатором, хочу только отметить факт, что в течение всего 1912 года, по день моего отъезда из Гомеля в ноябре, в Гомельской организации не было ни одного провала, ни в центре, ни в периферии. А собрания наши происходили достаточно часто и регулярно, бывая нередко весьма многолюдными (по тому времени). Кроме того, лично я до самого ноября не имел за собою слежки, хотя, в качестве ответственного организатора и профессионала революционера, целые дни ходил по районам, бывал частенько на фабриках, в мастерских и т. п. Знали меня почти все члены организации и выдать меня не составляло большого труда. Все это склоняет меня к мысли, что Меерович провокатором сделался уже после моего отъезда.

Если не считать экстренно проведенной Ленской кампании, первая организованная политическая кампания, которую провел Полесский комитет, была первомайская. Вопрос о характере празднования 1-го мая поднят был в организации еще в начале апреля. Я снесся с Ц. К. и получил предложение взять в Вильне, у некоего „Саши“, первомайские прокламации Центр. Комитета. Поехал я за ними лично. По получении их в руководящем центре нашей организации был поставлен вопрос о расклейке и о призыве к забастовке. Решено было городской район и Новобелицу призвать к забастовке и в этих районах разбросать прокламации по предприятиям и расклеить по ули-

цам. Что же касается железнодорожных мастерских и депо, то здесь прокламаций не расклеивать и к забастовке не призывать, а попытаться устроить по выходе рабочих на обед летучий митинг. Такой тактикой в этом районе мы хотели поддержать у жандармерии иллюзию отсутствия здесь организации. Вообще, вся тактика Полесского комитета в это время была направлена на то, чтобы как можно лучше отвлечь внимание властей от железнодорожного района. Сохранить этот район возможно дольше от провала было особенно важно в моих глазах потому, что в нем был центр Полесского комитета и работники этого района расширяли Полесский комитет территориально. Конечные пункты территории Полесского комитета, – Клинцы, Жлобин и Пинск, а позднее Могилев,—завязали связи с Гомелем исключительно через этот район.

Первомайский митинг в Либаво-Роменских мастерских почему-то не удался, но в городе кое-где бастовали. Вечером состоялись две оживленные массовки. Железнодорожников присутствовало около сотни, при чем впервые было приглашено по инициативе Галицкого человек 15 железнодорожной рабочей молодежи (учеников). Эта молодежь тут же была мною связана через Бермана с гимназическим кружком.

Первомайский праздник прошел для нашей организации благополучно. Полиция рыскала по городскому району, но из организации, кажется, никто не пострадал.

После первого мая работа нашей организации еще более окрепла и оживилась. Этому много способствовало начавшееся получение в Гомеле „Звезды", а затем „Правды". Первоначально, как „Звезда", так и „Правда" получались только в одном из газетных киосков на Румянцевской. Здесь продавал газеты какой-то молодой парень [1]), с которым мы завязали тесные отношения: он нам определенно сочувствовал, у него можно было доставать не только легальные номера, но часто и конфискованные, при чем, в отличие от других газетчиков, он никогда не поднимал цену на конфискованные номера, а, наоборот, хранил их исключительно для рабочих.

[1]) Речь идет о т. М. Хатаевиче (ныне секретаре Одесского Губкома), воспоминания которого печатаются ниже. Прим. ред.

Популяризировать „Правду“ среди железнодорожников стало одной из задач Галицкого и его товарищей. Часто они покупали в складчину несколько десятков наиболее интересных номеров „Правды“ и буквально разбрасывали их в уборных, мастерских и других местах обычного скопления рабочих. Кроме того газета кем-либо из них ежедневно читалась вслух в „рабочем клубе“ (в уборной) и комментировалась. Они же давали указания, где ее покупать, и агитировали за подписку на нее. Мало того, им удалось провести два раза денежный сбор в „железный фонд“ „Правды“, о чем, помню, мне с гордостью сообщил как-то Галицкий, показывая квитанцию денежного перевода в „Правду“. На „Правде“ воспитывались не только средняки рабочие, но и такие активисты, как сам Галицкий и его друзья. В результате, главным образом, их деятельности рост тиража „Правды“ в Гомеле шел быстро в гору.

Кроме розничной покупки среди железнодорожников начала развиваться и подписка на „Правду“. Из конспиративных соображений я не советовал подписываться на „Правду“ ни Галицкому, ни кому-либо из других активных работников. Рост подписки на „Правду“ шел на периферии организации и среди беспартийных.

Помню еще такой способ распространения „Правды“: Галицкий и др. товарищи снабжали „Правдой“ машинистов товарных поездов, шедших в разные стороны из Гомеля, с просьбой по прочтении передавать ее другим товарищам по линии и указывать, как ее можно выписывать.

Вообще, должен повторить еще раз, что вся Гомельская организация того времени мне не мыслится иначе, как сплошь активистская. Каждый член ее в своей деятельности соединял как нелегальную работу, так и „использование“ всех легальных возможностей, из которых первая и основная была „борьба за распространение „Правды“.

Товарищи из городского района на-ряду с этим взялись также за упрочение нашего влияния среди профессиональных союзов, которые существовали нелегально и находились под влиянием, отчасти, Бунда, а главным образом С. С. Из них наиболее крупными были: швейников, приказчиков и печатников. Наше влияние более или менее

заметным было у швейников и отчасти у печатников, где наши члены входили даже в правление (Миша Каган).

Однажды, приходит на комитетскую явку кто-то из печатников и сообщает, что сегодня состоится общее собрание печатников, которые празднуют трехлетие нелегального существования своего союза. Событие было из ряда вон выходящее. Я сейчас же собрал наличных членов комитета, и мы постановили командировать на торжество для приветствия двух представителей: одного от Полесского комитета, а другого от железнодорожного района. Пошли: я от комитета, а Галицкий от ж.-д. района.

Пришли мы с небольшим опозданием. В большой квартире присутствовало не менее ста человек членов союза. Я не знаю, были ли среди гомельских печатников русские рабочие, но в союзе не было ни одного русского члена. Естественно, что как доклад правления, так и прения по нему начались на еврейском языке. В качестве почетных гостей присутствовали для принесения приветствия представители С. С., Бунда, Поалей-Цион и делегаты от других союзов. Наше появление произвело большую сенсацию. Особенно сильное впечатление получилось от присутствия представителя железнодорожной организации, о которой масса узнала впервые.

Я помню то трогательное желание облегчить нам, незнающим еврейского языка, понимание всего говорившегося со стороны очень многих из собравшихся. К нам сейчас же подошли товарищи, которые переводили дословно все содержание той части доклада правления, которую мы застали, а затем познакомили и с началом доклада. Когда начались прения, то, за исключением двух-трех заядлых националистов из С. С., все выступавшие говорили на русском языке, считаясь с нашим присутствием. Чувствовалось теплое товарищеское единение пролетариев, несмотря на различие национальностей. Наши речи выслушаны были с неослабным вниманием, наше приветствие было принято с весьма живым одобрением. Этим выступлением Полесского комитета его авторитет сильно поднялся в глазах рядового члена союза печатников. После этого работа наших товарищей в союзе пошла еще более успешно.

По окончании официальной части торжества нас пригласили остаться и принять участие в товарищеской вечеринке, которой заканчивалось собрание. Здесь в непринужденной беседе еще ярче почувствовался живой интерес к комитету. Даже представители националистических партий не пытались нас задевать. Как курьез, помню, что я сидел за столом как раз напротив одного из эс-эсовцев, националиста настолько ярого, что он принципиально не хотел говорит по-русски. Тем не менее, мы с ним мирно беседовали через „переводчика“, одного из моих соседей, который переводил мне его речь (мою он, все-таки, признавал для себя понятной). В конце концов это начало носить шутливый характер, и он, и я, и окружающие соседи улыбались, но „фасон“ он выдержал до конца.

Ярким событием в жизни нашей организации был приезд в Гомель из-за границы от Ц. К. тов. Сафарова.

В мае и июне, в связи с расширением, как объема работы, так и района деятельности нашей организации, я как-то совсем завертелся и не мог выбрать времени, чтобы послать в Ц. К. очередное отчетное письмо (шифровка отнимала массу времени). Надежда Константиновна Крупская, тогда секретарь Ц. К., забеспокоилась, почему из Гомеля нет известий, и поручила тов. Сафарову, который ехал из-за границы в Петербург, заехать в Гомель и узнать, что с нами. Кстати ей, видимо, хотелось убедиться фактически, насколько мои отчеты о ходе работы не страдали излишним оптимизмом местного работника. Наша организация имела довольно хорошо поставленную связь с внешним миром. У нас была и явка для приезжающих товарищей, известная Ц. К., и адреса для писем, и шифр, и, вообще, все атрибуты серьезной организации, вплоть до явочной квартиры комитета и склада литературы. Тов. Сафарову не составило, поэтому, большого труда разыскать меня. Он мне передал, что Надежда Константиновна беспокоится, почему я не пишу, что он на утро должен уже ехать и хотел бы сделать доклад хотя бы маленькой группе, которую нам удалось бы собрать в этот короткий срок.

Я решил использовать приезд тов. Сафарова для поднятия еще выше настроения организации. Вызвал с работы

Галицкого и передал ему, что приехал тов. из Центра, от Ц. К. и что надо перед ним „не ударить лицом в грязь“. Покажем,—сказал я ему,—нашу организованность; во что бы то ни стало соберите всех наших членов на массовку. То же я сообщил в город и в Новобелицу. Ребята забегали, и к 7 часам вечера, когда я вместе с тов. Сафаровым пришел на массовку, которая происходила за линией во ржи, мы застали там уже несколько десятков человек. Были выставлены патрули, стояли дозоры, указывавшие дорогу к массовке, только после произнесения пароля.

Большое количество собравшихся, железнодорожники в рабочих костюмах, пришедшие прямо с работы, преобладание „бородачей“, семейных рабочих, перед молодежью, высокая степень развития и сознательности многих из них, обнаружившаяся при обсуждении доклада, — все это произвело на тов. Сафарова, тогда еще молодого человека, сильное впечатление. На обратном пути он неоднократно высказывал мне свое крайнее удивление, что встретил такую серьезную и, видимо, хорошо работающую организацию.

Вечером я познакомил товарища с работой районов. Она произвела то же самое выгодное впечатление. Обо всем виденном и слышанном тов. Сафаров в ту же ночь написал Надежде Константиновне. Перед отправкой письма он прочел его мне. Оно было чрезвычайно лестно как для организации в целом, так и для меня, как ответственного организатора.

Приезд „делегата“ от Ц. К. весьма поднял настроение партийных работников. Всем хотелось, раз сам Ц. К. нами так живо интересуется, еще и еще усилить энергию работы и быть достойным носить название Полесского комитета Р. С.-Д. Р. П. На почве этого оживления я поднял кампанию по вопросам партвоспитания, о методах работы, о конспирации и т. п.

Между тем время шло, приближался срок выборов в 4-ю Государственную Думу. Полесский округ не принадлежал к тем фабрично-заводским районам, которые по конституции 3-го июня 1907 г. имели право посылать депутата от рабочего населения. Здесь фабрики и заводы, которые по количеству рабочих имели право выбирать, посылали своих

выборщиков на общее собрание выборщиков от всех классов населения в Могилев. Конечно, рабочие выборщики (их во всем районе было только 16 человек) составляли ничтожную часть выборщиков общего собрания и ни один рабочий не мог пройти в Думу иначе, как голосами других курий. Если бы даже все выборщики-крестьяне отдали свои голоса рабочему, то этого, все же, не было бы достаточно. Ясно было, что в Думу нам рабочего не провести. Тем не менее, комитет решил принять самое энергичное участие в избирательной кампании и выступить со своими кандидатами не только на фабриках и заводах, но и по городской курии.

По городской курии имели право выбора, прежде всего, домовладельцы. За линией было довольно много рабочих, владельцев маленьких домиков. Учитывая это обстоятельство, комитет решил выступить в предвыборной кампании по городу самостоятельно. Он отклонил предложение Бунда и группы демократических избирателей „с социалистическим оттенком“ вступить с ними в блок или, хотя бы, предвыборное соглашение о кандидате и выставил самостоятельного кандидата по городской курии, члена ж.-д. районного комитета тов. Пустовойтова (домовладелец). Бунд выставил Арнсона, а демократическая группа эс-эрствующего Калашникова.

Мы, конечно, не расчитывали провести Пустовойтова, мы хотели, во-первых, выставить чисто классовую и партийную кандидатуру, под которой собрать голоса рабочих, домовладельцев за линией, а, во-вторых, вообще развернуть агитацию. Выпущены были соответствующие листки, платформа; рядом с письменной агитацией развернули и устную. С утра в день выборов наши районщики группами разместились по углам тех кварталов, где находились избирательные помещения с целью агитировать идущих бросать в урну свой избирательный бюллетень. В ряде мест наши товарищи пробовали агитировать и имели несколько столкновений с членами „Союза русского народа“, прибегших к тому же методу. Эти столкновения больших последствий для товарищей не имели. Видимо, уверенные в своей победе, черносотенцы не желали обострять отношений с рабочими, а потому к арестам не прибегали.

Ввиду того, что против сплоченного черносотенного блока выступало, кажется, 5 списков, включая и наш, громадное большинство получил черносотенный кандидат, голоса же оппозиции разбились. Меньше всего все же получил наш кандидат, причиной чего были, прежде всего, злоупотребления избирательных комиссий. Эта кампания все же имела большое воспитательное значение, главным образом для членов нашей организации, которые на практике столкнулись с деятельностью и идеологией других классов и партий.

Зато в рабочей курии мы поработали на славу. Особенное внимание мы обратили на железнодорожные мастерские и лесопильный завод в Новобелице, где у нас была ячейка. Предвыборная агитация в мастерских началась недели за две до выборов. Наши работники вошли в связь со всеми более или менее влиятельными рабочими по всем цехам. С ними говорилось о выборах, обсуждались возможные кандидатуры и, вообще, наши старались сплотить их вокруг себя. Полесский комитет решил выставить официальную кандидатуру тов. Морозова, старого рабочего, литейщика или слесаря (точно не помню), члена Полесского комитета. За его кандидатуру и велась предварительная агитация среди влиятельных рабочих.

Подготовив почву, в одно из воскресений мы назначили общее собрание всех влиятельных рабочих мастерских, на которое должен был явиться официальный представитель Полесского комитета. Собрание привлекло не менее сотни наиболее авторитетных в мастерских рабочих. Я выступил как официальный представитель Полесского комитета Р. С.-Д. Р. П. Познакомив присутствующих с целями и задачами нашей партии, именем революционной рабочей организации, каковой является Полесский комитет, я потребовал от всех присутствующих рабочих провести нашего кандидата Морозова.

Мое выступление, речь и предъявленное этому собранию, как собранию рабочих, требование провести кандидатуру рабочей партии произвели сильное впечатление. Я не ожидал, что наша партия, самое имя ее, так легко и естественно завоюет на этом собрании должный авторитет.

Несмотря на то, что в частных разговорах с членами нашей организации многие из присутствующих раньше не соглашались на кандидатуру Морозова, здесь почти все в один голос заявили, что они не знали, кто выставляет Морозова, но, если его выставляет партия, то возражать они, конечно, не будут и постараются провести.

Это собрание имело решающее значение в деле укрепления кандидатуры Морозова. После него все разговоры отдельных групп рабочих мастерских о других кандидатурах все более и более замолкали...

Ко дню выборов мы выработали наказ, который железнодорожники должны были дать своему избраннику и обсудили детально всю технику выборов. Администрация и жандармерия ничего не подозревали. В назначенный день администрация созывает общее собрание рабочих мастерских „для выборов". Рабочие собрались, администрация и жандармерия остались в качестве „зрителей" или наблюдателей... Еще не успело открыться собрание, как встает один из наших товарищей и обращает внимание рабочей массы на то, что, „согласно положения о выборах", ни полиция, ни администрация не имеют права присутствовать на собрании. Это заявление „власти" не предусмотрели и от неожиданности растерялись. Под насмешливыми взглядами рабочих как жандармерия, так и администрация сконфуженно удалились.

Этот маленький эпизодик сразу поднял как настроение рабочих, так и авторитет нашей группы. Председателем по предложению того же товарища был выбран один из авторитетных беспартийных рабочих, намеченный нами на воскресном совещании. Секретарем прошел наш.

Слово берет тов. Пустовойтов: „Предлагаю, прежде чем приступить к обсуждению кандидатов и выборам, заслушать доклад присутствующего на нашем собрании представителя Полесского комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии"...—„Есть ли возражения?"—спрашивает председатель.

Какой-то шорох прошел по толпе, который скоро перешел в оживленные крики: „Просим, просим". Рабочие сгрудились к трибуне, каждый желал не только лучше

слышать, но и посмотреть на неожиданного и давно невиданного в стенах мастерских гостя.

Наш оратор при напряженном внимании тысячной массы сделал почти часовой доклад. Он очертил суть и характер третье-июньского режима, выяснил „права“ рабочих, характер, роль и значение Думы, подчеркнул, что настоящие права рабочий класс может завоевать только революционной борьбой, а сейчас призывал к демонстративным выборам. „Покажите,—говорил он,—господствующим классам, что вы не отстаете от сознательных рабочих других городов. Выбирайте кандидата, которого рекомендует партия. Полесский комитет Р. С.-Д. Р. П. предлагает кандидатом в выборщики тов. Морозова. Он старый рабочий, имеющий за собою революционное прошлое, он и должен быть выбран“.

После выступления нескольких рабочих из числа участников воскресного совещания, которые всецело поддерживали кандидатуру Морозова, последний и был выбран почти единогласно. Наша победа была полная. После выборов был прочтен наш наказ, который и стал наказом от рабочих Либаво-Роменских мастерских...

Всего от гомельских фабрично-заводских предприятий было выбрано, кажется, пять человек. Наших было двое, Морозов и делегат от лесопильного завода (фамилии не помню).

Дня через два после выборов рабочие делегаты всей губернии должны были собраться в Могилеве, где на общем собрании депутатов всех курий надлежало выбрать членов Думы. Вместе с Морозовым комитет делегировал в Могилев и меня. Поехали мы с соблюдением всех конспиративных предосторожностей. Морозов ехал как делегат, я же под видом „кандидата“. Хотя института „кандидатов“ по конституции и не полагалось, но многие фабрики и заводы таковых все же выбирали, так что мое кандидатство ни в ком никаких недоумений не вызывало.

В Могилеве мы встретили рабочих выборщиков, съехавшихся со всей губернии. Их было человек 16—18 и несколько кандидатов. Морозов поднял агитацию за необходимость рабочим выборщикам собраться предварительно

отдельно и потолковать. Когда выборщики собрались, я заявил, что никаким „кандидатом“ я не являюсь, а приехал как официальный представитель Полесского комитета Р. С.-Д. Р. П. и требую, чтобы мне дали слово. Здесь мое заявление уже не произвело того эффекта, как это имело место в мастерских. Ряд фабрик выбирал, видимо, не сознательных и идейных рабочих, а или говорунов, или даже хозяйских подхалимов. Они-то и оказали очень сильное сопротивление моему присутствию. Поддержало меня меньшинство. Дело дошло даже до того, что, когда я все-таки начал говорить, часть выборщиков демонстративно покинула собрание.

Наличность подобных элементов, как представителей рабочей массы ряда крупных предприятий Могилевской губ., говорила за то, какой еще непочатый угол работы имел перед собою Полесский комитет. После моей речи я предложил от имени комитета всем голосовать за Морозова, как партийного кандидата. При начавшемся обсуждении выявили свое лицо несколько человек, определенно карьеристов. Один, например, сообщил нам, что его лично хорошо знает один помещик, который и обещал постараться провести его в Думу. „Если вы все отдадите свои голоса за меня, то от Могилевской губ. может пройти в Думу один рабочий, т.-е. я“. Подобные же желания сквозили в речах и еще некоторых. Мне удалось сплотить вокруг кандидатуры Морозова всего семь человек.

Таким образом „провал“ Морозова в рабочей группе был для нас очевиден. Однако мы были довольны уже тем, что сплотили группу в семь человек. Мне делать здесь больше было нечего, и я поспешил уехать в Гомель. Морозов же остался и в два дня, которые он там провел, закрепил свои связи с теми заводами, делегатами которых были товарищи, сплотившиеся вокруг него.

Избирательная кампания, конечно, не могла не обратить внимания жандармерии на деятельность Полесского комитета. Теперь комитет стали искать уже „за линией“. Здесь появились шпики. Морозов, Пустовойтов и др., очевидно были взяты не только под подозрение, но и под наблюдение. Идя с работы, они часто замечали за собой слежку.

Временно мы устранили их от активной работы, что ослабило размах нашей деятельности за линией. К тому же начавшаяся дождливая осенняя погода сильно затрудняла наши собрания, ибо за лето публика привыкла уже к широким собраниям за городом. Но что хуже всего, это сведения, которые откуда-то получил Галицкий, что полиция приблизительно в курсе дел работы „за линией“ и, в частности, обратила внимание на мою деятельность.

На созванном экстренном собрании комитета был поставлен вопрос об усилении конспирации в работе, перенесении собраний железнодорожного района и комитета в город и Белицу, а мне было признано необходимым уехать, ввиду наличности за мною слежки.

Известив обо всем Надежду Константиновну, я сообщил ей, что уезжаю в Екатеринослав, и просил выслать мне туда рекомендацию. Через два дня я простился с Полесским комитетом и перешел на работу в Екатеринослав. Больше с Полесским комитетом мне работать не пришлось.

В. Н. Залежский («*Владимир*»).

1912—1914 годы в Гомеле.

(Воспоминания.)

В апреле 1912 года мне исполнилось 19 лет. Я не был еще тогда членом существовавшей в Гомеле подпольной большевистской организации, но живо интересовался усиливавшимся движением, следил за борьбой, происходившей в Петербурге, Москве и других крупных рабочих центрах между большевиками и ликвидаторами (меньшевиками), внимательно читал „Звезду“ и „Живое Дело“ и был уже полностью на стороне большевиков. Я поддерживал персональную связь с некоторыми товарищами, работавшими тогда в подпольной большевистской организации (т.т. Ханкин А., Каган М., Хайкин С., Ильицкий Г., Тубман), и, благодаря этому, был, хотя и в очень небольшой степени, в курсе работы, которая проделывалась организацией, и того состояния, в котором она находилась. Организация называлась „Полесский комитет Р.С.-Д.Р.П.“, сохранив это название и фактическую преемственность со времени 1905—1906 г.г. В тот момент главную руководящую роль в организации играл тов. Владимир (В. Залежский), работавший в качестве партийного профессионала Ц. К. Организация имела связь с рабочими ж.-д. узла (мастерскими и депо), вела работу среди учащейся молодежи, из которой (главным образом, из учеников гимназии Ратнера) было организовано 2—3 кружка и, кроме того, существовала группа в 20—30 человек примыкающих, состоявшая из городских рабочих и приказчиков. Основная масса еврейских рабочих находилась здесь под влиянием организации Бунда, где господствовали целиком ликвидаторские настроения, и

другой еврейской рабочей партии С. С. Существовали в то время, как мне помнится, нелегально, следующие профсоюзы: печатников, приказчиков, швейников и некоторые другие, но в этом я уже не так уверен. Влияние большевистской организации было более заметно в союзе швейников и чувствовалось несколько в союзе печатников. Меньшевистской группы, как таковой, не было в Гомеле совершенно. Все ликвидаторствующие группировались в организации Бунда, линия борьбы с ликвидаторством совпадала целиком и полностью с линией борьбы с бундовским национализмом.

Я в это время занимался продажей газет из киоска (так сложилась жизнь) и усиленно распространял через этот киоск сначала „Звезду", затем „Правду", а также ликвидаторский „Луч" и „Рабочую Газету". На этой почве, главным образом, у меня и создались связи, о которых я говорил выше.

На ленские события Полесский комитет откликнулся изданием гектографированной прокламации, содержание которой я помню теперь очень плохо. Была попытка организовать забастовку протеста, но из этого, кажется, ничего не вышло. Общий подъем движения, получившийся в результате Лены во всей России, сказался и в Гомеле в виде оживления работ подпольных кружков, оживления экономического стачечного движения и в весьма интенсивном праздновании 1-го мая (18-го апреля). Я не помню точно количества участников первомайской забастовки, но их было, кажется, более 2-х тысяч. Гомельские рабочие приняли участие в сборах, которые производились для издания „Правды", и двумя группами было собрано что-то около 33-х рублей и отправлено в Питер.

Выхода и прибытия к нам первого номера „Правды" мы все ожидали с большим нетерпением. Буквально с трепетом и с замиранием сердца и я, который не был еще тогда большевиком, и все знакомые мне большевики разворачивали листы полученной, наконец, в конце апреля газеты. Спрос на „Правду", которая приходила на весь город всего в количестве 200—250 экз., с каждым днем увеличивался, и этого количества далеко не хватало. При-

ходилось газеты распространять фактически тайком, из-под полы, ибо частые конфискации и то, что в Петербурге полиция не успевала конфисковывать всех отпечатанных номеров, и часть их уходила по железной дороге, заставляли жандармов ст. Гомель относиться с предубеждением ко всем получавшимся номерам „Правды“ и зачастую задерживать даже не конфискованные номера. Приходилось итти на ухищрения в упаковке, получать газеты всякого рода другими путями, так что даже конфискованные номера иногда ускользали от бдительного ока станционных жандармов. Это доставляло большое беспокойство гомельскому полицмейстеру, который зачастую попросту посылал городовых с тем, чтобы отобрать имеющиеся у газетчиков номера „Правды“, „Звезды“, а также и ликвидаторские газеты. У меня в киоске в 1912 г. дважды таким образом накрывали конфискованные номера газет и вместе с ними направляли в полицейское управление на Боярской улице пред грозные очи самого полицмейстера Ордо. В первый раз он ограничился только скверной руганью и криком, а во второй избил меня, но оба раза после часового сиденья и внушения меня отпускали.

К осени 1912 г. я несколько отошел, вследствие потери личных связей, от большевистской организации и на время сошелся с эс-эрами, также благодаря личным знакомствам с некоторыми членами эс-эровской организации; я довольно близко подошел к их работе, посещая эс-эровские кружки и собрания, хранил у себя их литературу и, хотя и спорил с ними жестоко, но один момент был все же близок к тому, чтобы вступить в их организацию. Но сие зло меня миновало. Я не помню точно, как это все произошло, но в последний момент, когда я уже почти был завербован с.-р., меня взяли большие сомнения.

Это было зимой 1912—1913 г.г.

После этого я вновь попытался возобновить связи с знакомыми большевистскими ребятами с тем, чтобы принять более активное участие в их работе.

Первая нелегальная большевистская массовка, в которой я принимал участие, была посвящена международному женскому дню — 23 февраля (по ст. стилю) 1913 г. Собрание

происходило далеко на окраине (Америка), на квартире родителей тов. Тубмана. Присутствовало человек 50, из них много сочувствующих, примыкающих, но не ставших еще окончательно членами организации. Из выступавших на этом собрании я очень смутно помню тов. А. Левина. После этого я уже стал получать поручения и, спустя месяца 2—3, стал действительным членом большевистской партии.

Этот период весны и лета 1913 г. у меня почему-то хуже всего сохранился в памяти. Я помню, что годовщину выхода „Правды“ наша организация отметила собраниями, сборами в „железный фонд рабочей печати“, помню, что на 1-е мая (18-е апреля по ст. стилю) наша организация выпустила гектографированную листовку, в распространении которой мне пришлось принять участие (к более серьезной технике я в это время не был еще допущен). Массовки и собрания кружков устраивались тогда, по большей части, по ту сторону реки Сожа, за Мельниковым лугом, большей частью вечером. Я стал членом одного из кружков, из которых состояла наша организация, посещал собрания, исполнял кое-какие поручения и, главным образом, занимался распространением партийной прессы.

В самом конце 1913 г. я был выдвинут организатором кружка и, благодаря этому, вошел в состав коллектива организаторов при Полесском комитете Р.С.-Д.Р.П. (б.). Для меня еще до сих пор недостаточно ясны организационные формы, которые у нас тогда существовали. Была узкая группа старых товарищей, представлявшая из себя комитет. Были кружки, в которых, во всех вместе взятых, насчитывалось к началу 1914 г. до 150 человек, но члены кружков не были еще полностью членами партии, а чем-то вроде периферии. Их даже далеко не всех знакомили с партийным уставом, у многих не брали даже членских взносов. Были организаторы или представители кружков, по одному от каждого, всего от 7 до 10 человек, которые назывались коллективом и представляли собой что-то вроде выборного органа при узкой руководящей группе, и, наконец, время от времени, происходили глубоко-конспиративные собрания группы всего в 20—25 человек, которые, очевидно, и пред-

ставляли собой общие собрания ядра организации. Все это, насколько мне помнится, не было оговорено никакими уставами и как-то сложилось само собой. Да иных организационных взаимоотношений и не могло быть в то время глубокого подполья, строгой конспирации и жестоких преследований со стороны царской жандармерии.

Кружок, в котором я был организатором, состоял из 12—15 человек, из которых 5 или 6 было девушек-портних, 2 металлиста, 1 портной, 1 столяр и 2—3 приказчика. Помню только одну фамилию тов. Аграновича, остальных знал только по именам, со многими сталкивался потом здесь же в Гомеле в 1917 г., но имена все позабыл, а в Гомеле теперь их никого не осталось. Кружок должен был собираться регулярно раз в неделю, но, за отсутствием помещений и из-за конспиративных соображений, занятия кружка зачастую расстраивались. Все-таки занятия происходили не реже 2-х раз в месяц. В кружках занимались чтением и объяснением программы, разбором Коммунистического Манифеста Маркса-Энгельса, чтением и разбором Эрфуртской программы или таких брошюр, как Вернера „Куда идет развитие общества“. Часто происходили просто беседы, чтения „Правды“ и журнала „Просвещение“ и попутное освещение наших расхождений с ликвидаторами и т. д. Все это шло очень туго, так как хорошо образованных, подготовленных марксистски людей мы в нашей организации почти не имели. Интеллигентов, за исключением одного, тов. Д. Цырлина, у нас не было, но дело все-таки двигалось.

Общая работа нашей организации сводилась к усиленной борьбе с Бундом, к усилению распространения „Правды“, к усилению агитационной и пропагандистской работы среди рабочих, к тому, чтобы здесь в Гомеле отзываться и заставить откликнуться гомельский пролетариат на отдельные события, происходившие во всей стране, на широкий подъем рабочего движения, ощущавшийся тогда особенно сильно. Иногда организация руководила экономическими конфликтами, организовывала стачки. В городе, среди еврейских рабочих, бывших наиболее сознательными, влияние Бунда и С.С. было значительно сильнее нашего. Среди железно-

дорожников мы имели свыше 30-ти человек, входивших там в кружки. Публика в этих кружках была революционно настроена, но настоящих, выдержанных большевиков там было очень мало. Это видно из того, что после февральской революции в 1917 г. человек 10 из тогдашних членов наших кружков стали эс-эрами. Наши городские кружки жили совершенно обособленно от железнодорожной организации. Я лично имел тогда очень слабое представление о том, как шла там работа и был только один раз на собрании, где присутствовало человек до 60 рабочих. Работа шла очень хорошо, когда там был т. Михаил Галицкий (работал в мастерских; не знаю, где находится сейчас), очень активный и способный рабочий-организатор, уехавший в конце 1913 г. в Петроград. После его отъезда работа пошла хуже, получился еще больший отрыв железнодорожной организации от города.

В коллективе организаторов железнодорожники были представлены 2-мя товарищами: И. Никифоровым (сейчас в Москве) и Мееровичем (оказался провокатором, расстрелян). Из них Никифоров входил, кажется, в комитет.

Мне пришлось дважды присутствовать на заседании комитета. Один раз оно происходило за рекой Сожем в какой-то яме, другой раз—„за линией“ в квартире одного товарища железнодорожника.

К весне и лету 1914 г., в результате общего подъема революционной волны по всей России, наша деятельность чрезвычайно оживилась, закипела с лихорадочной быстротой и энергией. Международный женский праздник мы отпраздновали с большим успехом, провели в этот день целый ряд собраний рабочих и работниц. К 1-му мая (18-му апреля) мы издали гектографированную прокламацию, в печатании и распространении которой я принимал активное участие. В день рабочей печати — 22-го апреля (по ст. стилю) — мы также провели ряд собраний, распространили более 1.000 экз. „Правды“, собрали более 60 рублей. Собрания, массовки происходили почти ежедневно, при чем мы все больше и больше начинали пренебрегать соображениями конспирации, движение принимало даже в Гомеле все более открытый

массовый характер, выпирало, что называется, из подполья. Жандармы, отчасти благодаря этому, а, главным образом, потому, что у нас в самом центре был провокатор, ждали более удобного для себя случая, чтобы накрыть с поличным.

Этот случай представился в июле 1914 г. во время забастовки 6.000 рабочих на бакинских нефтяных промыслах, вызвавшей горячий отклик сочувствия и солидарности во всей России и целую волну забастовок сочувствия и протеста против возмутительно наглых мер подавления и дезорганизации забастовки, предпринимавшихся со стороны администрации нефтяных промыслов вкупе с царской властью. Во время печатания на гектографе листовки с призывом к однодневной забастовке протеста и денежным сборам в пользу бакинских стачечников были арестованы: я, тов. Ильицкий и 3 брата Рахлиных. Это было за месяц до начала мировой войны. Нам было предъявлено обвинение по 102-й статье, к делу был припутан арестованный за месяц раньше тов. Роман (Аронов), бывший здесь по поручению Ц. К., и мы, шестеро, после 11-ти месячного сиденья получили ссылку на поселение. Надо полагать, что этот наш провал был вызван не только нашей неосторожностью, но и действиями провокатора Мееровича и еще одного типа, которого я лично имел очень веские и солидные основания подозревать в провокации, но прямых документальных доказательств этого, к сожалению, не имел. Несмотря на то, что жандармы имели такое приличное и наружное и внутреннее наблюдение, они почти ничего не знали о действительном состоянии нашей организации, отчаянно путались в тех данных, которые представлялись агентурой, что с особенно большой наглядностью выявилось во время допросов.

М. Хатаевич.

Из истории одного процесса.

Летом 1914 года хищная лапа жандармов вырвала из рядов Полесской организации Р. С.-Д. Р. П. (так издавна называлась Гомельская большевистская организация) несколько преданных и стойких борцов за освобождение пролетариата. Один из этих товарищей, нынешний секретарь Одесского губкома Р. К. П., М. Хатаевич, уже рассказал вкратце историю этого дела в своих воспоминаниях [1]).

Я могу дополнить их очень любопытным документом, именно: официальной копией приговора по возбужденному жандармами в связи с арестом делу. Копия приговора была несколько потрепана и не имела конца, но вся исторически-ценная часть сохранилась. Привожу этот документ полностью:

> 1915 года февраля 12-го дня настоящий приговор при открытых дверях Присутствия объявлен Членом Могил. Окр. Суда Новиковым при Товарище Прокурора сего суда В. М. Ельницком, Секретаре А. И. Иванове с соблюдением 829 — 832 и 842 ст. ст. уг. суд. в присутствии подсудимых Эльи-Берки Орликова Аронова, Мордуха-Янкеля Эльева-Хононова Рохлина, Залмана Эльева - Хононова Рохлина, Менделя Мордухова Хатаевича, Гилеля Файкелева Ильицкого и Израиля Эльева-Хононова Рохлина, просивших выдать им каждому отдельно копию сего приговора и в отсутствии подс. Янкеля Зеликова Малкина.
>
> Член Могил. Окружн. Суда (подпись).

---

[1]) Эти воспоминания помещены выше. Редакция.

Приговор.

1915 года февраля 10 дня, по указу Его Императорского Величества, Киевская Судебная Палата по Уголовному Департаменту, в закрытом судебном заседании, в следующем составе: Председательствующий Член Палаты П. Д. Каменцов, Члены Палаты П. А. Терновский, А. С. Шалимов, П. А. Битюгов с участием сословных представителей: Могилевского Губернского Предводителя Дворянства Ф. В. Бондырева, Могилевского Городского Головы И. А. Семковского и Княжицкого Волостного старшины Д. В. Юрченко при товарище Прокурора Г. Н. Чеботареве и секретаре В. С. Моснаковском,—слушала дело о мещанах Элье-Берке Орликове Аронове, Мордухе-Янкеле Эльеве-Хононове Рохлине, Залмане Эльеве-Хононове Рохлине, он же Рахлин, Янкеле Зеликове Малкине, Менделе Мордухове Хатаевиче, Гиллеле Файкелеве, он же Файвелев, Ильицком и Израиле Эльеве-Хононове Рохлине, он же Рахлин, обвин. по 1 ч. 102 ст. Угол. Уложения.

Решением Особого Присутствия Киевской Судебной Палаты, с участием сословных представителей, мещане местечка Гейшина, Быховского уезда, Могилевской губернии Элья Берка Орликов Аронов, 33 г., города Гомеля, Могилевской губернии Мордух-Янкель Эльев-Хононов Рохлин, он же Рахлин, 21 г., Залман Эльев-Хононов Рохлин, он же Рахлин 19 лет, Израиль Эльев-Хононов Рохлин, он же Рахлин, 18 лет, заштатного города Докшицы, Борисовского уезда, Минской губернии Мендель Мордухов Хатаевич, 21 года, и местечка Брагин, Речицкого уезда, Минской губернии, Гилель Файкелев, он же Файвелев, Ильицкий, 20 лет, признаны виновными: Элья Берка Орликов Аронов — в том, что, в 1914 году, вступив в число членов образовавшегося в городе Гомеле сообщества, присвоившего себе наименование «Полесская организация Российской социал-демократической рабочей партии» — заведомо для него, Аронова, поставившего целью своей деятельности насильственное посягательство на изменение установленного в России основными Государственными Законами образа правления, путем низвержения Царского Самодержавия и замены его демократической республикой

он, в видах достижения указанных целей сообщества, в качестве члена такового, путем составления и помещения в газете «Трудовая Правда», предназначавшейся им для распространения чрез посредство одного из членов упомянутого сообщества среди железнодорожных служащих станции Гомель Либаво-Роменской и Полесской железных дорог, принимал меры к привлечению служащих упомянутых дорог к названному сообществу, указывая при этом в упомянутых выше газетных статьях: 1) на необходимость рабочим сплотиться в организацию, деятельность которой должна быть направлена к борьбе с органами правительственной власти и органами железнодорожной администрации за лучшие условия жизни и за их человеческое достоинство; 2) на необходимость, в видах руководства в их деятельности, чтения рабочими газетных статей журнала «Трудовая Правда», являющегося органом социал-демократической рабочей партии; 3) на целесообразность стачек рабочих, как средства борьбы с железнодорожной администрацией, и, кроме того, в видах осуществления возможности получения для распространения среди железнодорожных служащих упомянутой выше газеты «Трудовая Правда», собрал, при участии других лиц, тридцать рублей на усиление средств так называемого «железного фонда». Мордух-Янкель, Залман и Израиль Рохлины, они же Рахлины, Мендель Хатаевич, Гилель Ильницкий в том, что, вступив в число членов преступного, образовавшегося в городе Гомеле, сообщества, описанного выше, они, в видах достижения целей этого сообщества, в качестве членов такового, в ночь на 15-е июля 1914 года, составили и, с целью распространения, размножили прокламации от имени помянутого выше сообщества, в которых описывали забастовку бакинских рабочих, и, обсуждая предпринятые правительством меры к прекращению этой забастовки, изложили, «что возмутительное поведение с бакинцами вызвало гневный протест петербургских рабочих, изо дня в день многотысячная толпа с пением революционных песен выражает свой гневный протест против мер правительства; с развевающимися красными знаменами, с могучим призывом к низвержению кровавой династии, под крики «Да здравствует республика» сметает она, как пыль, полицейские отряды, то здесь, то

там учреждаются баррикады, Петербург накануне великих событий»... Указывая далее на то, что рабочие Москвы, Харькова, Одессы, Тифлиса, Николаева, Костромы и других городов поднялись в защиту своих прав солидарно с петроградскими, авторы воззвания призывают рабочих города Гомеля «слиться в один мощный поток революционно-освободительного движения, сплотиться вокруг боевого красного знамени» и заканчивают прокламацию словами «Долой Самодержавие, да здравствует вторая русская революция» [1]), при чем Мендель Хатаевич, Гилель Ильицкий и Израиль Рохлин, в целях размножения и распространения означенных выше прокламаций, изготовляли гектографы. Тем же решением Особого Присутствия Киевской Судебной Палаты, с участием сословных представителей, мещанин гор. Быхова, Могилевской губернии, Янкель Зеликов Малкин, 21 года, признан невиновным в том, что, вступив в число членов преступного, образовавшегося в городе Гомеле, сообщества, описанного выше, он, в видах достижения целей этого сообщества, в качестве члена такового, в ночь на 15-е июля 1914 года, составил и, с целью распространения, размножил прокламацию (тут идет дословное повторение напечатанных выше выдержек из прокламации, которое я опускаю. *Г. Л.*), при чем он, Янкель Малкин, для гектографирования этих упомянутых прокламаций, доставил изготовлявшим их членам сообщества необходимую для гектографирования бумагу.

---

[1]) На стр. 330 книги „Памятники агитационной литературы Р. С.-Д. Р. П., том VI, вып. I", изд. Истпарта, мы находим следующие данные об этой прокламации: „Кроме ленской и первомайской прокламаций, около 15 июля Полесская организация должна была выпустить гектографированную прокламацию с призывом к однодневной забастовке для выражения сочувствия рабочим гор. Баку и отчисления в их пользу полудневного заработка. По агентурным сведениям выпустить такую прокламацию Полесская организация решила на собрании 8 июля, при чем текст поручено составить Лаз. Мовш. Кагану и доложить на собрании 10 июля. Текст был составлен Л. М. Каганом и Ис. Адр. Кагановичем, а размножить ее на гектографе взялись Ильицкий и Хатаевич (агент. записки от 12 и 17 июля в деле Ос. Отд. № 5, ч. 45, лит. Б). В ночь с 14 на 15 июля пять человек были захвачены при ее печатании (№ 5, ч. 45, лит. В.—Отчет по Могилевской губ. за июль 1914 г.).

„Экземпляра прокламации в делах не сохранилось". *Г. Л.*

Обращаясь на основании приведенного выше решения к обсуждению вытекающих из него для подсудимых законных последствий, Особое Присутствие Судебной Палаты находит: 1) что преступные деяния, вмененные в вину подсудимым Элье Аронову, Мордуху Янкелю, Залману и Израилю Рохлиным, они же Рахлины, Менделю Хатаевичу и Гилелю Ильицкому, по своим признакам приравниваются к тяжкому преступлению, предусмотренному 1 ч. 102 ст. Угол. Уложения, которое влечет за собой, как нормальное наказание, указанное в ст. 16 Угол. Улож., т.-е. каторгу на срок не свыше восьми лет. Это нормальное наказание, ввиду наличности в данных судебного следствия по настоящему делу оснований для смягчения вины всех поименованных выше подсудимых, Особое Присутствие Судебной Палаты признает справедливым смягчить каждому из них и, согласно 53 ст. Угол. Улож., от наказания, определенного в 16 ст. того Улож. перейти к наказанию, указанному в ст. 17, т.-е. к ссылке на поселение. Таким образом подсудимые Элья Аронов, Мордух Янкель, Залман и Израиль Рохлины, они же Рахлины, Мендель Хатаевич и Гилель Ильицкий должны быть подвергнуты по лишении прав к ссылке на поселение в местности, для сего предназначенные, с последствиями по 23, 25, 28 — 31, 34 и 35 ст.ст. Угол. Уложения. При таком разрешении дела судебные издержки должны быть разложены на поименованных выше осужденных по настоящему делу поровну и с круговой их друг за друга ответственностью, а в случае общей их несостоятельности к платежу, приняты на счет казны. Вещественные доказательства согласно 36 и 38 ст.ст. Угол. Улож....

На этом обрывается доставленный в Гомельское Бюро Истпарта документ. Последние несколько строк затеряны, но они говорят о судьбе вещественных доказательств и совершенно несущественны. Приведенный документ дополняет рассказ товарища Хатаевича некоторыми интересными подробностями, иллюстрируя отношение полиции к „Правде“ и знакомя нас с текстом прокламации.

Описываемый процесс является чрезвычайно характерным отражением большевистской работы в эпоху „Звезды“ и „Правды“. Приведенные в приговоре выдержки из про-

кламации Полесского комитета содержат в себе не робкие заикающиеся „частичные требования“ ликвидаторов, а революционные большевистские „неурезанные лозунги“. Эти выдержки из прокламации свидетельствуют о в высшей степени революционной ситуации накануне войны.

Я хочу обратить внимание читателя еще на одно обстоятельство: если он внимательно прочтет место приговора, касающееся Аронова, он убедится, что это место прекрасно иллюстрирует огромное влияние, которым пользовалась „Правда“, и огромный страх, который она внушала „властям предержащим“.

В Гомельском Бюро Истпарта имеется один документ, еще ярче оттеняющий это. В 1922 году в Гомеле умер железнодорожный мастер Баньковский. У него в бумагах найден № 145 „Правды“ от 27 июня 1913 г. В этом номере, в отделе „Стачки в провинции“, напечатано следующее сообщение:

У железнодорожников.

Гомель.

Мастерские Либ.-Ром. жел. дор.

Литейный цех.

Издевательства литейного мастера Баньковского над рабочими превзошли всякие границы.

Служил он раньше на Александровском механическом заводе в Спб. в качестве разметчика, попал в Гомельские мастерские в 1895 г. и свил себе прочное гнездо, обружив себя холопами и шпиками. В первые годы с уст его не сходила площадная брань, так что даже начальник мастерских Юрэго, при котором он выругал одного из литейщиков нецензурно, пробрал его за это.

Чернорабочие получают от 60—70 коп. в день при каторжном труде, сам Б. стоит над душой, чтобы не смел разогнуться, а разогнись, то пропала прибавка пятака за 5—10 лет. Многие из рабочих прослужили 10—15 лет и получают 70—80 коп. в день, поступали же на 60 коп., следовательно, за столь продолжительный период службы,

получили прибавку в 10—20 к. Литейщики тоже не имеют прибавки по 10 лет и более, зато подхалимы Д., Ш. и др. чуть не по два раза в год получают по 10 коп.

Возили однажды землю тачками в известное место, а Б. посадил ученика в конторе на окно смотреть и записывать, кто сколько тачек вывезет.

И вот, в 1912 году одним из близких друзей г. Баньковского было сделано донесение в управление дороги анонимным письмом о том, что Баньковский посылает рабочих к себе на квартиру производить работы, а время пишет в мастерских, т.-е. марки (номера) работают, а людей нет. Управление поручило госуд. контролеру г. Санееву проверить это донесение, и оказалось, что казна заплатила за работы, производимые у Баньковского 200 с лишним руб. Тогда управление выслало своего ревизора произвести дознание, и, в результате, все рабочие, которые работали, боясь последствий, отказались, а те, которые видели и знали о том, что работы производились, показали правильно и тем навлекли на себя гнев Баньковского. С тех пор он стал преследовать рабочих, давших показания неблагоприятные для него, даже похвалился: „я всех их повышвыряю за ворота“. Ввел такой порядок, если кто опоздал на час, или не вышел до обеда, тот не имеет права оставаться работать вечер во время отливки (отливка через день). Заявили начальнику мастерских г. К.,—ничего не вышло (кум).

Затем, станет у входных дверей и смотрит на часы, отмечает в книжке; кто опоздал на 2—3 мин.—прибавки не жди. Заглядывает в окна, кто как работает, даже зайдет в отхожее и оттуда выслеживает в окно рабочих, сеющих шлак, кто сколько бросит лопат. Ввел выбивку горячего литья, но здесь он обжегся на литейщиках—решили не выбивать. Как он ни кричал, как ни старался, но сломить солидарности литейщиков не удалось.

Тогда он за отказ от выбивки горячего литья представляет на комиссию т.т. Т. и К. Комиссия признала их здоровыми и, как за отказ от работы, их могли уволить не разбираясь с сутью дела.

Но здесь случилось то, чего „начальство“ не ожидало. Так как тов. Т. выбран от Гом. мастерск. в комитет по

увечьям, то все цехи запротестовали против придирок маст. Баньковского и послали к начальнику мастерск. по 2 выборных от каждого цеха для переговоров по делу т. Т.

Благодаря стойкости всех, тов. Т. и К. остались служить, а через несколько дней Баньковский отменил выбивку горячего литья и тем несознательным рабочим, которые продолжали ее, сказав: „не выбивайте, раз остальные не выбивают“. Те поснимали шапки: „спасибо, господин мастер“. А это спасибо только тов. литейщикам, а не ему. Итак, товарищи, в единении сила.

Замечательная вещь: „герой“ этой заметки, мастер Баньковский, хранил у себя эту заметку в течение 9 лет и даже написал на полях свои комментарии, носящие характер самооправдания. Это показывает, как влияли заметки из „Правды“ и прекрасно поясняет, почему таким ужасом веют слова приговора о сотрудничестве в „Трудовой Правде“ и о распространении ее.

Г. Лелевич.

Наша питерская организация перед выборами в IV Думу.

Ленские события всколыхнули рабочий класс. На гребне революционного подъема появилась первая рабочая газета „Правда“. По всему было видно, что мертвая полоса прошла. Сидеть в эмиграции стало невмоготу. Заграничным Бюро Ц.К. я и тов. Инесса Арманд были направлены в Петербург для работы по восстановлению нашей нелегальной организации, подвергшейся жестокому разгрому после майских массовых стачек, и для подготовки избирательной кампании в IV Думу.

Приехав в Питер, мы сразу почувствовали, как несказанно выросло влияние нашей партии в широких рабочих массах, в особенности благодаря появлению „Правды“. Однако с самой нелегальной организацией дело обстояло из рук вон плохо. Мы толкнулись к некоторым старым большевикам-интеллигентам в расчете найти у них связи и поддержку. Увы! На наш вопрос—как они относятся к январской конференции 1912 г.? (большевистской)—они заявили, что „веруют и исповедуют“ только „по-протестантски“: согласны по воскресеньям „молиться“, но все остальные дни недели приходится грешить. „Объединительные“ настроения висели в воздухе, и особенно в кругах старой—больше около-партийной, чем партийной в то время—интеллигенции. Ликвидаторы эксплоатировали это во-всю. Н. Д. Соколов, услышав о приезде „заграничных ленинцев“, пообещал нас спустить с лестницы, ежели мы, паче чаяния, заявимся к нему для переговоров.

Недели две мы тщетно бродили по Питеру и решились на риск. Один юный студиоз „подпольно“ читал группе путиловских рабочих лекции по химии и т. д. Этой группе я, „пустившись на отчаянность“, сделал доклад о нашей избирательной платформе,—приняли хорошо. Раскопали старые связи, знакомства. Оказалось, что Нарвский райком уцелел от разгрома и даже выпускает печатные листовки. Устроили мне явку с представителями райкома. Пришли трое, во главе с тов. Онисимом Костюковым.

Сразу же меня огорошили свирепым вопросом: „не из ленинцев ли ты будешь?“ Получив утвердительный ответ, заявили, что дальше разговаривать не стоит, так как район „впередовский“, стоит на позиции „старого“ большевизма группы Богданова, Луначарского и др. Много трудов стоило убедить разрешить нам устроить дискуссию в районе. В назначенный вечер на болоте, за огородами Путиловского завода, мы сошлись. „Впередовскую“ платформу защищал тов. Мануильский (звали его тогда „Михаилом“), „ленинскую“—я („Владимир“). Большинство присоединилось к январским решениям нашей конференции. Нарвский район стал нашей базой. Через две недели мы уже устроили „межрайонную комиссию“, раскопав новые связи, а через месяц был восстановлен П. К. К.

От П. К. К. мы заявились в „Звезду“ к Николаю Николаевичу Батурину с предложением повести кампанию за нашу избирательную линию: самостоятельные кандидатуры большевиков по рабочей курии и по второй, городской, курии. „Правда“ тогда, да простят мне сие напоминание, немножко... колебалась, уклоняясь от выступления по этому вопросу. С Н. Н. Батуриным мы сговорились очень быстро. На собрании же работников „Правды“ у нас произошел жаркий спор. От нажима нового П. К. К. публика сильно уклонялась. Помню, первыми высказались за линию Ц.К.—т. Макс Савельев и покойная Конкордия Николаевна Самойлова. В конце концов большинство признало эту линию.

По предложению Ц.К., затем, организовалось „Северное Областное Бюро“, куда вошли т.т. Правдин, Шотман, Рахия, Инесса и я.

Дело пошло быстро на лад.

Пользуясь хорошими солнечными осенними воскресеньями и путешествием рабочей публики за грибами, мы устраивали на подъездных путях между Московской и Нарвской заставами массовки. К первоначальному кружку вокруг „оратора“ быстро примыкали сотни проходивших мимо рабочих. Конные фараоны пытались наезжать, но ничего у них из этого не выходило.

Июль—август были месяцами перелома, решившими судьбу избирательной кампании. В это время ликвидаторы проводили выборы на свою августовскую конференцию,—конечно, под лозунгом „единства“. Выборы эти у них провалились. Через „Правду“, несмотря на ее умеренный тон в начале, через восстановленную нелегальную организацию, через массовки—массы все прочнее и прочнее связывались с нашей партией.

Помню, на одном из ликвидаторских предвыборных собраний, куда я проник нелегально, когда г-н Ежов заявил, что сейчас такое время, что если кто-нибудь предложит восстанавливать подполье, то это, наверно, провокатор,—поднялся один пролетарий, бывший большевиком в 1906 г., и обрушился на могильщиков революции. Вся какофония была испорчена, и при голосовании ликвидаторская резолюция (на ликвидаторском собрании) торжественно провалилась.

Через „Правду“ мы начали завоевывать легальную поверхность рабочего движения. Новые живые пролетарские силы потянулись в большевистское подполье.

12 сентября приехал в Питер бежавший из ссылки тов. Сталин.

14-го я, Инесса и еще кое-кто из П. К. были арестованы. Но организация уже стояла на крепких ногах и провал наш не помешал провести т. Бадаева рабочим депутатом Красного Питера.

Г. Сафаров.

Тернии „Нашего Пути“.

(Из истории Московской рабочей печати.)

25 августа 1913 г. в Москве вышел № 1 рабочей газеты „Наш Путь“. В передовой статье первого номера, газета заявила, что она „создана целиком самими рабочими, а потому будет творить только их волю, ясную и определенную“. И далее: „Под знаменем ортодоксального марксизма и в рядах авангарда международного пролетариата пойдет московская рабочая газета. Наш путь есть общий путь рабочих всех стран“. Этим определились те „тернии“, которые встретила на своем пути новая большевистская „легальная газета“.

Всего вышло в свет только шестнадцать номеров газеты. И если постановлением московской судебной палаты от 12 сентября можно было „приостановить издание „Нашего Пути“ впредь до разбора возбужденных против него дел“, то одновременно „приостановить“ широкое рабочее движение, совпавшее с кратковременным периодом существования рабочей газеты, самодержавно-полицейской агентуре не удалось. Выход в свет газеты явился поводом устройства в большом числе предприятий Москвы собраний рабочих для выражения сочувствия пролетарской прессе, денежных сборов в пользу ее; закрытие газеты вызвало однодневную забастовку протеста (23—25 сентября), растянувшуюся на несколько дней, а эта забастовка совпала с грандиозной по тем временам трамвайной забастовкой в Москве, захватившей и другие предприятия столицы. После закрытия „Нашего Пути“ в Москве уже не удалось возродить рабочей газеты, как это удавалось петербургским рабочим после

закрытия там „Правды“, „Северной Правды“ и т. д. Слишком накалена была атмосфера рабочей Москвы и слишком свирепа была московская полиция, чтобы допускать такие „вольности“.

Из шестнадцати номеров газеты конфисковано было двенадцать. Редактор был привлечен к ответственности по 129 ст. за большинство статей ряда номеров газеты. Полиция не ограничивалась конфискацией уже отпечатанных экземпляров. Являясь в типографию, она разбивала стереотипы.

„Все ли товарищи знают, что такое стереотип и зачем его нужно разбивать?—спрашивала в передовой статье № 3 газета и поясняла:—Со стереотипа выливаются мысли, желания, чувства людей, составлявших номер“... „И вот, тяжелую полосу подняли вверх, и стереотип разбился об пол с глухим треском. Разбиты рабочие мысли, пролетарские чувства, крепкая воля рабочих. Товарищи, думаете ли вы, что здесь разбивали ваши цепи. Нет, здесь хотели разбить вашу волю тверже металла, вашу великую свинцовую мощь“. Газета заканчивала призывом: „Поддерживайте нас крепче, крепче. Несите к нам ваши мысли, пожелания. Наступит время, если вы захотите этого крепко, и они станут тверже всякого свинца, и разбить их станет невозможно“.

Разумеется, этот номер был конфискован и за эту статью редактор снова был привлечен к ответственности по той же 129 ст.

В номере шестом редакция обратилась с призывом к рабочим о помощи, заявляя, что „преследования газеты перешли все пределы“. „Вашу газету душат. На грудь коленом наступила враждебная сила. Как дышлом, ворочает она законом. Ваша помощь нужна немедленно... Иначе—газета задохнется“.

И опять конфискация и представления комитета по делам печати о приостановке издания впредь до суда.

Но газета еще продолжала выходить, подвергаясь почти ежедневной конфискации. На 16 номере ее задушили (12 сентября).

За время своего существования газета смогла напечатать ряд статей т.т. Ленина под псевдонимами (В. Ильина, В. И.), Каменева (Ю. Кмн., Ю. К.), Зиновьева, Степанова,

Н. Антонова, Осинского. Не было почти ни одного номера газеты без статей Ленина и Зиновьева. Почти ежедневно печатались фельетоны Д. Бедного.

Большое внимание уделяла редакция рабочей информации. Прекрасно были поставлены отделы: „В мире труда“, „В обществах и союзах“ и т. д. Из номера в номер газета печатала приветствия со всех фабрик и заводов рабочей газете. В последнее время газета, вследствие огромного количества этих приветствий, ограничивалась только опубликованием списков групп рабочих, присылавших приветствия и пожертвования.

В нашем распоряжении имеются материалы архива б. московского охранного отделения, которые дают возможность восстановить более или менее полно историю возникновения и гибели „Нашего Пути“. Следует оговориться, что к этим материалам нужно относиться с большой осторожностью, учитывая специфический характер этого источника.

С особенной осторожностью, разумеется, приходится относиться к „агентурным запискам“ так называемых „секретных сотрудников“ „охранки“. О „Нашем Пути“ более или менее регулярно давали сведения Малиновский („X“ и „Икс“), Лобов („Мек“ и „Евгений“) и Романов („Пелагея“). Знакомившийся с донесениями этих провокаторов в архиве „охранки“, тов. Осинский так характеризует их: Романов был наиболее „деловым“ и „объективным“ информатором; его материалом можно пользоваться для исторического исследования. Но Романов, по словам т. Осинского, „менее других был связан с „Нашим Путем“, газетой московской городской организации, Романов же работал в Областном Бюро (каковые две организации до февральской революции и очень долгое время после нее жили совершенно самостоятельно и имели каждая свой круг дел). Малиновский— информатор с тенденцией, во-первых, с фантазией, во-вторых, у Малиновского были какие-то тактические идеи по отношению к „Нашему Пути“, ввиду чего он в своих донесениях упорно настаивает на том, что дело лопнет само собой по финансовым и техническим причинам“. Тов. Осинский предполагает, что Малиновскому хотелось с о х р а н и т ь газету в целях расширения своей провокаторской деятель-

ности и на Москву, в целях создания в Москве очага для уловления людей и, может быть, даже очага или кристаллизационного пункта рабочего движения для усиления своего влияния и более отчетливого выявления брожения в массах. Это была идея одновременно и „провокатора-организатора“ более широкого масштаба и старающегося создать вокруг себя шум „думского деятеля“ (другое лицо Малиновского). Поэтому он, по мнению т. Осинского, и внушал охранке, что газета все равно погибнет, вел дело на оттяжку. „Лобов—доноситель того же масштаба и типа, каким он был работником в своей специальности. Репортер-выпускающий, способный хлестко приврать, знающий лучше всего, как идут дела с типографией, как и что печатается etc.“...

Все это надо учесть при чтении целиком нами публикуемых „агентурных записок“ о „Нашем Пути“.

При распределении имевшегося в нашем распоряжении архивного материала мы, в первую очередь, остановились на донесениях „секретных сотрудников“, пытавшихся осветить редакционную жизнь „Нашего Пути“, способ распространения газеты и финансовое положение ее. Далее мы даем документы, рисующие борьбу с газетой цензуры и полиции путем конфискаций, закрытия и проч. Следующая серия материалов освещает полицейский разгром редакции газеты и расправу с работниками ее. Документы о сентябрьской забастовке московских рабочих, определенно связанной с „Нашим Путем“, мы даем отдельно.

В заключение считаем своим долгом выразить признательность т.т. В. В. Осинскому и В. Н. Максимовскому за сделанные ими чрезвычайно ценные указания, которые нами использованы частью во вступлении, частью в примечаниях.

По данным „внутренней агентуры“ [1]), относящимся к середине августа 1913 г. (аг. зап. „Мека“-Лобова), направление „легальной социал-демократической московской газеты „Наш Путь“ предполагается определенно большевистским, однако с значительной разницей с общим напра-

[1]) Данные „внутренней агентуры“ почерпнуты нами из дела б. Моск. охр. отд. под названием: Агентурные записки по Р. С.-Д. Р. П. 1913 г. Папка № 11, хранящаяся в 3 отд. Госархива (Моск. Ист.-Рев. Архив).

влением петербургской газеты „Правда“. „Хотя в последнее время,—говорится в „агентурной записи“ от 17 августа,—отмечено, что усиление репрессий в отношении „Правды“ создало приток пожертвований, ежедневная цифра коих покрывает дефицит газеты, однако учитывается, что приток этот основан на временно повышенном чувстве протеста рабочих и что продолжаться это долго не может, а потому путь, который приходится выбирать рабочей газете, необходимо сводится к укорочению боевых и шумных выступлений; таким образом решено понизить „революционизм“; желательно этим путем возможно дольше сохранить газету; с этой целью, избегая громких призывов, не выставляя и не заявляя громких имен в число сотрудников газеты, вести определенную классовую политику, завести широкий рабочий отдел с хроникой стачечного материала, справочного характера“.

Состав работников „Нашего Пути“, по данным „осведомителей“, намечен следующий: в редакционную коллегию входят Н. Н. Яковлев, в качестве секретаря, В. В. Оболенский, В. Н. Максимовский („литератор-фельетонист“, „заведующий рабочим отделом“), В. И. Яхонтов, в качестве заведующего юридическим отделом и вопросами страхования рабочих, И. И. Скворцов-Степанов—экономический отдел и передовые статьи, В. Я. Канель (вопросы санитарии, больничные кассы и проч.). „Главой всего дела“ один из „осведомителей“ называет И. Степанова и П. Орловского, который должен 1—5 сентября возвратиться из ссылки. „Кроме того из Петербурга должны приехать два лица, работавшие в „Правде“, один из них, кажется, Алексеев, не имеющий права жительства в Москве и, видимо, намеревающийся жить, поэтому, нелегально, без прописки“.

Примут участие в газете также: А. Лобов, В. Лобова, В. И. Комаев, М. Г. Розанов, Л. Гальперин и „некий Глеб Константинович“, фамилия коего пока не установлена.

По сведениям другого „секретного сотрудника“ (аг. зап. „Х“—Малиновского) в состав редакции вошли: В. Лобова, В. В. Оболенский, В. Н. Максимовский, В. И. Яхонтов („не посещающий редакционных собраний“) и Н. Н. Яковлев

(секретарь). Обязанности ответственного редактора временно лежат на Соколове. В редакционных собраниях неофициально принимают участие Малиновский и Лобов. Рабочую хронику в газете ведут Максимовский, Лобова и „молодой человек, приезжий из Твери“ [1]). Он же занимается исправлением и прочитыванием корреспонденций рабочих.

„Контору газеты составляют: заведующий Борщевский, ранее сотрудничавший в „Копейке“; он является и официальным издателем газеты, кассир—студент Суница, дневной экспедитор—некий Сергей из „Русского Слова“, ночной экспедитор—Булах, артельщик—рабочий из „Копейки“, два помощника ночного экспедитора неизвестные по фамилиям рабочие (один из них водопроводчик, называется „Петром“) и мальчик-рассыльный. Все перечисленные лица, за исключением мальчика-рассыльного и прогрессивно настроенного „Сергея“, определенные большевики-ленинцы“.

Позднее, уже после разгрома „Нашего Пути“, „охранка“ сообщает следующий состав редакции: Оболенский (Осинский), Максимовский, Лукин (Антонов), Усагин, Скворцов, Яхонтов, Яковлев [2]).

Интересные данные сообщаются в одной из агентурных записок о настроениях, существовавших внутри редакционной коллегии „Нашего Пути“. Автор записки („Х“—Малиновский) разбивает редакцию на две группы: в одной—Яковлев, Максимовский, Оболенский, в другой—Лобова и Малиновский. Первая группа, по его мнению, представляет „местное партийное подполье“, вторая—„заграничный центр“. „Естественно“, говорит „осведомитель“, первые „недовольны хозяйничаньем второго“. „Первые не дорожат будущностью

[1]) Крупенин.

[2]) По словам т. Осинского, в состав редакции „Н. П.“ входили: Яковлев (секретарь), Осинский (передовик), Максимовский (раб. хроника), Лобова (раб. хроника) и Лобов (выпускающий, по техн. вопросам). Активное участие в делах редакции принимали, в редакцию ходили и написали несколько передовиц (писание каковых всегда характеризует прямое участие в делах газеты) А. Усагин, И. И. Скворцов (Степанов) и В. И. Яхонтов, но в редакции участия не принимали, а потому в засаду и под арест не попали. По обзору печати работал Вас. Ив. Соловьев; ареста избежал, кажется, вследствие отъезда. Должен был работать в редакции Влад. Мих. Смирнов, но незадолго до выхода газеты в свет вынужден был уехать лечиться.

органа и смотрят на него лишь как на средство, своего рода базу для своих дальнейших организационных начинаний в области подпольного местного строительства; раз им удастся сорганизовать местную среду, они совершенно отойдут от газеты и более ею интересоваться не будут. Вторая группа смотрит на газету более серьезно, хлопочет об ее укреплении и сохранении на будущее, настаивает на необходимости отделения подпольной работы от газетного дела“ и т. д... А главное эта группа „требует беспрекословного подчинения названного органа всем требованиям и желаниям центра“. А так как „центр“ представляют в редакции Малиновский и Лобова, по словам автора записки, то, значит, это требование сводится к подчинению газеты лично Малиновскому и Лобовой. С этим не соглашается первая группа, „настаивающая на необходимости полной автономности органа в делах внутреннего обихода“. За первыми,—говорится далее в записке,—„сочувствие ограниченного числа местных исключительно подпольных партийных работников, отсутствие материальных средств и авторитета высшей партийной власти, а равно и опыта в техническом ведении органа печати. За вторыми: деньги, сочувствие широких и, в силу этого, более умеренных слоев рабочего класса, опыт в техническом ведении органа и обаяние власти, выразителями коей они являются, как представители Ц. К.“.

В связи с вышеозначенными документами В. Н. Максимовский о внутри-редакционных трениях говорит следующее: А. Лобов и Р. Малиновский с самого начала произвели на Яковлева, Оболенского и Максимовского весьма неблагоприятное впечатление. Будучи всегда конспиративны и остерегаясь провокации, эти три члена редакции точно распределили работу (в частности, всю переписку и связь с Ц. К. вел Н. Н. Яковлев, в качестве секретаря редакции). Однажды Малиновский, придя в редакцию и видя на столе секретаря пакеты, распечатал их. Когда Яковлев пришел и увидал это, он сделал громадный скандал Малиновскому и на оправдания последнего, что „у нас в Петербурге депутатам это позволяется“, Яковлев резко ответил: „а у нас в Москве вам этого не позволят“. В довершение всего Мали-

новский и Лобова настаивали на том, что газета „Наш Путь“ должна быть органом К. Ц. или в состав редакции ее должен входить уполномоченный Ц. К. с правом veto. И то, и другое было единодушно отвергнуто на совещании, избравшем редакцию, и было решено, что „Наш Путь“—орган московской организации, подчиненный Ц. К., как всякий другой местный партийный орган. Это было сообщено Н. Н. Яковлевым т. Ленину, и из Ц. К. было получено одобрение всех этих решений. Письмо, заключавшее этот ответ Ц. К., и ожидалось тогда, когда Малиновский (знавший об этом) так неаккуратно забрался в корреспонденцию на столе у т. Яковлева. Очевидно, Малиновскому этот документ был очень нужен. По совокупности всех этих обстоятельств и сложилось внутри редакции недоверие со стороны т.т. Яковлева, Оболенского и Максимовского лично к Малиновскому и пренебрежительное отношение к Лобову, который был хороший репортер, средний выпускающий, средней же руки авантюрист и пьяница, что, впрочем, не помешало ему при помощи Малиновского выплыть потом где-то за границей в качестве „работника газеты Наш Путь“. Никакой политической ответственности за газету ни он, ни Малиновский, ни в малейшей степени, не могли нести.

Тов Осинский добавляет к сказанному т. Максимовским следующее: а) Н. Н. Яковлев (прибывший из-за границы весной 1913 г. по окончании срока высылки за границу) имел конкретное поручение от заграничного Ц. К. поставить в Москве рабочую газету; вот почему заграничный Ц. К и подтвердил—по внешности „местническое“ (с точки зрения Малиновского) московское решение о том, что „Наш Путь“ есть орган московский и подчиняется Ц. К. в обычном порядке; б) прямая связь с Ц. К. редакции „Нашего Пути“ не соответствовала видам (провокационным) Малиновского, который, немедленно после приступа к организации газеты, предъявил формальные права российского бюро Ц. К., т.-е. думской фракции (практически — свое личное право на участие в делах редакции). Возник весьма своеобразный спор. В этот спор Малиновский привлек на свою сторону В. Н. Лобову и, вероятно, изобразил ей дело так, что в Москве затевается газета, имеющая тен-

денцию не подчиняться российскому бюро Ц. К. и, быть может, иметь другую окраску, чем „Правда“; в) причина, почему Н. Н. Яковлев и я сразу стали давать отпор Малиновскому, была в том, что уже с 1911 года я (вместе с т. Бухариным) пришел к твердому убеждению, что Малиновский—провокатор, не имея, однако, к тому прямых и очевидных доказательств. Н. Н. Яковлев был в этом убежден наполовину и полагал, что, во всяком случае, Малиновский — личность весьма подозрительная. Помню, что, когда Малиновский уже появился в Москве в период подготовительной работы к основанию „Нашего Пути“ (в начале лета 1913 г.), я заявил Н. Н. Яковлеву: „вам неизбежно, по сущности вашего задания, встречаться и иметь дело с Малиновским; вы—секретарь, я—редактор; встречайтесь с Малиновским, я же с ним встречаться не буду, и вы держите в секрете, что я буду участвовать в деле; в случае вашего провала я смогу тогда дальше повести дело“. Яковлев совершенно согласился с моим предложением, и я встретился с Малиновским лишь за неделю или за две до выхода первого номера.

Финансовое положение газеты, по данным „охранки“, рисовалось в следующем виде: в фонд „Нашего Пути“ редакцией „Правды“ было собрано 3.300 руб., 100 руб. было пожертвовано „Глебом“ (Кржижановским), 300 руб. было собрано прис. пов. Курским среди рабочих; им же обещано собрать до 1.000 руб.; ежедневный приход (подписка и пожертвования) должен дать в среднем около 100 руб.

Расходы редакции: а) „содержание членов редакции (платят за две недели вперед) и конторы около 600 рублей в месяц; б) плата за помещение, телефон и т. д.—150 рублей в месяц; в) печатание органа—95 рублей в сутки или около 3.000 рублей в месяц; г) бумага—в сутки около 80—100 рублей или в месяц около 2.500—3.000 рублей; д) почта около 500 рублей в месяц.

Таким образом доходы редакции, считая здесь и основной капитал, составляют приблизительно около 6.000—6.500 руб., расходы же достигают суммы в 6.500—7.000 рублей в месяц.

„Принимая же во внимание,—говорится в агентурной записке („Х“—Малиновский),—то обстоятельство, что дело

издания потребует теперь же единовременного расхода наличности: а) аванс за бумагу—1.200 рублей; б) жалованье служащим—500 рублей; в) типографии ежедневно—по 95 рублей, почтовому ведомству—800 рублей—всего, приблизительно, в размере основного фонда газеты—приходится с уверенностью сделать вывод более чем неутешительный: газета без солидной подписки просуществовать более месяца ни в коем случае не может.

Сопоставляя с изложенным еще и следующие обстоятельства: а) подписка может дать известные результаты лишь в будущем; б) газетчики берут номера газеты лишь в кредит; в) бо̀льшая часть розничного тиража расходится и распространяется бесплатно, для популяризации издания; принимая все это во внимание, приходится прийти к заключению, что умело сорганизованные конфискации (захват по возможности всех отпечатанных номеров) приведут газету к окончательному краху и лишат партийную публику с таким трудом собранных на нее денег.

Таков был план „охранников“. Как они „организовывали конфискации“,—мы увидим ниже.

До выхода в свет газеты тираж ее определялся в 25.000 экземпляров, продажная цена—1 р. 25 коп. оптовикам и 1 р. 40 к. в розницу за сотню. Ежедневная прибыль предполагалась в размере 50 руб.

По сведениям „охранки“ от 31 августа (аг. зап. „Х“—Малиновского) „приход не превысил 40 руб. в день, расходу же только по выпуску № более 200 руб.; большим препятствием служит то, что выписанная бумага не подошла форматом, и, чтобы выпускать дальше газету, нужно искать другую бумагу. Неблагополучно и с типографией. Ни одна из типографий не хочет печатать газету без уплаты за две недели вперед, что требует единовременного расхода в 800 рублей“.

Приводим целиком справку „охранки“ о финансовом положении в „Нашем Пути“ за время с 6 августа по 1 сентября. Справка получена от Малиновского („Икса“).

Положение денежных дел в газете „Наш Путь“ за время с 6 августа по 1 сентября в агентурной записке от 7 сентября представляется в следующем виде:

Приход:		Расход:	
С 6 по 14 августа	90 р.	10 августа	47 р.
„ 14 „ 15 „	53 „	11 „	41 „
„ 16 „ 17 „	10 „	14 „	58 „
„ 18 августа	148 „	16 „	40 „
„ 20 „	50 „	17 „	180 „
„ 21 „	82 „	19 „	100 „
„ 22 „	83 „	20 „	78 „
„ 23 „	122 „	21 „	33 „
„ 24 „	56 „	22 „	19 „
„ 25 „	639 „	23 „	143 „
„ 26 „	207 „	24 „	134 „
„ 28 „	180 „	25 „	74 „
„ 29 „	58 „	27 „	278 „
„ 30 „	188 „	28 „	121 „
„ 31 „	474 „	29 „	1.415 „
„ 1 сентября	467 „	30 „	36 „
		31 „	604 „
		1 сентября	173 „

Последняя цифра составилась из следующих поступлений за день: в фонд газеты поступило . . . . 275 рублей.
подписки . . . . 167 „
розница . . . . 25 „

Итого . . 467 рублей.

Всего на продолжение издания газеты к 7 сентября имеется несколько более 2.000 руб.

Останавливаясь на распространении газеты, „Икс"—Малиновский—в записке от 31 августа говорит:

„Газета „Наш Путь" пока не имеет того успеха среди рабочих, на который рассчитывали ее руководители, хотя конфискация №№, которая производилась первые дни, не была удачна для администрации, так как агенты полиции являлись слишком поздно в типографию и фактически до 8.000 номеров успевали вывозить и распространять, но, тем не менее, приходится констатировать, что, пока провин-

ция №№ газет не имеет, все №№ конфискуются на почте; там же конфискуются №№ газеты для немногих подписчиков газеты в городе.

Первые два дня газету распространяли через своих людей по рабочим районам—даром; приход не превышает 40 руб. в день, расходу же только по выпуску № более 200 руб., в кассе газеты осталось к 1 сентября около 1.200 руб., и если денежные поступления (сборы, пожертвования и подписка) будут итти так же дальше, то газета, и так уже еле держащаяся, приостановится совсем. Большим препятствием служит то, что выписанная бумага не подошла форматом, и, чтобы выпустить № 7, нужно было искать временно другую бумагу.

Типографии неожиданно также ставят препятствия: ни одна из них не хочет войти в соглашение по печатанию газеты иначе, как с уплатой типографии за две недели вперед, что требует затраты рублей 800.

Думали обратиться в типографию Соркина, но не решились, так как считают самого владельца типографии опасным, ввиду давно уже циркулирующих слухов о его связях с охранным миром.

Если к этим затруднениям прибавится более налаженная и действительная конфискация №№ газеты, то она на-днях прекратится.

Порядок распространения газеты следующий: к 4 часам утра в типографию, где печатается газета, являются рабочие, нанятые редакцией (от 3 до 6 человек), и забирают первые готовые тысячи №№, пачками, в тючках, развозят их по газетным артелям (Уланский пер., Никитские ворота, Леонтьевский пер., артели: I Московская, она же трудовая, Харичкина и др.); в артели эти являются газетчики и около 6 часов утра разбирают №№ газеты".

В записке от 7 сентября тот же „секретный сотрудник" сообщает о распространении и печатании газеты следующее:

„По отношению к порядку выпуска №№ газеты решено, чтобы избежать удачной для администрации фактической конфискации газеты, вывозить ее из типографии попозже, около 5 часов утра, и, одновременно с вывозом,

представлять в Комитет по делам печати № для обозрения. Вывозить №№ газеты решено на автомобиле, для того, чтобы наблюдение, ведущееся со стороны полиции, не могло быть осуществлено.

Печатать решено не более 10—12 тыс. вместо прежде предполагавшегося тиража в 25 тысяч.

Газетчики, ввиду конфискации, отказываются газету брать.

Типограф Венгеров, где печатается газета, видимо, изыскивает способы отказаться от печатания газеты, ввиду возможных для него неприятностей с администрацией; тогда предвидятся осложнения с наймом типографии; почти все типографии соглашаются взять на себя печатание газеты только по представлении большого залога в виде взноса за две недели вперед.

Ввиду того же, что конфискации №№ газеты продолжаются, решено теперь понизить тон газеты и выпускать более спокойные №№, чтобы тем или иным путем добиться распространения газеты и ознакомления с ней рабочих.

В последнем № газеты были пропущены намеренно целые столбцы в тексте; сделано это было нарочно, в виде вызова администрации и чтобы показать публике, до чего доводят газету притеснения администрации к рабочей печати; на самом деле в пропущенных местах для статей, таковых на самом деле не имелось [1]).

---

[1]) Речь идет о № 12 „Нашего Пути“ от 7 сентября. Выпуск этого номера был значительным событием в литературном и общественно-политическом кругах Москвы. В рабочих районах Москвы номер имел огромное агитационное значение. На всех четырех страницах газеты зияли белые места. Целые столбцы не были заполнены текстом. Передовая под заглавием „Усиление охраны“ была срезана наполовину. В середине статьи были также пробелы. Несколько менее искромсана была статья В. И „Либерализм и демократизм в вопросе о языках“. Целиком был вырезан большой фельетон В. Ильина. Сохранились только подпись и отдельные буквы из заглавия. Зияла пустота на месте басни под заглавием „Вы и мы“ за подписью А. Л. Исковерканы были резолюции групп, содействую-

Между прочим, чтобы избежать массовой конфискации, редакция вошла в соглашение с одним из служащих в конторе газеты „Моск. Листок“, помещающейся в Ваганьковском переулке, и туда будут направляться около 3 тыс. №№ газеты и там будут раздаваться газетчикам вместе с газетой „Московский Листок“.

Другой „сотрудник“ („Пелагея“—Романов) по поводу конфискаций „Нашего Пути“ сообщает:

„Конфискации очередных номеров „Нашего Пути“ и в настоящее время оставляют желать много лучшего. Типографию, где печатается названный орган, окружает наряд полиции и препятствует проносу номеров газеты отдельными лицами. Это обстоятельство учтено редакционным комитетом, каковой, в видах отвлечения внимания чинов полиции, один из последних номеров уложил в значительном количестве экземпляров на заранее доставленный автомобиль и таким образом благополучно провез свой груз на глазах городовых“.

Далее отмечается начатая редакцией „Нашего Пути“ работа по созданию особой группы, на обязанности коей якобы будет лежать дело обеспечения правильного распространения органа.

„Кем именно руководятся подобные начинания,—говорит автор записки,—пока неизвестно, но, во всяком случае, в группу эту войдут указывавшийся ранее Крупенин и какой-то портной Филатов.

Принимая во внимание то обстоятельство, что заметно стремление привлечь к созданию группы представителей рабочих разных профессиональных организаций и что фактически дело распространения газеты приведет к созданию прочных связей с наиболее сознательными и пере-

---

щих рабочей печати. Остались только заголовки от заметок: „от ссыльных“, „стачки“, „съезд германской социал-демократии“, „провокация“. Даже одно объявление пострадало.

К таким трюкам тогда еще не привыкли. Позднее, во время войны, когда свирепствовала военная цензура, это сделалось явлением довольно обычным. В 1913 году „белый номер“ рабочей газеты приковал к себе всеобщее внимание и укрепил положение газеты. Т. Осинский подтверждает указания агентуры на то, что часть статей и была написана с купюрами.

довыми рабочими кругами, приходится думать, что в результате группа эта явится кадром для новых подпольных организаций.

В связи с изложенным необходимо отметить попытки к сорганизованию подобной же группы по распространению газеты и среди служащих Казанской железной дороги. Здесь руководящую роль играет слесарь механической мастерской Титов и пособничающий ему слесарь Бирюков. Установленных данных на названных лиц не имеется, равно как неизвестно и их действительное настроение".

Большое неудовольствие осведомителя вызывает то обстоятельство, что ему трудно было заполучить в свои руки списки рабочих-корреспондентов. Охранка прекрасно понимала, что корреспондент рабочей газеты не может не быть „активным, энергичным партийным работником", если не в настоящем, то в будущем и, потому, весьма упорно добивалась их адресов. Кое-что ей удалось в этом направлении сделать.

„Редакция газеты „Наш Путь",—говорится в записке,—особенно охраняет запись лиц, состоящих корреспондентами газеты по рабочей хронике; эти корреспонденты являются активными, энергичными партийными работниками на местах, связаны с подпольными деятелями, и их следует учитывать как главарей и возбудителей стачечного движения в своих производствах, если бы таковые возникли в будущем; в своих предприятиях, в забастовочном движении они будут играть видную роль. Пока известна только часть этой записи, а именно:

1) Гор. Богородск—Федул Никитич Захаров, Нижегородская, д. Богачева (кажется, учитель).

2) Гор. Москва—а) Иван Сергеевич Головин, Ваганьковский пер., д. № 3, кв. 28, портной эконом. общества офицеров М. В. Округа; б) Василий Н. Федоров, 1-ая Мещанская, Банный пер., д. № 7, кв. 17, портной от Богена; в) М. Д. Мухин, Тверская, д. № 40, магазин Елисеева; г) Иван Андреевич Комаров, Хапиловская, д. № 27, кв. 19, служит на вязальной фабрике Зайцева; д). Ф. С. Зеничев, Крестовская ул., д. Манушкиной; Степан Белов, литературный псевдоним—„С. Лесной", Суворовская ул., д. 30, типография Варун-Секрета.

3) Гор. Нахичевань — Вячеслав Петрович Беспалов; 15 линия, д. № 18".

Пессимистические нотки звучат в аг. записке от 8 сентября „Мек" — Лобова. Эта записка вынуждена была констатировать определенный успех рабочей газеты. Повидимому, она заставила жандармов поторопиться. Было чересчур опасно медлить далее с ликвидацией газеты. И ее ликвидировали через несколько дней.

„Замечается усиление спроса на газету; как на пример, можно указать то обстоятельство, что самая распространенная артель—Харичкина—стала брать в последние дни по 6.000 экземпляров газеты в то время, как в первые дни издания газеты брала по 500 экземпляров.

Нужно думать, что если бы расходы по изданию газеты превысили доходы и основной капитал (3.000 руб.) был бы истрачен (чего пока нет), то для поддержания издания была бы дана нужная сумма „Северной Правдой", так как оба издательства представляют собой отделения одной и той же фирмы, т.-е. ленинского центрального комитета.

Ежедневный расход по газете „Наш Путь"—230 рублей.

Необходимо иметь в виду, что в последние дни усилился приток пожертвований в газету „Наш Путь"; имеющийся в газете отдел, где приводятся приветствия газете от рабочих различных производств, указывает, что вместе с приветствиями в газету передаются и денежные пожертвования от этих рабочих в фонд газеты—об этом только, конечно, не печатается.

В контору приходили и доверенные от трамвайных рабочих; были принесены пожертвования от них на газету; из таких трамвайных служащих были в газете и, вообще, обращают на себя внимание, как сторонники скорейшей забастовки в трамвае, кондуктора Тимофеев (раньше служил в Сокольническом парке) и Борисов (года два тому назад арестовывался), оба с.-д. большевики; видимо, что идущее в настоящее время среди трамвайных служащих брожение отражается на денежных сборах на газету „Наш Путь"; несомненно, что трамвайные служащие чувствуют в газете поддержку своим притязаниям и место для лучшей своей сорганизованности; отсюда становится

понятным усиленный приток пожертвований на газету, который теперь отмечается.

Исходя из этого соображения, нужно допустить, что каждое производство, в периоды брожения среди своих рабочих, будет усиленно помогать газете.

Приходившие в последние дни в контору газеты трамвайные служащие, сталкиваясь там с типографскими рабочими, пробовали у них почву насчет возможности отпечатания в одной из московских типографий воззваний к трамвайным служащим.

В этом смысле контора газеты служит отличной ареной для таких встреч и переговоров делового характера рабочих разных профессий.

На-днях один из приходивших в контору газеты трамвайных служащих, встретившись с наборщиком типографии „Культура“ по имени „Петр“ (приметы его: 27 лет, роста ниже среднего, худощавый, тонкий, нервный, блондин, маленькая растительность на лице), переговаривал с ним о возможности отпечатать в типографии „Культура“ воззвание к трамвайным служащим.

Раньше рабочие металлисты предполагали отпечатать там воззвания по поводу закрытия союза „Рабочая Солидарность“.

С целью достичь возможно большего фактического ознакомления рабочих с газетой „Наш Путь“ на последних редакционных совещаниях решено было выпустить в более спокойных тонах №№ газеты, чтобы избежать конфискации; считают вместе с тем, что первые №№, выпущенные в более крикливом тоне, сделали свое дело и дали известную рекламу газете, заставив о ней говорить“.

* * *

Зорко следили за выходом в свет „Нашего Пути“ московские цензора. Каждый номер газеты подвергался критическому обозрению членов Московского Комитета по делам печати, при чем почти всегда усердные цензора делали заключение об аресте газеты и „привлечении виновных к ответственности“. В нашем распоряжении имеются

копии докладов московских цензоров в Главный Комитет по делам печати (Дело „Об издании в Москве газеты „Наш Путь“, хранящееся в 1 отд. IV секции Центрархива). Эти доклады дают довольно верное представление о содержании рабочей газеты. Как образец, приводим № 1 доклад:

№ 1.

25 сего августа, в 2 часа 45 мин. утра, поступил в Московский Комитет по делам печати из типографии „Московское Печатное Пр-во“ Вл. Венгерова № 1-й рабочей газеты „Наш Путь“ от 25 августа 1913 года.

Основные стремления и задачи этой газеты вполне ясно выражены в передовой статье, озаглавленной „Наш Путь“, где говорится, что „прежде всего и больше всего она будет неустанно бороться с реакционными партиями—партиями диких помещиков и капиталистов, построивших свое благосостояние на почве остатков крепостничества в России“. Заявляя, что „газета московского пролетариата, созданная целиком самими рабочими, будет творить только их волю, ясную и определенную“, редакция говорит, что, „следуя этой воле, газета будет твердо и упорно бороться со старыми оковами, тяготеющими над рабочим движением и над всей жизнью народных масс“.

Точно такие же призывы к ниспровержению существующего в государстве общественного строя и к классовой борьбе содержатся и в других статьях того же номера газеты. Как на наиболее яркие, могу указать на следующие статьи: 1) „О чем мы будем писать“, 2) „Московским товарищам“, письмо Р. В. Малиновского, 3) „Вопросы страхования. Страховая кампания и наши задачи“, 4) Маленький фельетон „Наш Путь“, „Басня“, 5) „Приветствия „Нашему Пути“, 6) „Стачки протеста“, 7) „Рабочее движение. Типография Кушнерева. Мебельная фаб. Бр. Юрасовых“, 8) „В мире Труда. Магазин готового платья Боген“, 9) „Беглый обзор жизни москов. печатников“ и 10) „У трамвайщиков“.

Ввиду изложенного, я полагал бы на № 1 газеты „Наш Путь“ наложить арест, а против редактора этого издания возбудить судебное преследование по п.п. 2 и 6 ст. 129 Угол. Улож.

* * *

Дело охранки „О конфискации газеты „Наш Путь“ ярко рисует борьбу, которую вела московская администрация против распространения рабочей газеты. В этой

борьбе были объединены: комитет по делам печати, инспектор книгопечатания, градоначальник, пристава, околодочные, городовые, мелкая полицейская агентура. Весь этот сложный аппарат приводился в движение почти ежедневно за все время существования этой, маленькой по размерам, большевистской газеты.

От 29 августа 1913 г. в деле имеется следующее донесение московскому градоначальнику старшего инспектора книгопечатания в Москве, Познанского:

„Докладываю вашему превосходительству, что в $3^1/_2$ часа ночи, 29 августа, мною получено от Московского Комитета по делам печати извещение, что наложен арест на № 4 газеты „Наш Путь“ от 29 августа; мною тотчас же было сделано распоряжение по телефону чину полиции, находившемуся в доме № 20 по Мясницкой улице, там, где помещается типография Венгерова; к прибытию полиции было уже отпечатано и вынесено из типографии 8.000 экземпляров, найдено на месте 53 экземпляра. Предполагалось отпечатать 25 тысяч. В Комитет узаконенное число экземпляров было представлено в 2 ч. 20 минут ночи.

Старший инспектор Познанский“.

На донесении имеется резолюция градоначальника Адрианова:

„Н-ку Охранного Отделения. Прошу переговорить“.

Одновременно Познанским была дана экстренная телеграмма всем приставам и начальникам жандармских железнодорожных полицейских отделений такого содержания:

„Предлагаю немедленно конфисковать в книжных магазинах и везде, где будет обнаружен, и доставить в мою канцелярию арестованный по постановлению Московского Комитета по делам печати № 4 рабочей газеты „Наш Путь“ от 29 августа 1913 года“.

30 августа повторяется та же история с № 5 „Нашего Пути“. На этот раз Комитет по делам печати известил Познанского лишь в 4 часа утра о конфискации, и ровно через 5 минут („в 4 часа 5 минут“—пишет Познанский) чинами полиции было арестовано 24 экземпляра газеты и

приостановлено дальнейшее печатание. Аппарат пресечения был налажен довольно хорошо. Несмотря на это, по словам того же Познанского, вынесено из типографии, очевидно, до прихода полиции, 3.575 экземпляров, а предполагалось отпечатать 20—25 тысяч.

31 августа, в 4 часа 30 минут, было конфисковано в типографии 9 экземпляров газеты (№ 6), вынесено было до конфискации 4.200 экз.

3 сентября было конфисковано на месте 150 экз. № 8 газеты, хотя „счетчик указывал, что отпечатано 4.205 экземпляров". Познанский, не удовлетворившись конфискацией в типографии, дал знать по телефону в полицейский участок о необходимости принять меры к изъятию зловредной газеты у артельщиков и из магазинов.

4 сентября, в 3 часа 15 минут, было конфисковано в типографии 3.400 экз. № 9. В Арбатском участке удалось конфисковать 2.500 экз. Всего было отпечатано „по показанию счетчика" 11.800 экз.

Как курьез, хочется отметить бумажку Познанского на имя градоначальника о „внезапном прекращении действия телефона" в его квартире по ночам. Познанский заподозрил в этом злой „умысел" и, повидимому, со стороны тех, кому была дорога газета. Вот это донесение:

„Во время ночи с четвертого на пятое и с пятого на шестое сентября поставленный в моей квартире телефон № 4-16-99 внезапно прекращал действия.

С начала выхода рабочей газеты „Наш Путь", т.-е. с 25 августа сего года, телефон мне был необходим от 3¼ час. утра до 5 час. для передачи срочных распоряжений о конфискации подвергнутых аресту номеров означенной газеты. В указанные мною ночи прекращение действия телефона носило характер умышленной порчи, так как во время дня я мог пользоваться телефоном, но к вечеру действие его внезапно прекращалось; такое бездействие телефона отражается на быстроте передачи необходимых распоряжений. Опасаясь повторения подобных случаев, я счел долгом об изложенном донести вашему превосходительству. Коллежский советник Познанский.

Градоначальник предписал начальнику охранки произвести расследование: „Нет ли возможности,—пишет он,—выяснить агентурным путем, был ли телефон прерван умышленно?“

Начальник охранки отписался, что „меры к выяснению приняты“, и дело этим закончилось.

Борьба с „Нашим Путем“ осложнилась, оказывается. тем, что городовые не особенно охотно принимали в этом зазорном деле участие. Такое отношение „чинов наружной полиции“ вызвало в конце концов специальный доклад начальника Московского охранного отделения градоначальнику. Приводим этот любопытный доклад целиком:

„Отделение имеет честь доложить его превосходительству г. московскому градоначальнику о некоторых случаях неоказания содействия агентам Отделения чинами наружной полиции при конфискации газеты „Наш Путь“.

1) Постовой городовой зн. № 1520, к которому обратился агент Отделения для конфискации газеты „Наш Путь“ за 6 сентября с. г. за № 11, в киоске у дома № 39 по Оружейному пер., долго отнекивался незнанием, предлагая дождаться местного околодочного надзирателя и лишь после вторичной настойчивой просьбы со стороны агента позвонил в Управление 1 участка Сущевской части, откуда получил распоряжение вызвать местного околодочного надзирателя, который, явившись через 45 мин., произвел в киоске обыск и отобрал лишь несколько номеров С.-Петербургской газеты „Северная Правда“; когда же агент спросил, отобрана ли газета „Наш Путь“, он стал как бы недоверчиво расспрашивать его: „какую газету, где. у кого“, и уже после того, как агент вынул и показал купленный им в названном киоске экземпляр газеты „Наш Путь“, вторично направился в киоск для повторного обыска.

2) Находившиеся на службе на Серпуховской площади 6 сентября с. г. агенты Отделения обнаружили в киоске продажу конфискованной газеты „Наш Путь“ за 6 сентября за № 11, коей было замечено в киоске около 50 экземпляров, о чем ими было сообщено в Управление 2 участка Якиманской части. Присланным городовым

Кузнецовым было отобрано лишь 3 экземпляра; после вторичного указания, что в киоске имеется до 50 экземпляров, названный городовой опять вошел в киоск, поговорив с продавцом, вышел и заявил, что более газеты „Наш Путь" в киоске нет.

3) На Серпуховской площади, в присутствии постового городового знак № 2689 2-го участка Пятницкой части, привлеченного агентами Отделения для конфискации газеты „Наш Путь" за 6 сентября за № 11 у газетчика, последний спрятал экземпляры газет в карманы и за пазуху, на что названный городовой не обратил внимания и отошел, заявив агентам, что у газетчика означенной газеты нет; но после указания агентов, что газета спрятана в карманах и за пазухой у газетчика, подошел к нему вновь и отобрал один лишь только экземпляр.

4) На углу Садовой ул. и Каретного ряда городовой знак № 1551 1-го участка Сретенской части, привлеченный агентом Отделения для конфискации газеты „Наш Путь" от 11 сентября за № 15, долго не соглашался на принятие мер, требуя от агента не только предъявления агентурной карточки, но и обязательного сообщения фамилии.

5) Постовому городовому 2-го участка Пятницкой части, направленному агентом Отделения для конфискации газеты „Наш Путь" от 12 сентября за № 16 у разносчика газет в трактире Круглова, на Зацепе улице, было точно указано, что кипа газет лежит под столом. Но городовой обратился к агенту за содействием со словами: „Барин, он меня не слушает, не идет в участок", обнаруживая этим агента, который старался, передав поручение городовому, остаться незамеченным для посторонних.

6) Городовой Андреев 1-го участка Пятницкой части, привлеченный агентом Отделения для конфискации газеты „Наш Путь" от 12 сентября за № 16, признав агентурную карточку документом, не устанавливающим личности, отправил агента в Управление участка, а газету не конфисковал.

Подполковник Мартынов.

На этом докладе была наложена московским градоначальником ген. Адриановым резолюция:

„В секрет. прибавлении к приказу:

Приставам поименованных участков ставлю на вид, что ими не принимаются меры к конфискации арестованных газет, что ими не внушено городовым, что последние обязаны оказывать содействие агентам охранного отделения.

На поименованных городовых предлагаю приставам наложить дисциплинарные взыскания и об исполнении сего мне донести. Подтвердить приставам, что они обязаны принимать меры к конфискации арестованных газет, журналов, книг и вообще произведений печати, что нахождение в пределах участка таковых произведений доказывает о непринятии полицией указанных мер; что при таких условиях наложение ареста не достигает своей цели. В случае обнаружения в продаже запрещенных произведений печати, к ответственности мною могут привлекаться те чины полиции, по вине которых останутся в продаже запрещенные произведения“.

Резолюция градоначальника была объявлена к сведению и исполнению в секретном прибавлении к приказу по Московскому градоначальству и столичной полиции 22 сентября 1913 г. № 202 [1]).

* * *

Как известно, в ночь на 25 сентября 1913 года, в редакции приостановленной рабочей газеты „Наш Путь“ было арестовано полицией большое количество лиц, среди которых находились члены редакции и сотрудники закрытой газеты.

В момент прибытия полиции в дом № 8 по Косому пер. (помещение редакции) на месте были застигнуты (часть из них пришла уже во время обыска) следующие лица:

---

[1]) Тов. Максимовский сообщает нам, что редакция „Н. П.“ установила интерес и даже сочувствие среди некоторых городовых к газете. Городовые, стоявшие на посту около типографии, первые прибегали под утро, покидая пост в типографию, получали газету и, спрятав за пазуху, бежали обратно на пост, чтобы после, на досуге, прочесть газету. Поместив корреспонденцию о жизни дворников, отдел рабочей хроники поместил заметку и о жизни городовых, надеясь, что это будет способствовать разложению полицейской среды.

Максимовский П. Н. [1]), Максимовский В. Н., Никольский Г. В., Соковнин С. Д. (филерная кличка: „Скороход“), Ежов Я. Д., Карпов И. М., Крупенин М. З., Борщевская С. Д., Суница М. Б., Малиновский Р. В. (кличка: „Прицел“); отметка: „вскоре ушел“, Тимофеев П. П., Шишков С. Я., Воронов С. И., Балашов Ф. А. (кличка—„Грош“), Малинин С. М., мальчик 14 лет, Яковлев Н. Н., Борщевский И. Д., Суница Л. Б. (кличка—„Двоюродный“), Лобова В. Н. (кличка—„Копейка“).

Эти данные почерпнуты нами из черновой записи, находящейся в деле б. Московского охранного отделения под названием: „О лицах, застигнутых во время обыска в редакции газеты „Наш Путь“, № 742, 1913 г.“.

Большинство этих лиц, а также арестованных в последующие дни, охранка держала в тюрьме около месяца. 9 октября охранка обратилась в департамент полиции с просьбой продлить всем этим лицам срок ареста еще на один месяц „в виду их прикосновенности на почве активной социал-демократической деятельности к бывшей редакции газеты „Наш Путь“.

14 октября департамент полиции известил московского градоначальника о разрешении министра внутренних дел продлить всем арестованным срок ареста.

1 ноября начальник охранки Мартынов, рассмотрев произведенное следствие о И. Д. Борщевском, М. И. Булах, Г. П. Максимове, В. Н. Максимовском, В. В. Оболенском и А. И. Усагине, „принадлежность коих к местной организации Р. С.-Д. Р. П., активное участие в создании в г. Москве приостановленной ныне большевистской рабочей газеты „Наш Путь“, руководительство изданием и распространением ее, а также агитация в рабочих массах с целью вызвать забастовку протеста против преследования рабочей печати, установлены имеющимися о них агентурными данными, подтвержденными наружным наблюдением, постановил: переписку о названных лицах представить г. начальнику с ходатайством о направлении их г. министру внутренних дел для внесения в особое совещание, согласно 34 ст. положения о государственной охране, на предмет наложения на названных лиц административных взысканий“.

---

[1]) П. Н. Максимовский 25 сентября арестован не был.

20 декабря департамент полиции известил о высылке всех этих лиц на два года под гласный надзор полиции, в избранном ими месте жительства, за исключением столиц и столичных губерний.

Одновременно департамент полиции известил градоначальника о высылке Н. Н. Яковлева, „изобличенного в принадлежности к московской организации Р. С.-Д. Р. П.“, в Нарымский край, Томской губ., под гласный надзор полиции на 4 года. Крупенин М. З. был подчинен надзору полиции на три года в пределах Европейской России.

20 ноября департамент полиции известил о высылке В. Н. Лобовой и Л. Б. Суницы в северные уезды Олонецкой губернии на три года.

Довольно решительно охранка расправилась с рабочими, причастными к „Нашему Пути“. По этому поводу в деле имеется очень интересный документ, который мы воспроизводим целиком. Это донесение охранки в д-т полиции от 27 ноября о мерах пресечения выступления рабочих в связи с закрытием „Нашего Пути“.

„В виду приостановки, постановлением Московской судебной палаты от 12 сентября сего года, издававшейся в гор. Москве большевистской рабочей газеты „Наш Путь“ и приподнятого настроения рабочих масс, пытавшихся путем демонстраций выразить протест против преследования рабочей печати, полагая необходимым тотчас же пресечь возможность дальнейших выступлений, я, руководствуясь 206 ст. Общ. Гос. Учр. и п. 4 ст. 16 положения о государственной охране, признал необходимым воспретить жительство в Москве нижепоименованным лицам, на все время действия в ней положения об усиленной охране, по следующим обстоятельствам:

1) Крестьянам: Московской губ., Коломенского уезда, Глебовской волости, Сергею Никитину Шведову; Владимирской губ., Переяславского уезда, Нагорской вол., Григорию Николаеву Мякотину и мещанину гор. Подольска Василию Федорову Федорову.

Все названные лица, рабочие по водопроводу и отоплению, были задержаны 25 сентября в помещении редакции приостановленной рабочей газеты „Наш Путь“, к которой имели непосредственное касательство, при чем последний

из них—Федоров—был намечен редактором новой рабочей газеты, издание коей предположено в г. Москве.

Согласно указаний секретной агентуры отделения по охранению общественной безопасности и порядка в г. Москве, все названные лица принадлежат к большевистско-ленинской фракции Российской социал- демократической рабочей партии и принимали активное участие в агитации среди рабочих к демонстративным выступлениям в знак протеста против преследования рабочей печати.

2) Крестьянину Смоленской губ., Сычевского уезда, Баскаковской волости, Федору Васильеву Смирнову, который, будучи по профессии рисовальщиком-мануфактуристом, задержан 25 сентября с. г. в помещении редакции приостановленной газеты „Наш Путь“ и при личном обыске коего обнаружено несколько рукописей с приветствиями названной газете, предназначенными, повидимому, для печати, а также квитанция редакции от 2 сентября сего года за № 224 о взносе им в фонд этой газеты „от группы ткачей“ 3 р. 65 к.; на квартире Смирнова обнаружен собственноручный дневник социал-демократического характера.

3) Крестьянину Тульской губ., Новосильского уезда, Прудовской волости, Федору Алексееву Орешину, который, будучи кондуктором городского трамвая, задержан 25 сентября с. г. в помещении редакции той же газеты „Наш Путь“ и при личном обыске коего обнаружена квитанция редакции названной газеты от 5 сентября 1913 года за № 22 в приеме от него 1 руб. 79 коп. за розничную продажу номеров этой газеты, из чего следует заключить, что Орешин являлся распространителем ее среди трамвайных служащих“.

Г. Ф. Коломин (Мамистов), М. К. Малахов, В. С. Пшеничный, М. М. Шишкина были признаны охранкой также причастными к местной организации Р. С.-Д. Р. П., к „Нашему Пути“ и „агитации в рабочих массах к противоправительственным выступлениям в знак протеста против преследований рабочей печати“. Было также возбуждено ходатайство о наложении на них „административных взысканий“.

Большинство остальных, привлеченных в связи с газетой „Наш Путь“, были высланы из пределов Московского градоначальства.

В деле имеется указание на то, что в течение трех дней засада, оставленная в редакции „Нашего Пути“, отбирала у почтальонов корреспонденцию.

НАШЪ ПУТЬ

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЕРВЫЙ.

№ 1. Воскресенье, 25 августа 1913 г. ЦѢНА 2 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на Московскую рабочую газету „НАШЪ ПУТЬ“

„СѢВЕРНАЯ ПРАВДА“

Міусскіе вечерніе и воскресные классы для взрослыхъ рабочихъ.

Предлагается подписка на 1913 годъ

„ПРОСВѢЩЕНІЕ“

МАКСИМЪ ГОРЬКІЙ

Нашъ путь.

О чемъ мы будемъ писать.

Московскимъ товарищамъ.

К сожалению, в архиве не сохранилось никаких следов о той корреспонденции, которая могла бы послужить интересным материалом для истории рабочей печати в Москве.

* *
*

В архиве б. охранки сохранилась любопытная схема деятельности московской с.-д. организации за 1913 год.

Большое внимание на этой схеме уделено редакции „Нашего Пути“. Схема красноречиво говорит о деятельности охранки. Целая сеть агентов „внутреннего“ и „наружного“ наблюдения были мобилизованы для „Нашего Пути“. Неудивительно, что все лица, так или иначе соприкасавшиеся с большевистской газетой, немедленно попадали в поле зрения охранки и отмечались на схеме условленным значком и филерской кличкой. В конечном итоге над значком ставился крест, что обозначало „ликвидацию“,— арест наблюдаемого. Таких крестов вокруг кружка, изображающего редакцию „Нашего Пути“, чрезвычайно мало. Очень жаль, что по техническим условиям нельзя на страницах „Пролетарской Революции“ воспроизвести этой схемы.

* * *

12 сентября рабочую газету закрыли, 23 сентября московский пролетариат ответил на это закрытие однодневной забастовкой протеста, совпавшей с единодушной забастовкой трамвайных служащих. И полиция приняла решительные меры. 25 сентября т. т. Осинский (Оболенский), Яковлев Н. Н., Максимовский и др. были арестованы, высланы. Некоторые в далекую Сибирь. Разбита была партийная организация, руководившая рабочей газетой. Но не были разбиты „рабочие мысли, пролетарские чувства, крепкая воля рабочих“, о чем говорилось в одном из первых номеров „Нашего Пути“.

Меньше чем через пять лет в Москве вышла в свет новая рабочая газета „Социал-Демократ“, поднявшая высоко пролетарское знамя „Нашего Пути“. И в составе сотрудников мы видим почти те же имена: Н. Антонов, Н. Осинский, В. Максимовский, А. Гин (Усагин) и др.

И до настоящих дней редакционная семья „Нашего Пути“ почти в полном составе идет в авангарде революционного пролетариата России. Среди них нет только т. Яковлева, бывшего в начале октябрьской революции председателем Сибирского Ц.И.К. На далеком севере Сибири он погиб от рук белогвардейских офицеров в 1918 г.

Вл. Максаков.

„Наш путь“ и Бутырское сиденье.

(Отрывок из воспоминаний) [1].

I.

Летом 1913 г. я работал в литографии Грызунова, на Кузнецком Мосту. На почве экономических требований, в литографии произошла забастовка и хозяин очень ловко ее ликвидировал—прикрыв ночную смену. Вместе с другими товарищами я очутился без работы.

Началось обычное шлянье по Москве, бесцельное сиденье на бульварах, в особенности на Цветном, где помещалась наша печатницкая—„биржа“. Наш союз в то время находился в Лесном переулке, за Подвесками.

Однажды кто-то из членов союза правления мне сообщил, что на днях выходит рабочая газета „Наш Путь“, организованная большевиками, при участии члена Государственной Думы Р. Малиновского.

Я решил немедленно пойти в редакцию. Но чтобы не ходить с пустыми руками—отправился домой и сел за стихи. К вечеру было готово стихотворение под заглавием „Страна изгнания“ и отнесено в редакцию.

На другой день я пошел справиться о „судьбе“ стихотворения. Меня принял Николай Николаевич Яковлев, секретарь редакции, которого накануне я не застал. Николай Николаевич мне показался тогда на вид лет двадцати пяти-семи, среднего роста, коренастый, чуть-чуть даже полный, с большой головой и очень серьезным и интеллигентным лицом. Одет он был в русскую сатиновую рубаху цвета

[1]) Ниже мы печатаем часть статьи тов. К. Хохлова, касающейся разгрома „Нашего Пути“.

бордо, с пояском. Ходил быстро, по редакции почти бегал и всегда кипел в работе. Над его беготней и кипением иногда подшучивали. Кажется, тов. Осинский или кто-то другой из редакции во время такой беготни остановил его, ухватив за рубашку.

— Николай Николаевич, вот тут дело есть.. —Николай Николаевич остановился, а тот начал ему говорить какую-то чепуху.

— А, чорт. Я занят, а он тут с ерундой,—и, ругаясь, Николай Николаевич бежал дальше.

Вся редакция гомерически хохотала.

Николай Николаевич принял меня по-товарищески, сердечно. Стихотворение мое было им прочитано и принято, Николай Николаевич только попросил меня зачеркнуть псевдоним и подписать настоящую фамилию.

— У нас рабочая газета, и пусть рабочие видят, что в ней сотрудничают тоже рабочие. А вас, наверное, в Москве знают многие... Вы давно пишете?

Я отвечал, что уже печатался в профессиональном журнале „Печатник“.

Узнав, что я безработный, Николай Николаевич со свойственной ему организаторской находчивостью сейчас же решил использовать это положение, предложив мне прочитывать стихи и рассказы, присылаемые в редакцию рабочими, и тут же передал мне замусоленную тетрадь, исписанную безграмотным и корявым почерком. Я с радостью взялся за эту работу и началось мое ежедневное хождение в редакцию, в Косой переулок.

Николай Николаевич был очень внимательным редактором к произведениям рабочих, и когда я докладывал ему, что та или другая рукопись не годится, он брал ее, прочитывал и говорил:

— Да, а начало у него хорошее... Надо будет переговорить с автором, может быть, он перепишет.

В редакции „Нашего Пути“ я знал только Николая Николаевича, В. Оболенского (Н. Осинского) и Р. Малиновского; другие сотрудники в редакцию не ходили, а если ходили, то редко, и я их не встречал. В конторе и экспедиции работали т.т. Борщевская, Сергей Воронов—

совсем юноша, Лагунов — все большевики, и еще одна девушка Евдокия — фамилию забыл, но, кажется, она родственница тов. Шагова. Официальным редактором для „отсидки“ был один рабочий тов. Федоров, впоследствии анархист.

В „очередные“ редакторы был записан и я, но „очередь“ до меня так и не дошла. Фактическим же редактором был Н. Н. Яковлев, хотя Малиновский тоже считал себя таковым.

Помню его приезд в редакцию—в отличнейшем сером костюме, кепи и высоких охотничьих сапогах. Он производил внушительное впечатление. Тогда еще о его провокаторской деятельности никто и не подозревал. Он жил на квартире в „Деловом Дворе“ и я однажды заходил к нему за рекомендательной запиской в Центросоюз, к какому-то Роману по поводу работы, но работы для меня не оказалось.

Николай Николаевич обычно просиживал в редакции весь день, не уходя обедать. Обед ему заменяла вареная колбаса и хлеб с чаем. Если мне случалось в это время быть в редакции, Николай Николаевич угощал меня своим обедом. Считаясь на положении безработного, я не отказывался. К слову сказать, в редакции я в штатах не числился, жалованья не получал, был, так сказать, приватным сотрудником, и весь мой заработок в „Нашем Пути“ выразился в одном рубле гонорара за напечатанное стихотворение. После я напечатал еще несколько заметок в хронике и одну басню „Иван“—по поводу забастовки в типолитографии Машистова, но гонорара не получил, так как был в это время секретарем Московского Союза Печатников и получал жалованье.

Между прочим, один любопытный штрих. Вскоре после напечатания моей басни Николай Николаевич встречает меня сияющий:

— Ну, поздравляю, Демьян Бедный прислал вам из Петербурга привет и свое благословение. Басня ваша ему понравилась, говорит, что писать вы можете.

Я до того расчувствовался, что, выходя из редакции, чуть не свалил по дороге какой-то стол.

II.

Между тем в Москве в это лето рабочее движение усилилось. То тут, то там вспыхивали забастовки. К осени забастовочное движение сделалось угрожающим, и полиция принялась за „чистку“ профсоюзов. Начались аресты.

Очевидно, была принята система постепенного обескровления союзов, посредством арестов наиболее видных руководителей. В союзе печатников был арестован казначей тов. Борщевский, затем секретарь тов. Сидоренко, оба большевики. После ареста еще нескольких лиц из правления, одного секретаря и казначея—кандидатский список в члены правления был исчерпан; пришлось прибегнуть к кооптации. Я был кооптирован в правление и избран секретарем. Это было уже в сентябре.

Между прочим, в тогдашнем правлении печатников был Романов, впоследствии оказавшийся провокатором. У него был фотографический аппарат и однажды он снял группу правленцев, в том числе и меня,—„для памяти“.

В это время „Наш Путь“ уже сделался широко известен не только рабочим Москвы, но и окружающим промышленным районам. Рабочая газета, „своя“, „наша“ газета быстро завоевывала симпатии пролетарских масс. Москвичи еще никогда не имели „своей“ „настоящей“ рабочей газеты и решили не уступить питерцам в поддержке и защите своего первого рабочего органа. На газету подписывались целыми коллективами, делали отчисления в фонд редакции из жалованья, и, когда понадобилось, взялись сами доставлять ее из типографии, так как у разносчиков полиция конфисковала ее почти ежедневно. Подписные деньги из провинции привозили командированные рабочими делегаты. В редакции всегда толкались представители каких-либо фабрик и заводов, приходившие за справками, указаниями и советами. Появились первые рабочие корреспонденты и рабочие писатели.

Для рабочей Москвы наступила своего рода весна. Рабочее движение получило какую-то точку опоры. Царское правительство это хорошо поняло и учло, какую опасность представляла из себя легальная рабочая газета, и повело наступление.

„Наш Путь“ начал яростно преследоваться. Конфисковали чуть ли не каждый номер. Конфискаторы гонялись за газетой в автомобиле Наша экспедиция увозила газету из типографии тоже, в свою очередь, на автомобиле. Были картины, достойные хорошей американской фильмы.

Преследования чинились всякого рода, от ареста и рассыпки набора, вплоть до разбития готовых стереотипов. Из 17-ти номеров газеты я не помню ни одного не арестованного номера, не говоря уже о всяких „статьях уложения“, по которым привлекался редактор.

Наконец, терпение лопнуло. Редакция обратилась к рабочим массам с призывом поддержать свою рабочую газету забастовкой протеста.

Призыв был принят и забастовка прошла на многих предприятиях.

Эта забастовка протеста была маслом в огонь происходивших тогда экономических забастовок. Бастовали трамвайщики, пекаря, водопроводчики, деревообделочники. Правительство применило излюбленный метод—аресты. Большинство руководителей союзов было арестовано Правление союза печатников было почти разгромлено. Арестовывали на квартирах и даже в помещениях союзов. Я не ночевал дома уже несколько дней.

Чтобы не подвергаться окончательному разгрому, оставшаяся горсть членов правления печатников решила ликвидировать забастовки, возникшие на почве экономических требований и не допускать новых (забастовка протеста считалась оконченной).

2 октября я отправился к Сытину, на Пятницкую, чтобы передать постановление правления.

У Сытина только что кончилась забастовка протеста, но назревал конфликт на почве экономических требований— нужно было предупредить. Предупреждение это было вызвано следующими соображениями: помимо вышеуказанной причины—опасения разгрома союза—в ряде типографий хозяева сами провоцировали забастовки, и потом сокращали производство, обычно закрывая ночные смены.

У Сытина тоже была ночная смена.

III.

Был серый осенний день. Временами моросил дождь. Я шел пешком, так как трамваи еще бастовали. К Сытину я пришел к концу обеденного перерыва—рабочие шли на фабрику. Я остановился у ворот и стал ждать нужного мне товарища—уполномоченного в союз. Оказалось, что уполномоченная уже прошла (уполномоченной была девушка-брошюровщица, фамилию которой я забыл). Я попросил вызвать ее одного из проходивших товарищей.

Уполномоченная вышла, и пока я разговаривал с ней, напротив, на мостовой все время расхаживал городовой в длиннейшей шинели, с револьвером и традиционной „селедкой“. Посматривая на нас, он откашливался, очевидно. собираясь заговорить. В конце концов он действительно заговорил—отпустив несколько сальностей по адресу брошюровщицы. Та вскипела и обозвала его нахалом. Городовой сделал несколько угрожающих шагов по направлению к нам.

— А вот я сейчас отправлю твоего любезного куда надо,—проговорил он заплетающимся языком.

Я заметил, что он был пьян.

— Бегите,—шепнула мне уполномоченная. Чтобы не показывать виду, что я боюсь,—я пошел от ворот шагом по тротуару. Городовой следовал за мной по мостовой. Тогда я прибавил ходу. Городовой закричал мне.

— Эй, вы, молодой человек, подождите.

Я пустился рысью.

Городовой бежал за мной, тяжело пыхтя, шлепая по грязи дюжими сапогами. Через минуту я оглянулся: городовой, запутавшись в шинели и „селедке“, растянулся на мостовой.

Это было как раз во-время, я был на углу Пятницкой. Неподалеку дремал на козлах извозчик. Вскочив в пролетку, я ткнул ему кулаком в спину, извозчик машинально взмахнул локтями и зачмокал: лошадка побежала рысцой.

— Налево,—скомандовал я ему,—а теперь направо...

Сделав несколько таких поворотов, я соскочил с извозчика в одном из переулков Зацепы, заплатив ему пятьдесят копеек.

Я был возбужден и взволнован, мне страшно хотелось пить, поэтому я зашел в первый попавшийся трактир и заказал чаю.

IV.

Выйдя из трактира, я направился домой и по дороге решил зайти в редакцию. В сутолоке последней недели я не был уже там дня три.

Дождь перестал. Из-за жирных и медлительных туч временами выглядывало осеннее, чут-чуть теплое солнце. Вот и Косой переулок. Вот и деревянный двухэтажный дом направо за трактиром. Под трактиром я когда-то жил на квартире у сапожника.

Знакомые места.

Смотрю некоторое время в окна второго этажа—окна редакции. Какая-то безжизненная пустота в окнах меня смутила. Мне показались они чужими и враждебными. Что-нибудь не так—мелькнуло у меня в голове. На самом деле кругом было подозрительно тихо и пусто. Я уже хотел повернуть обратно, но раздумал, приписав свою подозрительность нервному состоянию.

Поднимаюсь по лестнице во второй этаж. Вхожу. В первой комнате нет никого... Тишина. Во второй комнатке, окнами в переулок, за редакционным столом сидят лицом к двери совершенно мне незнакомые человека три или четыре—в штатском.

— Что вам угодно?

Я сразу понял с кем имею дело, но не растерялся.

Отвечаю:

— Я пришел подписаться на газету.

— Хорошо. Вам на какой срок?

— Мне нужно месяца на три.

— Великолепно. Мы вам дадим года на три, в Туруханск или куда-нибудь подальше...

Я закурил папиросу и глубоко затянулся.

— Да вы бросьте курить-то,—крикнул мне уже строго обещавший Туруханск штатский,—вы арестованы.

Я оглянулся: за моей спиной неслышно выросли два мушкетера, третий стоял у двери и заграждал вход.

— Обыскать его. Живо.

Меня обыскали, отобрали паспорт, блок-нот и запечатанное письмо к товарищу, которое я носил несколько дней в кармане, все забывая бросить его в почтовый ящик.

После обыска меня отправили под охраной мушкетера в участок. Мушкетер был плохонький, сгорбленный, старый. Сутулясь, он шел от меня с левой стороны. Мне никакого труда не стоило бы сбить его с ног ударом левой руки, наотмашь. Пока бы он поднимался—меня бы и след простыл. А переулок мне знакомый, как пять пальцев. В этом районе я прожил несколько лет, вырос, работая в литографии Кушнерева на Пименовской еще мальчиком. Мы шли мимо проходного двора, по которому я мог выскочить на Долгоруковскую улицу. Наконец, на углу переулка был трактир моего земляка, Алексея Антоныча Брыкина, куда бы я мог забежать на кухню без всякого подозрения и через кухню улизнуть во двор... Но... проклятый паспорт, который у меня отобрали. Ах, этот паспорт. И чорт меня дернул таскать его с собой. Бежать и сделаться нелегальным?..

Так рассуждая, я, однако, дошел с мушкетером вполне благополучно до самого участка, помещавшегося неподалеку в Оружейном переулке. Не бежать же было на самом деле? Что мне сделают? Ну, посижу, и выпустят.

V.

В участке мушкетер сдал меня околодочному. Околодочный что-то писал за столом посредине комнаты. Он почти не обратил на меня внимания, только на секунду приподняв синие каменные веки, открывшие черные, рачьи глаза.

Околодочного я знал в лицо чуть ли не с 1905 г. Это был черноусый, толстый хохол, не лишенный юмора и некоторого своеобразного полицейского добродушия. Кажется,

боевая дружина фабрики Кушперева в 1905 г. брала его в плен, но, подержав некоторое время, отпустила с миром.

Я стоял у стола и, видя, что на меня решительно никто не обращает внимания, сел на стул, закурил и начал осматриваться.

Напротив помещалась знаменитая „кутузка“, самая обыкновенная, решетчатая, куда проще мейерхольдовской в „Смерти Тарелкина“. Она была похожа на клетку, битком набитую зверями. „Звери“ молодые и пожилые, с усами и безусые, сверкали глазами в промежутки перекладин. Из арестантских камер, находившихся дальше, позади, неслись молодые крепкие голоса:

Из страны, страны далекой
С Волги-матушки широкой
Ради славного труда
Собралися мы сюда-а...

Околодочный, оказывается, писал не зря. К нему выводили из клетки очередного „зверя“, он спрашивал его фамилию, имя, где проживает, сколько лет, какие имеются родственники, какие при себе есть вещи, сколько денег и т. д., и т. п. Затем заставлял допрашиваемого расписываться.

Один из таких допрашиваемых, низенького роста человек в чуйке, кумачевой рубахе и широких нанковых шароварах отказался расписаться.

Околодочный вскинул на него рачьи глаза.

— Как, почему?

— Да, я—неграмотный.

— Как неграмотный? А политикой занимаешься?

Мужичок конфузливо мялся. Одной рукой он нащупывал затылок, другой—одергивал кумачевую рубаху.

— Никак нет, ваше благородие... никакой политики мы не занимаемся... Мы рязанские...

— Ря-я-за-а-нские — передразнил его околодочный,—а зачем в редакцию ходил?

— Никак нет, мы к земляку пришедши, к дворнику... А туды, вот он меня зазвал...

Мужичок показал на стоявшего поодаль городового.

— Туды-туды,—опять передразнил его околодочный,— вот тебя загонят туды—макар телят не гоняет куды. Пшел!

Оказывается, дело-то было так.

Мужичок действительно пришел к своему земляку, дворнику этого дома, где помещалась редакция. Он приехал из деревни поискать „местечка“ и зашел к земляку. Земляк решил его, по обычаю, угостить „полудиковинкой“ водки, но так как денег в тот час у него не случилось, то он пошел в редакцию попросить авансом—в счет колки дров—двугривенный. А в редакции уже в это время сидела хорошо законспирировавшись (даже дворник не знал) засада. Дворника попридержали, приказав ему молчать обо всем, а за земляком выслали на лестницу городового, зарегистрировав его для счету в „политики“.

Были и другие курьезы.

Пока я сидел, казалось, забытый всеми,—у стола околодочного и всматривался в лица арестованных, ища знакомых, по помещению расхаживали два студентика, чистеньких, холеных, очевидно, из разряда маменькиных сынков. Они с нетерпением ожидали чего-то, нервничали. Я задал вопрос одному — не в редакции ли они арестованы?

— Н-н-да,—ответил тот нехотя и отвернулся.

Загадка скоро разъяснилась.

В помещение вошел полный, благообразный господин. Студенты бросились к нему, краснея и виновато улыбаясь: господин очень сухо поздоровался с ними, укоризненно покачав головой. Околодочный при его приближении почтительно приподнялся, тот кивнул ему и не подавая руки прошел в кабинет пристава.

Оттуда потом слышался веселый говор и густой раскатистый смех—каким смеются люди „в чинах и с положением“. Студентиков тоже пригласили в кабинет, откуда они вскоре вышли в сопровождении благообразного дядюшки и пристава, который очень любезно раскланивался, провожая их к выходу.

Когда эта троица скрылась за дверью и пристав прошел в свой кабинет,—один из городовых, хихикая, проговорил другому вполголоса на ухо:

— Вот, брат, как весело погуляли у девочек-то! Хи-хи.

История была несложная.

Оказалось, что в соседней с редакцией квартире жили „развеселые девицы“ (а, может быть, развеселые девицы жили раньше и в квартире редакции, вообще в Косом переулке девицы были без выводу) и молодые люди предполагали весело провести ночь, вероятно, у „старых знакомых“, зайдя накануне вечером, часов около 12-ти, в помещение редакции. Одним словом, вышла маленькая ошибка,— „шли в комнату—попали в другую“.

В участке продолжалась все та же работа—допрашивали, приводили с улицы новых, отправляя их в задние лабиринты участка; околодочный все продолжал писать, а я томился, сидя в неизвестности, в полном небрежении начальства.

Мне уже опять приходила мысль о побеге, хотя у дверей и стояли городовые, но, вероятно, можно было исчезнуть „под шумок“, тем более, что на меня никто не обращал внимания; может быть, меня считали за частное лицо, пришедшее по своему делу—заявить о краже, например, или об оскорблении действием, терпеливо дожидающееся, когда начальство освободится и соблаговолит выслушать его жалобы. Или это умышленный, инквизиторский прием,— „пытка надеждой?“

Я жег папиросу за папиросой.

Оттуда, из-за кулис, из лабиринтов участка мягкий баритон выводил:

Выпьем мы за того
Кто писал «Капита-ал»,
А ёще за того-о,
Кто е-му по-мо-га-ал.

И дружный хор голосов подхватывал:

Проведемте друзья
Эту ночь веселей,
Пусть рабочих семья
Соберется тесней.
Налей, налей
Бокалы полней...

Околодочный отрывал лицо от бумаги.

— Какого чорта они разорались? Сидорчук, вели им замолчать!

Городовой бежал куда-то во тьму коридоров и повторял, как эхо:

— Какого чорта вы разорались? Замолчать!

Там утихали на несколько минут, но затем негромко, сначала несмело, потом громче и громче заводили „машинушку“, или „баргузин“.

А мушкетеры приводили все новые и новые жертвы. Очевидно, новый „состав“ редакции работал отлично.

Был уже вечер, зажгли огни, когда я услыхал откуда-то исходившее шипенье: „Хохлов, просись, чтобы тебя отправили в тюрьму... Нас сейчас отправляют... Вместе...“

Я огляделся. Околодочный куда-то отошел от стола. Шипенье исходило из клетки. В полутьме я разглядел длинную фигуру в густой шапке русых кудрей, две ладони, приставленные щитками ко рту, темному и круглому, как телефонная трубка. Это был знакомый литограф, мой приятель. Слава аллаху! Наконец-то, я не один. Знакомых, как впоследствии оказалось, было очень много.

Когда пришел околодочный, я высказал ему свою просьбу—поскорее отправить меня в тюрьму. Тот посмотрел на меня осоловелыми глазами и буркнул:

— Успеете.

Пописав некоторое время, он добавил:

— Если успеем,—отправим.

Еще немного спустя он, как бы проснувшись, вытаращил на меня рачьи глаза и, расправляя длинные хохлацкие усы, спросил:

— А вы зачем здесь сидите?

Я сказал, что не знаю, зачем здесь сижу.

— Сидорчук, помести-ка его!

— Слушаюсь, вашбродь...

Сидорчук „поместил“ меня в клетку. Клетка уже была пуста, всех отправили в тюрьму. В клетке я просидел недолго, было уже поздно и она потребовалась для других гостей. Привели компанию жуликов и двух пьяных.

— Вашбродь,—докладывал Сидорчук—куда прикажете девать их?

Это насчет меня.

— Отведи его в камеру.

— Все заняты, вашбродь, битком набиты... Вот только в женской ежели...

— Ну, отведи его в женскую... свои же.

Меня отвели в женскую. Тут оказались действительно свои. Меня встретили радостными восклицаниями две сотрудницы „Нашего Пути“, одна из них—Евдокия.

— Мы сидим уже здесь двое суток,—рассказывали они,—страшно устали, негде прилечь... А наших всех арестовали, Николая Николаевича и всех, всех... А что там на воле, как там?

Поздно ночью к нам в камеру привели еще двух товарищей. Это были рабочие Коломенского машиностроительного завода. Один—по фамилии Карманов—впоследствии был выслан вместе со мной в Н.-Новгород и работал на Доскинском заводе токарем. Они приехали по поручению группы рабочих завода подписаться на „Наш Путь“ и также были арестованы засадой.

Нужно было как-нибудь устроиться спать. Мы начали барабанить кулаками в дверь. Сначала долго никто не отзывался, потом в окошечке показалась недовольная рожа городового.

— Чего вы безобразничаете ночью?

— Ничего не безобразничаем, спать не на чем, дайте что-нибудь.

— А где я вам возьму?

— Чего же, мы всю ночь стоять должны, что ли? Тут ничего нет, даже сесть не на чем.

В камере действительно были только две табуретки и один хромоногий стул. Но мы, мужчины, пожалуй, ничего бы у городового не выпросили, только бы разругались. В дело вмешались женщины. Они очень ласково начали уговаривать городового дать что-нибудь для спанья. Тот, наконец, обмяк и, хитро улыбаясь из-под усов, обещал „что-нибудь поискать“.

Через десять минут он притащил две скамейки—одну длинную, другую коротенькую. Мы начали устраиваться на ночлег. Женщины улеглись на двух табуретках и стуле, коломенцы—на длинной скамье, а я—на коротенькой.

VI.

Ночью я спал скверно. Было страшно неудобно на узенькой и короткой скамейке. Нервы за предыдущие сутки порасшатались. Я кричал во сне и несколько раз вскакивал. Казалось, что по мне бегают крысы.

Утром тот же городовой принес нам колбасы и хлеба, завернутые в свежую газету. На одной из страниц мы прочитали маленькую заметку, набранную петитом. Содержание заметки было приблизительно следующее:

„Газета „Наш Путь“ закрыта. Помещение ее было занято членами охранной полиции. Произведены многочисленные аресты“.

Газета была „Русское Слово“. Это было напечатано через три дня после занятия охранниками помещения редакции. И несмотря на эту заметку, в редакцию все продолжали приходить и арестовываться. Дело было поставлено так ловко, что даже ближайшие сотрудники ничего не знали и попадали в эту ловушку. Не знаю, на который день, но таким же образом был арестован тов. Осинский. Он всегда ходил в редакцию с черного хода, через кухню. По обыкновению, в кухню прошел и на этот раз, и так же, как и меня, его поразила подозрительная тишина; он хотел было повернуть обратно, но все-таки решил заглянуть в передние комнаты и высунул из кухни нос. Так был наказан тов. Осинский—как жена Лота—за любопытство.

Впрочем, непосещение редакции еще не давало гарантии избегнуть ареста. Так, в эту же ночь, когда я ночевал в участке, за мной на квартиру приходил наряд полиции, но я уже был в полнейшей безопасности от всяких арестов.

Историю своего ареста тов. Осинский сам рассказывал мне в 1918 г. До этого времени я его не встречал, так как сидел он в Таганской тюрьме, где были—Н. Н. Яковлев,

Борщевский, Сидоренко и др. Некоторые товарищи сидели при частях, я был в Бутырках.

Часов в десять утра нас повели в тюрьму. Партия наша была человек в 7—8, все мужчины, в том числе и коломенцы. Мы шли по Оружейному переулку, повернули направо, пересекли Миусскую площадь, заваленную камнями и вышли на Лесную. Шел дождь, городовые кутались в плащи, мы поднимали воротники, нахлобучивали кепи и шляпы; под ногами хлюпала вязкая грязь. По дороге городовые предложили нам купить закуски и папирос, мы собрали денег и один из них отделился и побежал в лавочку. Покупки он нам принес, а на сдачу купил для конвоя бутылку водки.

— Поправимся,—подмигивал он, щелкая по карману, из которого торчало горлышко бутылки.

Но вот и тюрьма. Одни ворота, другие, третьи. В конторе нас обыскали и отобрали деньги, потом провели еще несколько ворот и мы поднялись в третий этаж кирпичного здания. Здесь нас передали тюремным надзирателям. Те, в свою очередь, тоже принялись обыскивать нас, раздев предварительно всех догола. Нагишом, дрожа от холода, мы стояли в коридоре около двери, над которой надпись гласила—Рязанский Тракт.

Обыск длился невероятно долго: тюремщики перетряхивали наше платье, выворачивали по нескольку раз карманы, мяли каждый шов, стучали по подошвам башмаков. У меня отобрали карманное зеркальце с расческой,—расческу возвратили. У папирос оторвали все мундштуки, оставив только одну целую. Это вам для раскурки—пояснил тюремщик.

Наконец, обыск кончился, прогремели замки „Рязанского тракта“ и мы, продрогшие, ввалились в большую камеру с нарами по стенам и между столбов посредине.

Я бросился на нары у окна, натянул на шею воротник пальто, нахлобучил шляпу и уснул.

Проснулся от грохота отпираемой двери.

Прибыла новая партия в 10 человек, и среди них друзья и товарищи мои: член правления печатников— З. М. Валакин (теперь красный директор типографии „Мысль

Печатника“), Сергей Воронов, Лагунов — из экспедиции „Нашего Пути“, наборщик Макашин и др. Раздались радостные возгласы, целованье, расспросы. Некоторые явились с постельными принадлежностями,—они были арестованы уже несколько дней и сидели где-то при части.

К. Хохлов.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Письма В. И. Ленина, Н. К. Крупской, Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева в Петербург.

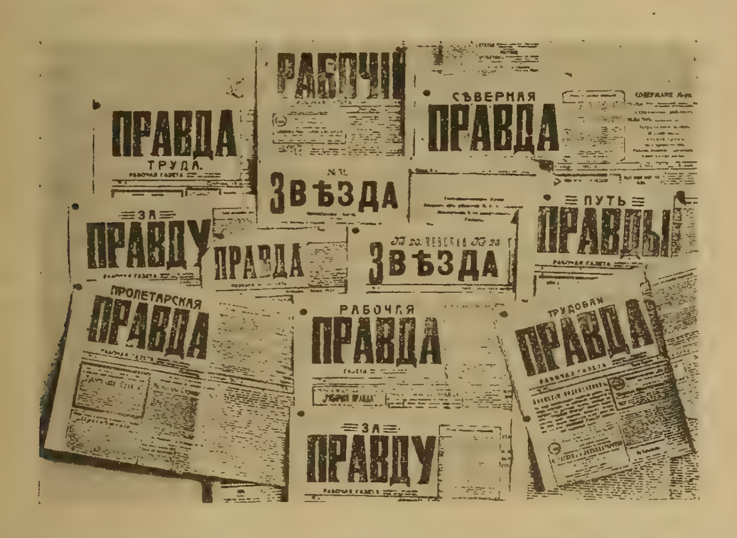
Ниже мы помещаем ряд копий отдельных писем, относящихся к периоду 1912—1913 г.г. из той обширной переписки, которую вела заграница с «Правдой» и с.-д. Думской фракцией большевиков по вопросам, связанным с работой легальной прессы в Питере. Все нижеприводимые нами письма являются перлюстрированными письмами быв. департамента полиции. Уже это одно обстоятельство говорит о том, что письма эти случайного характера, ибо нельзя, конечно, допустить, чтобы департамент полиции, несмотря даже на провокационную деятельность Малиновского и Черномазова и проч., мог получить в свои руки все нити по заграничной переписке «Правды». И фактически нижепубликуемые письма Владимира Ильича Ленина, Надежды Константиновны Крупской и др. являются в общем лишь каплей в море из той обширнейшей и ценнейшей переписки с «Правдой», которая имела место за время существования легальных газет. Были дни и целые недели, когда заграница посылала регулярно изо дня в день краткие деловые послания, не только задавая вопросы и интересуясь даже мелочными подробностями работы газет, но в то же самое время давая директивы, намечая темы, ведя оживленную принципиальную дискуссию с российскими товарищами. К сожалению, эти богатейшие для истории нашей коммунистической партии материалы не находятся в нашем распоряжении и вне всякого сомнения являются в значительной степени потерянными для партии навсегда.

Все же и из помещаемых писем ясно можно проследить те взаимоотношения, которые существовали тогда между заграничной редакцией и российской, и те наиболее острые вопросы, которые возбуждали особый интерес со стороны заграничных центров. Из рассмотрения писем явствует,

что существует два определенных периода в отношении заграницы к газ. «Правда». Первый период, связанный с организацией «ежедневной массовой рабочей газеты», какой затевалась тогда «Правда», является периодом, в который заграница особенно часто проявляла свое недовольство «примиренчеством» русской редакции из-за нежелания развернуть принципиальную полемику с ликвидаторством. Действительно, необходимо отметить, что русская коллегия, исходившая из непопулярности, как некоторые выражались, «фракционной грызни», первое время усиленно саботировала всякие поползновения со стороны заграницы говорить в газете открыто о ликвидаторстве и т. п. Она шла в этом отношении по пути наименьшего сопротивления, боясь вызвать слишком сильную агитацию против газеты в среде малосознательных рабочих. Вполне соглашаясь с заграничным центром, в принципиальном отношении к ликвидаторству, она все же считала, что вопросы полемики должны быть перенесены в органы, долженствующие обслуживать более сознательные круги, в частности, в параллельно существовавшую в этот период «Звезду». Скоро выяснилось, что подобного рода подход к массам совершенно не оправдывается практикой революционной борьбы. Массе нужны были прямые ответы на остро поставленные политические вопросы, она совершенно не хотела оставаться лишь в приготовительном классе подготовки к этой борьбе. А яркое расщепление двух принципиальных позиций и двух тактик в выступлениях обеих с.-д. фракций Государственной Думы ставило в упор вопрос о партии и ликвидаторстве. Мимо этого нельзя было пройти. Наконец, из помещаемого ниже письма Мартова и неизвестного, адресованного к Кранихфельду, отчасти видно, что представляло из себя настоящее лицо революционной рабочей массы, о котором не могут умолчать «промежь себя» даже ликвидаторы—масса была настроена определенно антиликвидаторски. Так или иначе существовавшая первоначально разница в оценке линии поведения газеты между заграницей и Россией сглаживается, а горькие упреки со стороны заграничного центра, имевшие место первое время, сменяются нотами большого удовлетворения в отношении лица газеты.

Приезд в Питер тов. Я. М. Свердлова, энергично взявшегося за выравнивание позиции «Правды», систематические нажимы тов. Сталина, наконец, внутренний перелом в самой редакции газеты привели к тому, что «Правда» становится ярким, боевым органом нашей партии. И, получая громадную материальную и моральную поддержку питерского пролетариата, она смело идет по пути организации российского рабочего движения по руслу борьбы за неурезанные лозунги, борьбы за революцию.

Но самой газете приходится не только бороться с чисто внешними препятствиями, временами она оказывается отданной как бы на поток и разорение чудовищной провокации, проводимой через, казалось, «верных» людей партии—проклятой памяти провокаторов Черномазова и Малиновского. Но, несмотря на все их ухищрения, у них оказываются руки «слишком короткими», чтобы можно было просто разбить такой дорогой палладиум классовой организации, каким являлась тогда газета «Правда». Несмотря на их стремление быть самыми левыми—подчас «левее здравого смысла», дабы стать «вне подозрений» или, может быть, именно поэтому, все их попытки разбить работу неизменно срываются.

А обстановка организованного недоверия, невольно их охватывающая, заставляет их чувствовать себя на положении Иуд и трусливо прятать охранные уши каждый раз, когда ими намечался новый подкоп против рабочей газеты.

Из писем видно то громадное внимание даже к мелочным практическим вопросам и в частности к очень прозаичному, но очень насущному вопросу о финансах, проявляемое за границей. Поражает и другая черта это—бесконечная готовность заграницы приспособляться к самым неблагоприятным условиям, «уступать» «России» даже по таким вопросам, где, казалось бы, простые директивы Центрального Комитета должны были безапелляционно и ненарушимо исполняться.

В настоящем кратком предисловии к письмам мы не собираемся давать серьезный анализ всех основных для характеристики текущего момента положений, это слишком бы усложнило работу. Мы думаем, что

опубликование части писем само по себе является достаточно большим вкладом в нашу партийную историю. Предоставим историкам партии в дальнейшем пользоваться этими документами для более серьезных исследований.

Настоящие письма получены нами в копии. Провокационная система департамента полиции очень часто приводила его к необходимости не только получения писем, но в целях систематической слежки за перепиской практиковать снятие копий с подлинников и посылать подлинники по назначению с тем, чтобы, не теряя нити переписки, дожидаться ответов на посланные письма и таким образом иметь возможность все время быть в курсе этой переписки. В результате ряд подлинников писем, даже попадавших в департамент, пересылался адресатам. Уже по одному этому не представляется возможным по почерку установить ряд авторов писем, не говоря уже о том, что ряд писем или переписывались чужой рукой, или просто диктовались. Все это очень затрудняет точное определение, кому в действительности принадлежит то или другое письмо. Все же из всех данных ясно, что большинство писем принадлежит Надежде Константиновне и Владимиру Ильичу. Оживленная переписка с „Правдой“ велась также Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым, но в настоящих письмах она отражена слабо. Ряд публикуемых нами писем носят, так сказать, коллективный характер. Основное письмо писалось Надеждой Константиновной, затем шли приписочки Владимира Ильича, Г. Е. Зиновьева, иногда Л. Б. Каменева. Ряд писем Надежды Константиновны являются не ее индивидуальными, а написаны ее почерком или при участии или под диктовку Владимира Ильича и др.

Публикуемые в этом сборнике письма являются лишь первой партией, и мы уверены, что в дальнейшем при более детальном обследовании архивов департамента полиции и всех других возможных источников мы сможем опубликовать дальнейшую переписку, касающуюся знаменательного правдистского периода.

В заключение необходимо отметить, что питерские товарищи, на которых отправлялись письма, не являлись, конечно, непосредственными адресатами. Представляя свои адреса, они осуществляли лишь службу связи между Россией и заграницей. Как видно по адресам, в числе последних были наши старые партийные товарищи, как Н. И. Подвойский, А. Е. Аксельрод и другие.

Хронологический перечень писем.

1) Зиновьев Г. Е. и
Каменев Л. Б. Париж 7-го апр. 1912 г. Г-же Левин.

2) Зиновьев Г. Е.	Париж	14-го апр. 1912 г.	M-lle Г. Левин.
3) Крупская Н. К.	»	20-го » »	Марии Федоровой.
4) Ленин В. И.	»	22-го » »	Бельскому.
5) Зиновьев Г. Е.	Краков	15-го июля »	Кон. газ. «Правда».
6) Зиновьев Г. Е.	»	21-го » »	» » »
7) Зиновьев Г. Е.	»	24-го » »	Кон. газ. «Невская Звезда».
8) Ленин В. И.	»	8 го сен. »	Кон. газ. «Правда».
9) Ленин В. И. и Зиновьев Г. Е.	»	2-го нояб. »	» » »
10) Ленин В. И.	»	26-го » »	» » »
11) Ленин В. И.	»	26-го » »	» » »
12) Крупская Н. К.	»	6-го дек. »	А. Е. Аксельроду.
13) Крупская Н. К.	Париж	20-го » »	»
14) Крупская Н. К.	Краков	23-го » »	»
15) Крупская Н. К.	»	27-го » »	»
16) Крупская Н. К. и 17) Зиновьев Г. Е.	»	24-го янв. 1913 г.	Н. И. Подвойскому.
18) Крупская Н. К.	»	8-го февр. »	»
19) Крупская Н. К.	»	12-го » »	»
20) Крупская Н. К.	»	15-го » »	»
21) Крупская Н. К.	»	19-го » »	п. пр. пов. Лазуркину.
22) Ленин В. И.	»	21-го » »	Кон. газ. «Правда».
23) Крупская Н. К.	»	21-го » »	Н. И. Подвойскому.
24) Крупская Н. К.	»	1-го мар. »	»
25) Крупская Н. К.	»	8-го » »	»
26) Крупская Н. К.	»	10-го » »	»
27) Крупская Н. К.	»	14-го » »	»
28) Крупская Н. К.	»	19-го » »	А. Е. Аксельроду.
29) Ленин В. И. (?), Каменев Л. (?) рук. Крупской Н. К.	»	5-го апр. »	С. И. Тимофеевой.
30) Крупская Н. К.	»	11-го » »	М. Н. Ковалевой.
31) Крупская Н. К.	»	1-го мая »	Н. И. Подвойскому.
32) Крупская Н. К.	Закопанье	7-го июня »	»
33) Крупская Н. К.	Поронин	3-го сен. »	А. А. Розенкранц (Киев).
34) Крупская Н. К.	Краков	9-го дек. »	Е. И. Кавтарадзе.
35) Крупская Н. К.	»	11-го » »	А. П. Самолею.

Письмо № 1.

Париж, 7 апреля 1912 года, С.-Петербург, г-же Левин, Невский, дом 82, кв. 13.

Дорогая Генр. Большое спасибо за все. Все получено. Теперь пиши все по адресу: Франция. Фамилия та же.

1) Будь добра достань № 19 [1]), оберни его в какую-нибудь другую (правую) газету и пришли по указанному адресу поскорее. 2) Прочитай письма, получи ответ на все вопросы и поскорее перешли. 3) Книжек о приказчиках непременно добейся у Н. Г. [2]) и вышли поскорей. Ну, всего, всего лучшего. В четверг, т.-е. через три дня, переезжаем в Арк. [3]). Отчего не найдешь другого адреса в С.-Петербург?

Приложения:

№ 1.

5 апреля.

№ 191) не получен вовсе. Нет ни у кого даже ни единого экземпляра. Пришлите, пожалуйста, парочку экземпляров.

1) Сообщаю вам адрес одного талантливейшего карика туриста, который, наверное, не откажется помогать вам: г. Орша, Могилевской губернии, Еврейское реальное училище. Учителю Пантелеймону Николаевичу Лепешинскому. Обратитесь к нему непременно. Будет очень полезен. 2) С корреспондентами устроено. Из Лондона и Брюсселя вы уже напечатали. Просят они только одного пока: чтобы

---

[1]) № 19 „Звезды".

[2]) Николай Гурьевич Полетаев. Член Госуд. Думы.

[3]) Аркашон.

им посылали бесплатно газету. Распорядитесь об этом непременно, а то потеряете корреспондентов. 3) Советуем обратиться к Орлу[1]) с заказом статьи к Юбилею Герцена. 4) Отчего не печатает Мруза (Мороз.). Перестанет писать. Вторая его вещь хороша. Может пойти вместо беллетристики. 5) Непременно вышлите нам № 19. Не видели номера. 6) Секл. становится невозможным. Чересчур длинно и скучно. Сократ.

№ 2.

6 апреля.

Получили ваше пессимистическое письмо. Если полицейские репрессии так сильны, то как же рисковать такой большой суммой и начинать два предприятия? Полторы тысячи составляют значительный процент всего того, что мы имеем. Можно ли это ставить на карту. Это—вывод из вашего письма. Но имейте в виду, что мы не берем назад своего обещания. По первому вашему письму или телеграмме деньги будут вам высланы (если нужно телеграфно). Итак, решайте вы—мы подчиняемся. Насчет 10 бывших людей—плюньте. Пусть идут на все четыре стороны, если не одумаются. Из полемических статей вы почему-то не пускаете ни ст. Ф. Л—ко, против Март. о тактике на выборах. Это невозможно. Там нецензурного ничего нет. А вопрос крайне важен. Ведь Март. лжет, будто Л—ко предложил соединиться с черносот. против либералов. Надо разъяснить. Отчего не печатаете мою статью: „Ответ на запрос". Она не устарела и сейчас. Со „Спутником Избир." [2]) вы нисколько не сели в калошу. Давайте объявление, что в конце апреля (по вашему стилю) выйдет в свет. Уже работаем. На первую главу есть хороший автор. Постараемся сделать короче. Если не удастся, поставите 20 коп. Только анонсируйте непременно. Пришлите непременно две—три книжки о приказчиках. Это очень важная тема, а материалов нет, имейте это в виду... Получили ли новую

[1]) П. Орловский.

[2]) „Спутник Избирателя", который был составлен за границей и издан „Прибоем", для подготовки к выборам в 4 Гос. Думу.

присылку отчета. Сегодня выслано еще пять листов. Осталось еще три листа, которые Кам. и Ал. [1]) обязуются закончить через неделю. Пишите о судьбе отчета. Надо начать майскую кампанию. Пришлем несколько статей. Может быть, вы бы выпустили маленькую брошюрочку (за 3 коп.). Если это возможно—сообщите, через неделю или раньше получите рукопись.

№ 3.

7 апреля.

Сегодняшняя почта принесла нам от вас две добрых новинки: 1) номер 21. Превосходная передовица. Мы все в восторге. Умно, талантливо и правильно. Передайте автору (это Б) [2]) от всех нас лучший привет. Браво, Браво. Привет и вам, надеемся вдохновителю этой прекрасной статьи и несущему вообще все тяготы прекрасного дела. 2) Получили ответ Бел. (оусова) [3]). Вот прелесть. Ведь это блестящее оправдание всей нашей тактики за пять лет из уст самого худшего противника. Это—орден нам. Эту вещь поставить надо в рамку и хранить для потомства. Конечно, если вы не велите печатать, то, разумеется, не напечатаем нигде. Но только не можете ли изменить дела? Нельзя ли это напечатать хоть в „Просвещении"? Ведь автору можно бы заплатить по рублю за строчку. Право. Это наверное Кузн. [4]) и комп. умоляли его не печатать. Пожалуйста, подумайте об этом и устройте, чтобы можно было напечатать. Это страшно важно. Может быть, можно назвать: из материалов фр. и т. п. Ответьте непременно. Насчет раб. газеты страшно рады, что начинается. Будем работать из всех сил. Какое будет название? Неужели хотите экспроприировать название здешней „Р. Г." [5])? Валяйте. Уступаем. Деньги—повторяем—будут высланы по первому вашему требованию. Можете быть вполне спокойны. Когда распу-

---

[1]) Каменев и Александров (Н. А. Семашко) (?)

[2]) Н. Батурин.

[3]) Ответ, присланный член. Думы Белоусовым с.-д. фракции, по поводу обвинений в ликвидаторстве.

[4]) Кузнецов. Член Гос. Думы.

[5]) „Рабочая Газета".

скают Думу? Что-то будет тогда... Думали ли вы о кандидатурах по СПБ. До нас доходят слухи, что ликвид. хотят по Втор. Гор. в СПБ. ставить Кузн. [1]). Верно ли это? Кстати еще: помните, В. И. [2]) говорил вам об одной необходимой кандидатуре по СПБ. (Гурьева) [3])? Надо бы, чтобы он (Гурьев) стал печатать хоть изредка небольшие статьи за своей подписью. Кстати. Избирательный закон дает право баллотироваться по второй курии уполномоченным от кооперативов и т. п. обществ. Это надо бы использовать для выставления нынешних наших депутатов по Москве и другим городам. Кто это у вас Дем. Бедный, очень талантливо пишет. Не может ли на ликвидаторов басню написать? Хорошо бы. Книжка получена. Спасибо. А где же протест путиловцев [4])?

Письмо № 2.

Париж, 14 апреля 1912 года, С.-Петербург, m-lle Г. Левин, Невский, 82, кв. 13. Для Н. Г. [5]).

„Спутник“ пишется. Будет готов на-днях. Вот точный список для анонса: 1) Избирательный закон 3-го июня 1907 года, 2) Программа главных партий и их деятельность в 3-й Думе, 3) Дума и рабочий вопрос, 4) Дума и крестьяне, 5) Дума и приказчики, 6) Дума и голод, 7) Дума и бюджет, 8) Сила рабочей партии в Европе.

Газеты не получаем. Распорядитесь, чтобы нам высылали завернутой в другую газету. Иначе нельзя работать. Скажите в конторе, чтобы посылали один экз. по адресу Аркашон (Послан в контору, но могут не послать без

---

[1]) Кузнецов. Член Гос. Думы.

[2]) Владимир Ильич.

[3]) Николай Гурьевич Полетаев (?).

[4]) Письма, очевидно, адресованы в Думскую фракцию (Полетаеву) и касаются, главным образом, „Звезды“. В письмах делается запрос о ежедневной „Рабочей Газете“ (будущей „Правде“), обещается материальная поддержка. Высказывается пожелание, чтобы за границу приехали И. П. Покровский и Н. Г. Полетаев, для устройства некоторых денежных дел и пр. Письма исходят от Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева. *Ред.*

[5]) Н. Г. Полетаев. Письмо писано Г. Е. Зиновьевым.

вашего распоряжения). 145 рублей получили. Надо ли из них давать еще 25 рублей бывшим депутатам?

Письмо № 3.

Париж, 20 апреля 1912 года, в С.-Петербург (Н. Крупская) [1], Марии Федоровой, Невская застава, Леснозаводская деревня, дом № 11, кв. 2.

Химический текст.

Дорогой друг. Уже давно нет от вас писем. Ужасно тревожно. Все ли вы целы? Как дела в Питере? Недавно получили из Питера письмо такого содержания: „с конференцией у них (ликвидаторов) дело идет здорово, чуть не П. К. [2]) высказался за их конференцию". Что знаете об этом? Хотя нам и писал С. [3]), что группа „Об'единение" состоит из 5 троцкистов-полуинтеллигентов, но они, видимо, не дремлют и совместно с впередовцами и „Живым Делом" делают все, чтобы разрушить работу состоявшейся конференции. Необходим отпор. Если среди партийно настроенных элементов есть убеждение во вреде ликвидаторов, необходимо им дать отпор. Троцкий поместил через своего приятеля в „Vorwärts" статью, теперь эту статью „Живое Дело" цитирует, как мнение интернационала. С нетерпением ждем вестей. Привет от товарищей.

Н. К. [4]).

Письмо № 4.

Париж, 22 апреля 1912 года. С.-Петербург, Г. Бельскому, Фонтанка, 49, Общество „Сокол".

Любезный коллега. Посылаю сегодня новый материал для „Спутника Избирателя". Тут почти все, еще будет

---

[1]) Пометки с указанием авторов писем в адресе здесь и в дальнейших письмах проставлены по данным быв. департамента полиции.

[2]) Петербургский Комитет С.-Д. (большевиков).

[3]) С. (?).

[4]) Письмо Надежды Константиновны, адресованное, вероятно, т. Н. Г. Полетаеву. *Ред.*

через два дня статейка—две отсюда и затем из Твери вы имеете получить статью о бюджете. 1) Очень советую еще перепечатать из „Звезды“ № 34 (17. XII. 11) статью Фрея [1]): „Роль рабочих выборщиков в избирательной кампании“. Хорошо бы также и статью его же из № 36 (31. XII. 11) „О роли крестьянских выборщиков“. Тоже перепечатать. Не гонитесь уж очень за сокращением размера. Лучше издать полную большую вещь, которая принесет пользу, толком руководя выборами. Не гонитесь за дешевизной и краткостью—лучше издать солидную вещь. Если в крайнем случае будет абсолютно невозможно издать все статьи, обязательно верните неизданные. 2) Здесь настоятельно необходимо позаботиться об аккуратной переписке. Пусть ваш секретарь пишет мне прямо сюда, а не через Аркашон, чтобы не было проволочки. Дайте адрес получше для писем вам. 3) Ликвидаторам напрасно не отвечаете. Это большая ошибка. Ответить можно и должно, ни слова не говоря о конференции, печатать на каждую ложь „Живого Дела“ краткий ответ: „Ж. Д.“ в номере таком-то лжет, как и все ликвидаторы. Необходимо отвечать, иначе вы теряете. 4) Если Плеханов будет писать, надо присылать сюда его статьи в гранках. Иначе выходит „привилегия“, которая для нас недопустима. Будьте осторожны. Вы заставите нас уйти, если Плеханову будет дана привилегия писать против конференции, когда мы не можем писать за. Ведь это подло—позволять ругать, когда нельзя хвалить. 5) Обязательно пришлите мне особым пакетиком, завернутым в „Новое Время“, №№ „Звезды“: 24 и 25 лета 1911 года, № 18 (54), № 19 (55), № 22 (58), № 23 (59)—мы их не имеем, и „Жив. Дел“ № 11 и № 26. Конфискуемые номера, пожалуйста, присылайте особо, заворачивая в правые газеты. 6) Известите скорей насчет ежедневной газеты. Какой будет формат? Какого размера статьи можно посылать? 7) Постарайтесь купить подешевле стен. отчеты 3-ей Думы, особенно сессии 1911—1912 года. Пишите [2]).

---

[1]) В. И. Ленин.

[2]) Настоящее письмо, очевидно, принадлежит Владимиру Ильичу. Все предыдущие письма, так же как и это, посланы из Парижа. Но

Письмо № 5.

Краков, 15 июля 1912 года. С.-Петербург, Николаевская, 37 кв. 18, в контору газеты „Правда“.

Уважаемые коллеги. Все ваши письма и вашу уважаемую газету регулярно получаем. Что до плана—то мы в общем принимаем тот план, который был в общих чертах намечен в одном из ваших писем. Подробнее разработать сейчас план пока трудно. Заграничный Отдел берем весь на себя, — раз будем обеспечены газетами. Будете получать корреспонденции о загранице в достаточном количестве. Насчет романа приняты все меры. Перевод устроим здесь. Можно получить и подходящие переводы с нов. польской беллетрист. Будете, конечно, платить переводчику особо. Подойдут для вас пока небольшие рассказы с немецкого (нумеров на 10). Ответьте. На темы, выдвинутые статьей Вит. [1]), постараемся прислать две статьи. Сообщите, подойдет ли для вас серия статей на тему: „Союзы хозяев и союзы рабочих“,—вроде того, что представляли собой статьи „Желтые союзы“. Автор тот же. Наметил себе приблизительно шесть фельетонов, а то и больше (6—10). Но не будет начинать, пока не ответите, подойдет ли. Не могли ли бы вы давать уже сейчас раз в неделю беллетристическо-научные и прочие приложения вроде того, что дает „Совр. Сл.“? Мы бы вам помогли. Не могли ли бы вы издать две—три маленькие брошюрки, вроде того, что издают теперь кадеты: 3-я Дума и бюджет; запросы в Думе, и т. д. Ответьте. Засим настоятельная просьба: в конце каждой недели обязательно писать, почему те или иные наши статьи не пошли—дабы мы могли руководиться в дальнейшем. И затем все, что не может быть использовано ни у вас, ни в „Н. З.“ [2]) (из написанного нами)—еженедельно возвращать нам. На этом мы настаиваем. Это очень важно для нас.—Из газет очень

Затем заграничное ЦК перебирается в Краков и Поронин, чтобы быть ближе к России и выгадывать на переписке. *Ред.*

[1]) Витимский (М. С. Ольминский).

[2]) „Невская Звезда“.

просим прислать нам поскорее № 4 „Нов. Гол.“ и дальнейшие нумера, если эта газета продолжает выходить, номера 14 и 15 „Зв.“ и последние №№ „Запросы Жизни“. Всего этого мы здесь достать не можем, а это нам крайне важно. Поторопитесь. Все получаемые книжки—сборники, статист. исследования и проч. очень просим присылать нам, хоть на время. Крайне нужно. Предвыборные воззвания, циркуляры, официальные издания и т. п. чрезвычайно желательно получать. Газеты и журналы мы выписали себе — самые необходимые. На полгода это составляет 200 крон с небольшим (80 р.).

Эти деньги будьте добры выслать немедленно, как условились. Это составит 15 рублей в месяц. Но зато и весь заграничный Отдел вам обслужим. Первые 100 рублей получены. Надеемся, что 1-го числа высланы и вторые сто рублей, и что в дальнейшем плата будет получаться регулярно. Между прочим: нам было обещано платить с 1-го июня—так что 100 рублей не дослано, а это едва ли следовало делать, имея в виду большие наши расходы на переезд. Очень просим дослать. Каков теперь тираж? Как с объявлениями? Каковы отзывы? Нам это очень интересно. На какие темы спрос? За указание будем очень благодарны. Почему еще не пошла статья Г. З. [1]) „Выб. по раб. кур. СПБ“? Ведь это очень важно. Насчет выборов теперь уж медлить с литерат. выступл. нельзя. Неужели в вашей уважаемой газете так никогда прямо и не будет сказано, что ликвидаторство вредно? Не надо излишней полемики, но это в связи с выборами в раб. кур. безусловно сказать надо. Ждем вестей, ответа на вопросы и указанных газет.

4/VII 12 г. [2]).

---

[1]) Г. Зиновьев.

[2]) Письмо, принадлежит Г. Е. Зиновьеву. Упоминаемые в письме суммы относятся к литературному гонорару за статьи и сотрудничество. В письме намечается план сотрудничества заграницы.

Ред.

Письмо № 6.

Краков, 21 июля, 1912 г. С.-Петербург. Николаевская, 37, кв. 18. В редакцию газеты „Правда“.

Уважаемые коллеги. Наконец мы получили роман (Самуэль-Искатель); прислать его вам неудобно, так как он либо вовсе застрянет в цензуре, либо продержат его минимум две недели. Прилагаем при этом короткий пересказ по главкам. Размер романа 9—10 листов (считая по 40.000 букв). Он недурен. Только немножко растянут и местами наивен. В начале можно будет сделать кое-какие сокращения. Все же роман в общем подойдет. Далее: мы нашли очень подходящий роман из рабочей жизни известного скандинавского писателя Нексе („Скандинавский Горький“, как его аттестует серьезная социалистическая печать). Роман этот интереснее и живее Самуэля. Но он вдвое больше по размерам. Сейчас печатается и в „Humanité“. К переводу того и другого романа можно приступить немедленно. Ответьте тотчас же письмом. А если вам спешно,—то телеграммой („Переводите Синклера“ или „переводите Нексе“). За доброкачественность перевода ответственность берем на себя. Итак—теперь дело за вами. Книг мы никаких не получаем, вопреки обещанию. Конечно, мы согласны давать простые и краткие рецензии. Но присылайте же во-время книжки (Пажитнов, например, и другие). Очень просим позаботиться об этом. Со спец. загран. корресп. дело обстоит так. При плате в две копейки и при возможности поместить 1—2 корр. в неделю это дает заработок 5 руб. в месяц. За эти деньги никто не будет работать. Но главное мы сами обслужим. Надеемся, вы уже сейчас убедились, что недостатков в заграничном материале у нас не будет. Будьте вполне спокойны. Где можно, устроим постоянных корресп. Теперь главное на счет общего характера газеты. Дело, несомненно, идет па улучшение, но недостатков, конечно, еще много. Главный недостаток на наш взгляд не столько однообразие, сколько недостаточно ярко выраженное направление. Что касается однообразия, то почему вы не пускаете статей такого ценного сотрудника, как Гра-

дов [1]), который пишет прекрасно, несколько другим голосом и уже во всяком случае несравненно живее и интереснее, чем, например, скучнейший Л. Вл. [2]). Так нельзя, так вы разгоните сотрудников. Градов сообщает, что из 8 вещей вы не пустили ни одной... А направление надо выразить ярче. Надо быть более полемичными, надо больше, если хотите, задору, нельзя обходить „больных“ вопросов, например, хоть того же ликвидаторства. Ведь главный оплот газеты, это несколько сот человек передового отряда рабочих. Они популяризируют газету, они создают общественное мнение о ней, они доставляют корреспонденции и проч. А эти рабочие несомненно интересуются ликвидаторством и вообще спорами внутри марксистов. Ваше решение избегать слово ликвидатор (как вы пишете) кажется нам глубоко ошибочным и прямо несбыточным, если не хотеть устраниться от самых живых споров и наполовину сдать позицию ликвидаторам. Умолчание (ну, хоть ваше странное молчание в течение 10 дней после совещания) плодит двусмысленность, и едва ли увеличивает число ваших преданных друзей. Выборы по рабочей курии в СПБ. несомненно будут сопровождаться борьбой по всей линии с ликвид. Это будет самый живой вопрос для передовиков-рабочих. А их газета будет молчать, избегать слова ликвидатор. Это будет политика, во всяком случае не могущая привлечь симпатии, поставить газету в центре живой жизни, живых споров и дебатов. То же относится и к выборам по гор. курии. Если продолжать ждать, пока какие-то „сторонники“ (чьи? уж не Троцкого ли?) будут совещаться с бессильными группками и мириться с ликвидаторами,—мы превратимся в посмешище. Ведь противник-то все использует. Нельзя тут ни медлить, ни выжидать, ни сторониться, ни занимать нейтралитет, ни избегать слова. Иначе—иначе события пройдут мимо нас. Чтобы оживить газету, надо стать в центре живой злободневной борьбы, другое дело форма. Берите слово только по самым существенным принципиальным вопросам. Но берите его. Иначе

---

[1]) Л. Б. Каменев.

[2]) Л. Владимиров.

будет получаться манная кашица, которой вы не удовлетворите тех сотен передовиков, на плечи которых ложится поддержка газеты. Вопрос о двойных кандидатурах—и о мире с ликвидаторами—безусловно принадлежит к таким жгучим принципиальным вопросам. Необходимо сказать прямо, что мира с ликвидаторами быть не может, что марксисты во всяком случае выставят своих кандидатов, а двойные кандидаты будут лишь там, где ликвидаторы пойдут против марксистов (но они нигде не пойдут: бессильны и трусливы). Рабочих прямо надо звать по раб. кур. ни в каком случае не пустить ликв. Отмалчиваться в этих вопросах значит совершать самоубийство. Мы сказали, уважаемые коллеги, свое мнение без обиняков. Надеемся и вы нам скажете прямо, в чем мы расходимся, если расходимся. И во всяком случае, вы, конечно, не посетуете, что мы сказали свое мнение прямо.

Ужасно хотелось бы (и нужно бы) перетолковать хоть с кем-нибудь одним из вас лично. Момент очень важный. Крайне просим приехать. Это стоит пустяк. Ответьте. Почему до сих пор не пошла статья „Свобода коалиции“? Неужели тоже потому, что это один из самых больных вопросов, интересующих каждого передовика? Но ведь там слова ликвид. автор не употребил. Ведь по существу вопроса мы, кажется, сходимся. Или нет? Во всяком случае: если статья эта так и не может быть помещена в вашем органе, то мы просим вернуть рукопись. Прилагаем список недостающих нам газет. Не откажите прислать поскорее. Будем очень благодарны. Конфиск. номера в одном экз. очень просим присылать вместе с другими газетами. Ведь это не преступное распространение. Еще и еще раз просим книжек. Без этого не можем разнообразить посылаемый материал. Черкните, не известно ли вам: что же это все-таки за „совещ.“ было в СПБ.? Ждем подробных писем. А где обещанные профес. органы? Денег за газеты не получили еще. Мы выписали: „Речь“, „Новое Время“, „Росс.“, „Гол. Моск.“, „Русск. Гол.“, „Рус. М.“. Очень просим прислать четыре последних номера „Запросы Жизни“.

1) „Звезда“ №№ 1, 2, 3, 4, 5, 7, 10, 11, 13, 17, 21, 22, 24, 28, 31 (лето 1911 г.)—по два экз. 2) „Звезда“ № 3,

(39), 13 (49), 22 (58). 3) „Невск. Зв.“ № 14 и 15 по два экз. 4) „Правда“ №№ 8, 51, 59. „Звезда“ №№ 24 и 25 (1911 года, лето) по два экз., „Звезда“ №№ 18 (54), 19 (55), 22 (58), 26 (62), 32 (68), за 1912 год по два экз.—„Невская Звезда“ № 14 1912 года (по пять экз.), „Правда“ № 59 (5 экз.), № 6 и № 8 (5 экз.), №№ 1—6, 8—10, 15—16, 18, 44—45 по одному экз. и „Живое Дело“ №№ 15, 16 по два экз., № 1 и 6 по два экз.

Приложение:

Краткое изложение по главам содержания романа „Самуэль-Искатель“ [1]).

Письмо № 7.

Краков, 24 июля 1912 года. С.-Петербург, Николаевская, 33, кв. 57, в контору газеты „Невская Звезда“.

Уважаемый коллега. Получил ваше большое письмо и вижу, что нам паки и паки надо объясниться. Сначала—частность. Корреспондентов не найти по 2 коп. за строчку. Пока нет денег, придется довольствоваться нашими статьями о загранице. Теперь—главное. Вы жалуетесь на однотонность. Но это будет всегда, если не помещать полемики, или сугубо резать Каменева (он пишет иным тоном),—если подгонять все под „подозрительное ликвидаторство“. И кроме того, сотрудников вообще вы разгоните, если будете не помещать и даже не отвечать и не отсылать назад статей (например, мои: Ответ Бланку — важно. „Неугасающие надежды“ и ряд других). Посмотрите: „Нев. Голос“ [2]) ведется живее. Он не боится полемики. Он задирает.

---

[1]) Письмо принадлежит Зиновьеву. Написано оно в то время, когда русская редакция „Правды“, заняв неясную примиренческую позицию, решила не пускать „полемики“ на страницы газеты (первый период существования газет). Заграничная редакция в письме приводит ряд доводов о невозможности обойти коренной вопрос о позиции ликвидаторства. Дальнейшее показало, насколько права была заграница. Впоследствии сама редакция „Правды“ должна была это признать и выявить до конца свою физиономию, вступив в решительную борьбу с ликвидаторством. *Ред.*

[2]) Газета ликвидаторов.

Он смело договаривает до конца. Обходя „больные вопросы“,—„Звезда“ и „Правда“ делают себя сухими и однотонными, неинтересными, небоевыми органами. Социалистический орган должен вести полемику. Наше время—время отчаянного разброда, и без полемики не обойтись. Вопрос,—вести ее живо, нападать, выдвигая вопросы самостоятельно или только обороняясь, сухо, скучно. Например, „Сторонник Звезды“ в номере 16 ответил хорошо. Видно, что это человек иронизма. Но все же он не рассеял „страшных“ опасений, порожденных повсюду (я имею ряд писем) номером 6-м „Н. Голоса“. Что же все-таки? было совещание? Чье? Зачем? Все это неясно. А без выяснения этого никто не хочет работать. Всякий говорит: в праве же я знать, для кого я работаю, кого я помогаю проводить в Думу? Не ликвидатора ли? Не путанного ли примиренца-троцкиста? Не участвую ли я в составлении (косвенно) „общей платформы“? Подобные вопросы парализуют энергию, вносят разложение. А „Н. Голос“ бойко нападает, ведется задорнее. От рабочих нельзя, вредно, губительно, смешно скрывать разногласия (как делает „Правда“). Нельзя давать противнику „Н. Голосу“ начинать разговор о разногласиях. „Правда“ погибнет, как только „популярный“, „положительный“ орган, это—несомненно. Она победила бы наверное, если бы не боялась полемики, говорила прямо о ликвидаторах, оживлялась фельетоном против Аксельрода и т. п. Такие статьи, как Аксельрода, привлекают: рабочие все слышат о разногласиях и тянутся к открытым разъяснениям Аксельрода, договаривающего вещи во сто раз более смело, чем мы. Все рабочие слышат только об единой платформе, все вожаки рабочих знают фельетоны Аксельрода; если вы промолчите, вы отстали. А газета, которая отстает, погибнет. Газета должна итти впереди всех. Рядом с двумя положительными статейками „Правда“ должна давать полемику,—литер. заметку Каменева—фельетон с насмешкой над ликвидат. и т. п. Однотонность и запаздывание несовместимы с газетным делом. А на „Правде“ лежит еще особая сугубо важная обязанность: „Кого она поведет“—вот о чем все спрашивают, все вычитывают между строк. Здесь бы (раз в четыре года перед

выборами) важно свидание—нельзя газету вести без редких, хотя бы, свиданий с постоянными сотрудниками. Подумайте об этом хорошенько и скорехонько, ибо время не терпит [1]).

Письмо № 8.

Краков, 8 сентября 1912 года (Ульянов), С.-Петербург, Ямская, 2, в контору газеты „Правда".

Уважаемый коллега, вы еще раз напоминаете мне об адресе знакомого. Этот адрес вы раз у меня просили и я его вам послал.

Рукопись Данского [2]) получена. Удивлен крайне, что сегодня, получив от вас и „Правду" и кучку черных газет, не получил четвергового „Невского Голоса", а мне, по ряду важных причин, крайне необходимо тотчас иметь выходящий „Нев. Гол.". Если он не вышел, не поленитесь, пожалуйста черкнуть, об этом тотчас два слова. Мне крайне важно знать, как можно скорее, вышел ли он 23 августа, в четверг (как обещал „Невский Голос" 17 августа), и если вышел, то получить экземплярчик. Кстати: давно послал я вам список недостающих в моем комплекте №№ „Звезды", „Нев. Зв.", „Правды", „Жив. Дела". Вы все не отвечаете, можете ли послать. А между тем один общий знакомый сообщил мне на-днях, что комплекты „Зв." и „Нев. Зв." у вас имеются. Черкните, пожалуйста, сохранился ли список, посланный мной, и сможете ли вы послать недостающие номера (пользуюсь случаем, чтобы поздравить тов. Витимского) [3]). Надеюсь, вас не затруднит передать это письмо ему с замечательно удачной статьей, полученной мною сегодня в „Правде" (№ 98). Чрезвычайно кстати взята тема и разработана в краткой, но ясной форме превосходно. Хорошо бы вообще от времени до времени вспоминать, цитировать и растолковывать в „Правде" Щедрина и других писателей „старой" народнической демократии.

---

[1]) Письмо принадлежит Зиновьеву. *Ред.*
[2]) К. А. Комаровский.
[3]) М. С. Ольминский.

Для читателей „Правды“—для 25.000—это было бы уместно, интересно да и получилось бы освещение теперешних вопросов рабочей демократии с иной стороны, иным голосом.

Какой тираж „Правды“? Не думаете ли, что была бы полезна ежемесячная статистика, хотя бы краткая (тираж, название города и района)? Какие могут быть соображения за то, чтобы не печатать ее? Если нет особых соображений, то следовало бы, мне кажется, печатать.

Чуть не забыл. Мы получили ряд жалоб из разных мест заграницы, что ни при подписке, ни при посылке денег за особые номера „Правда“ не приходит. Я не получаю правильно теперь. Значит, несомненно, в экспедиции не все в порядке. Пожалуйста, примите меры поэнергичнее. Посмотрите сами письма из-за границы и о подписке и добейтесь толку.

Приложение: „В контору газеты „Правда“.

Очень прошу высылать мне, как сотруднику, один экземпляр вашей уваж. газеты по следующему адресу: Краков, улица Любомирского, 35, Радомысльскому.

С уважением Гр. [1]).

Письмо № 9.

Краков, 2 ноября 1912 года (Вл. Ленин), С.-Петербург, в контору газеты „Правда“, Ямская, 2, кв. 14.

Уваж. коллега. Сегодня прочел в „Пр.“ и в „Луче“ об итоге выборов по потребит. курии в Питере. Не могу не выразить вам по поводу передовой номера 146 приветствие: в момент поражения, нанесенного не с.-д.-тами (из анализа цифры ясно, что ликвидаторов провели не с.-д.-ты), редакция сразу взяла правильный твердый, достойный тон указания назначения принципиальной позиции протеста против „принижения“. Не поймите превратно этих строк.— Не думайте, что они вызваны чем-либо иным. Кроме желания поделиться мыслями, столь естественного для постоянного сотрудника. Время было тяжелое. Борьба трудная. Сделано было почти все возможное, но распад

[1]) Г. Е. Зиновьев.

сказался, и партийные отдали голоса оппортунистам. Тем настоятельнее строго принципиальная настойчивая и упорная работа сплоченного целого (сплоченной редакции, например, или коллегии сотрудников и т. п.), чтобы противодействовать распаду.

Крайне важно не обрывать работу изучения выборов, начатую „Пр.“, а продолжать ее. Собрать и напечатать голоса всех кандидатов (у вас есть только 9 из 13). Собрать и напечатать анкету о том, как голосовали беспартийные, как голосовали путиловцы (7 и 2 ликв.), семянниковцы (2 и 1 ликв.) и т. д. по заводам.

Только „Правда“ может успешно выполнить это важное дело.

Привет и лучшие пожелания. В. Ленин.

Приложение, написанное другим почерком [1]).

Дорогие друзья. Мы сегодня еще переживаем те неприятные минуты, которые вы пережили в среду. Не знаем еще участи 6-го [2]). Но, повидимому, надо ждать худшего. Что делать. Авось Москва и пр. поправят. Если при таком перекрашивании ликвидаторов все же удалось нам собрать половину, значит все же не беда. Будем теперь от имени половины вести непримиримую линию дальше в духе передовицы № 146. Цифровым анализом легко будет доказать, что силы были по меньшей мере равные и что решила группа беспартийных.

Если прошел Суд. [3]), то посмотрим еще, чем он будет через несколько месяцев, когда станут принципиальные вопросы. Теперь хорошо бы повести спокойную разъяснительную полемику о существенных разногласиях. Как ни прячутся лучисты, а ликвидат. у них проскальзывает частенько. Надо разоблачить. Напрасно сократили Плеханова. О кавказцах и б-де надо было обязательно пустить. Могли бы сделать это и сейчас. Надо бы непременно начать помещать портреты и биографии всех с.-д. рабочих депу-

---

[1]) Примечание департамента полиции. *Ред.*

[2]) 6-го члена Гос. Думы от рабочей курии (очевидно, депутата от Петербурга).

[3]) П. И. Судаков.

татов, проходящих в 4-ю Думу, а каждого вновь приезжающего непременно заставлять помещать в „Пр." хоть одну заметку. (Рассказ о выборах и пр.) Это было бы очень хорошо. Привет... [1]).

Письмо № 10.

Краков, 26 ноября 1912 года (Ленин), С.-Петербург, в контору газеты „Правда", Ямская, 2, кв. 14.

Дорогой коллега, посылаем вам петербургский наказ, который случайно, благодаря очень быстрой оказии из Питера, попал к нам в руки. Непременно поместите этот наказ петербургскому депутату на видном месте крупным шрифтом. Совершенно недопустимо, что „Луч", искажая наказ, уже говорит о нем и помещает заметки, а „Правда", сторонники которой наказ составили, провели, пустили в ход, молчит о нем... Что же это такое? Неужели рабочая газета может существовать, если она будет с таким пренебрежением относиться к тому, что интересует рабочих? (Само собой понятно, что в случае нецензурности отдельных выражений и фраз возможны частные изменения, как это обычно делается в таких случаях.) Но не помещать такой вещи, значит не только создавать почву для сотен конфликтов, в которых „Правда" окажется виновной, но и портить сильнейшим образом чисто газетное дело, дело распространения и постановки газеты, как предприятия. Газета ведь не такая вещь, что читатель почитывает— писатель пописывает. Газета должна сама искать, сама вовремя находить и своевременно помещать известный материал. Газета должна искать и находить нужные ей связи. А тут вдруг наказ петербургскому депутату, от сторонников „Правды" исходящий, а в „Правде" нет... Ответьте, пожалуйста, немедленно по получении этого письма [2]).

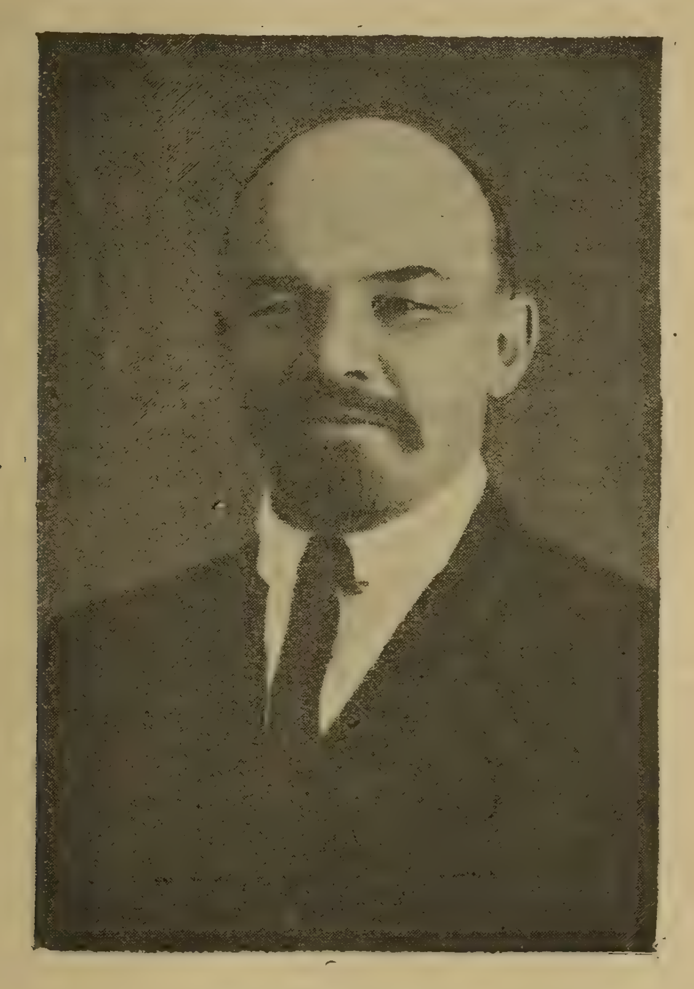
---

[1]) Письмо написано В. И. Лениным, приписка, очевидно, Г. Е. Зиновьева. *Ред.*

[2]) Наказ был напечатан в „Правде", очевидно, вышла задержка в его напечатании, в результате чего из-за границы было прислано настоящее письмо тов. Ленина. *Ред.*

Письмо № 11.

Краков, 26 ноября 1912 года (Ленин), С.-Петербург, в контору газеты „Правда“, Ямская, 2, кв. 14.

В. И. Ульянов-Ленин.

Дорогой коллега. С крайней печалью увидели мы два промаха в воскресном номере „Правды“: во-первых, нет статейки о „Базельск. конгрессе“, во-вторых, не напечатано

приветствия конгрессу Бадаева [1]) и других. По первому пункту есть и наша вина, ибо мы такой статьи не послали. Мы были заняты крайне экстренно важным делом. Написать такую статью было бы совсем нетрудно, а что в воскресенье открывается съезд, редакция „Правды" знала. Второе же упущение целиком лежит на Бадаеве. Совершенно непростительно, что он не заботится о своей газете: что он подписывает что бы то ни было, не неся этого тотчас в свою газету. Рабочая газета в Питере без сотрудничества рабочего депутата Питера (да еще сторонника „Правды")—вещь нелепая. Крайне необходимо уделить этому важному пробелу как можно больше внимания и со стороны всей редакции и со стороны Батурина [2]) (которому, кстати, прошу передать это письмо и от которого очень бы приятно иметь пару строк) и со стороны депутата.

Вы просили адрес Горького. Вот он:
Вот вам адрес корреспондента в Риме. Напишите ему. Он будет писать в „Правде": Б. Антонов, 47, Рим. Италия.

Почему не посылаете следуемых денег? Опоздание нас сильно стесняет. Не опаздывайте, пожалуйста. Почему не ответили на просьбу напечатать в газете объявление, что редакция ищет номера 5—10 „Правды"? Желаю лучшего. Ваш В. [3]).

Письмо № 12.

Краков, 6 декабря 1912 года, в Петербург, Калашниковское Отделение Русского для внешней торговли банка. Александру Ефремовичу Аксельроду.

Химический текст.

Для Васильева [4]).

Дорогой друг, насчет 9-го января крайне важно обдумать и подготовить дело заранее. Заранее должен быть готов листок с призывом к митингам, однодневной стачке и демонстрациям (сие должно быть решено на месте, на

---

[1]) Вновь избранный депутат в 4-ю Гос. Думу.

[2]) Н. Н. Батурин (Н. Н. Замятин), бывший тогда ответственным редактором „Правды".

[3]) В. И. Ленин.

[4]) И. Сталин.

месте виднее). Надо поправить ошибку 15-го XI, поправить против оппортунистов, конечно. Лозунги листка должны быть три революционные (Республ., 8 ч.р.д. и конф. помещ. земл.) с особым подчеркиванием 300-летия „позора" Романовской династии. Ежели нет полной и полнейшей уверенности в возможности иметь листок в Питере, надо заранее во-время заготовить его здесь и привезти. Наглость ликвидаторов по вопросу о Яг. [1]) беспримерна. Если у нас все шесть по рабочей курии, нельзя молча подчиняться каким-то сибирякам. Обязательно шестерке выступить с самым резким протестом, ежели ее майоризируют напечатать протест в „Дне" [2]) и заявить, что они апеллируют к низам, к организациям рабочих. Ликвидаторы хотят вздуть свое большинство и протащить раскол с польск. с.-д. Неужели представители рабочих шести рабочих губерний подчинятся Скобелевым и К°? Или случайному сибиряку? [3]). Пишите почаще и побольше, подробнее. Статьи „Луча" против стачек—верх низости. Надо резко выступить нелегально. Пишите скорее, на каком из намеченных вами планов такого выступления вы останавливаетесь. Привет.

Верните документ—жить по нему неудобно. Владелец может быть в Питере [4]).

Письмо № 13.

Париж, 20 декабря н. ст. 1912 года (Н. Крупская), в С.-Петербург, Александру Ефремовичу Аксельроду. Калашниковское Отделение Русского для внешней торговли Банка.

Химический текст.

Для Васильева [1]) и № 3 [2]). Дорогие друзья. Сегодня получили ваше известие о том, что большинство коопера-

---

[1]) Ягелло; вопрос идет о принятии его в с.-д. фракцию, хотя он прошел в Варшаве, как п. п. с - овец, против с.-д. Польши и Литвы.

[2]) „Правда".

[3]) Маньков „беспартийный" с.-д., прошедший от Сибири.

[4]) Вопрос идет, очевидно, о паспорте, который мог взять с собой тов. Сталин при проезде из-за границы.

Письмо Н. К. Крупской. *Ред.*

тива [3]) водворило опять нац.-культ. автономию в угоду еврейским националистам и прочей компании. Что это,— издевательство над 6-ю? Неужели эти господа не понимают, что, разъясняя программу в угоду этой компании, они тем самым освобождают от подчинения меньшинство? Ведь это же публичное позорище то, что они одолевают, пользуясь одним голосом случайно путано-меньшевика или же опираясь, может быть, в этом вопросе на № 16 [4]). Мы не знаем, что̀ предпринимала по этому поводу шестерка.

Но как можно тут молча подчиняться, как может № 3 согласиться читать такую мерзость публично (и тем брать на себя ответственность), как могла шестерка (или хотя бы один № 3) не выступить немедленно в „Дне" с заявлением, что эти господа издеваются над программой и ведут к расколу,—мы решительно не понимаем. Ведь если молчать, то еврейские марксисты [5]) завтра верхом будут на нас ездить. Вообще есть предел. И если эти господа думают, что меньшинство обязано подчиняться и тогда, когда явно рвут в клочья программу, то они жестоко ошибаются.

Мы посылаем одну статью о культ.-нац. автономии общую, еще до вашего письма (там цитиров. Плех.: Кавказцы и Бунд приспособляют социализм к национализму). Сегодня шлем статьи уже прямо против кооператива. Просим вас содействовать помещению их возможно скорее и думаем, что если еще не поздно, вы должны решительными мерами попытаться избежать измены программы Необходимо воевать, раз те идут на такие шаги. Насчет слияния „Вечерней Почты" [6]) с „Днем", вы, вероятно, вынесете резолюцию все, за исключением ликвидирующих. Нечего и говорить, что с их стороны это было жульничество и что ни на что общее мы не пойдем. Почему же

---

[1]) И. В. Сталин.

[2]) № 3—Р. Малиновский.

[3]) Кооператив—Думская фракция.

[4]) № 16 (?)

[5]) Бундовцы.

[6]) Очевидно, идет речь об одном из проектов слияния ликвидаторского „Луча" с „Правдой".

только четверо едут? Мы очень, очень просим добиться приезда всей шестерки. Это крайне важно [1]).

Письмо № 14.

Краков, 23 декабря 1912 года (Н. Крупская), в С.-Петербург, Калашниковское Отделение Русского для внешней торговли банка. Александру Ефремовичу Аксельроду.

Химический текст.

Васильеву. Дорогой друг. Дела в В. [2]) ставят все вверх дном и грозят разрушить нашу здешнюю базу как раз в тот момент, когда можно бы надеяться на плодотворную работу. Мы настаиваем на том, чтобы приезжие (вы обязательно должны быть в их числе) привезли с собой самые точные и самые детально-подробные цифровые данные о бюджете В.—как о доходах, так и о расходах. Когда вам говорят общие суммарные цифры, ничего толком решить нельзя. Надо вникнуть самым подробным образом, что стоит бумага, набор, администрация, сотрудники, что дают объявления, розница, подписка и пр., и сделать решительные выводы. Иначе—пустые разговоры и неизвестно, нет ли в самом деле той панамы, о которой вы писали. Далее—относительно гонорара. Дело было так. Два дня назад нам пишут: „завтра высылаем вам гонорар". Через два дня ваша краткая записка, что не будут и не могут посылать. Вопрос важен потому, что без этого гонорара не можем совершенно существовать хотя бы самое короткое время. И если его нет, придется покинуть К. [3]), ибо здесь заработка никакого не найти. А В., как показал опыт, местными силами не может обеспечить ни направления, ни вообще литературной стороны. Последствия, вытекающие из отказа в плате, как видится, будут серьезны. В связи

---

[1]) Письмо направлено в российское Бюро Ц. К. и думскую фракцию (шестерке). Речь в письме идет о декларации по национальному вопросу, сформулированной фракцией в духе точки зрения Бунда (культурно-национальная автономия). *Ред.*

[2]) „Правда".

[3]) г. Краков.

с этим надо тщательно еще раз все взвесить. Здесь остались только гроши, которых тратить нельзя. И если В. так и не может платить, остается думать о ликвидации здешних дел. Десятки раз (без всякого преувеличения) мы пишем, что надо начать кампанию за годовую и полугодовую подписку. Не утопия собрать тысячи две новых подписчиков и тем создать фонд в несколько тысяч рублей. Этот фонд дал бы возможность увеличить размер и вообще продержаться. В ответ полное молчание. Почему? Кто там сидит? Неужели люди, не понимающие таких азбучных вещей? Одного объявления со списком сотрудников недостаточно. Надо давать статьи, объясняющие важность подписки (мы послали с десяток), надо звать в каждом номере плакатами, одним словом, надо развить энергию. Итак: 1) приезжайте, 2) убедите ехать всю шестерку, 3) привезите самые подробные цифры о В., 4) заставьте их начать энергичную кампанию подписки, 5) поставьте вопрос о пересмотре насчет нашего гонорара, 6) где человек за товаром? Очень хотели бы, чтобы приехала также и Вера [1]). Спице [2]) писали трижды, просили приехать в Питер, а на Рождестве приехать к нам. Ни звука в ответ. Беспокоимся. „Речью“ № 3 и заявлением очень довольны. Речь хороша, заявление прилично. Как же быть с листком? Текст вы имеете, ждем поправок, так как вы пишете, что им недовольны. Теперь поправлять трудновато [3]).

Письмо № 15.

Краков, 27 декабря 1912 года (Н. Крупская), С.-Петербург, Александру Ефремовичу Аксельроду. Калашниковское Отделение русского для внешней торговли банка.

Явный текст.

Дорогой друже. Получили сегодня сразу два ваших письма, одно сердитее другого. Корите в нервничании, по-

---

[1]) Валентина Николаевна Лобова.

[2]) В. И. Невский.

[3]) Письмо адресовано, очевидно, тов. Сталину. Заграница периодически ставила перед русскими товарищами вопрос о необходимости реорганизации финансового положения газеты. И как всегда, правильно нащупывала больную сторону. Вопрос об упорядочении финансов неоднократно ставился и русскими товарищами, но отсутствие людей, вечные конфискации и аресты работников страшно парализовали работу. *Ред.*

сами нервничаете не меньше. Оно вполне понятно, но к чему уж хватать через край, и поклепы всякие на нас возводить. Предполагали, что все, что посылается в В., читается вами и без вашего ведома не делается ничего. Но знайте, и мы сегодня были поражены, увидев расширение списка сотрудников инженерами Менни [1]) и проч. Это во всяком случае без нашего ведома. Не поспешили ли, повторяем опять и опять—надо приналечь на подписочную кампанию. Важно чрезвычайно. Надеемся, что скоро приедут к нам Вася и Вера [2]) с детьми. То-то поболтаем. Звали также и Володю [3]), но он пишет, что ему трудно получить отпуск, все же постарается.

Химический текст.

Васильеву. Надеемся скоро увидеть Василия. Тогда поговорим обо всем. Необходимо: во-первых, шифр с П. К. [4]), второе, явка к нему, третье, по крайней мере десяток адресов для посылки литературы конвертом, при чем нельзя смешивать, адресов для писем и для литературы, четвертое, что же Миша [5])? Получил ли деньги? Если нет, надо вытребовать обратно. Где же одесские связи, которые он обещал; пятое, необходимо связать нас с целым рядом местных работников, а то ничего о Питере так и не знаем. Связались с Орловск. [6]). Теперь он, вероятно, будет писать в В. Насчет аппарата поговорим при свидании. Когда именно можно ждать Васю и проч. Володю—Спицу.

Письмо № 16.

Краков, 24 января 1913 года. С.-Петербург (Н. Крупской) Николаю Ильичу Подвойскому, Галерная, 5, кв. 17.

По поводу конференции с.-д.

Химический текст.

24-го. 1) Письмо первое. Дорогой друг. Что же от вас нет писем. Исполняю постановление и сообщаю о делах.

---

[1]) Речь идет об авторе романа „Инженер Менни“ А. Богданове.
[2]) Очевидно, тов.тов. Сталин и Лобова.
[3]) Тов. В. Невский.
[4]) Петербургский Комитет.
[5]) Миша (?)...
[6]) В. Воровский.

По поводу приглашения немецкого „Форштанда“ на конференцию Плеханов, по словам Стеклова, ответил будто бы так: „лично я-де не пойду, а только как представитель ме-ков и б-ков партийцев. Но вообще меня останавливает такое соображение. Вы обратились к О. К.[1]), но О. К. состоит между прочим из ликвидаторов, в нашу партию не входящих, и из ликвидаторов, в партии оставшихся, но со специальной целью помогать внутри ликвидаторам, стоящим вне. Как же нам итти на совещание, когда вы приглашаете не входящие в нашу партию элементы? Этим вы даете прекрасный повод Ленину совсем отказаться от совещания. Кто кому будет давать „амнистию“: партия ликвидаторам, или они партии? Кончается будто так: „ввиду слабости моего здоровья, прошу назначить совещание на юге, хотя я, впрочем, думаю, что, ввиду вышеизложенных обстоятельств, вообще мое здоровье вряд ли подвергнется риску, впрочем, я очень рад единству“. Таково письмо Плеханова, по словам Стеклова. Вообще говоря, оно похоже на Плеханова. Из Вены пишут, что „Бунд“ возмущен, что его не пригласили еще особо на совещание, хотят двойного представительства. Согласие О. К. еще под вопросом.

Из России получили письмо из Баку,—там складывается б-ская организация: группа рабочих в 20 человек, принявшие резолюцию по поводу подписей в „Луче“ (ее пошлю завтра), городской район (23 человека) и Балаханский (50 чел.). На-днях пришлют явки и адреса и прочее. Имеются явки и адреса в Киев. Из Екатеринослава пришло очень интересное письмо. В. [2]) вошел в организацию, организация б-ская, к „Лучу“ отношение самое отрицательное. Что Андрей [3])?

Письмо № 17.

Дальше письмо Гр. [4]).

Дорогие друзья. Сегодня послал материал о катастрофе на Пороховом. Прошу передать № 1-му [5]). Истребуйте сей-

---

[1]) Организационная комиссия—ликвидаторов.
[2]) Владимир Залежский.
[3]) Я. М. Свердлов.
[4]) Г. Е. Зиновьева.
[5]) А. Е. Бадаев.

час, а то затеряют. Прошу ответить, то ли это, что нужно было, т.-е. удовлетворительно ли. 2) Очень советую обратить внимание на то, что по возвращении с капикул каждый должен сообщить в газету все, что он видел на местах, пример Харьков. Забастовка. Екатеринослав. Взрыв и проч. Вера [1]) должна заняться этим в первую очередь, это очень важно. Чего нельзя напечатать, то сообщите нам для использования, 3) письмо от московской газеты одного [2]) (или лучше троих) следует пустить как можно скорее. Иначе может вмешаться кооператив [3]), как таковой (т.-е. как целое). А из этого ничего, кроме вреда не выйдет. Торопитесь всячески. 4) „День“ [4]) ведет себя все более глупо. Чего стоит одна глупая свора и объявления „Раб. Гол.“. Чего стоит рекламирование „Бунда“. А по важным вопросам молчат. Господи, когда же кончится это позорище! Очень просим выслать нам еврейскую газету „Цейт“ и высылать ее постоянно. Раньше нам из редакции посылали „Русскую Молву“, „Киевскую Мысль“, черносотенные газеты и проч. Теперь прекратили. Устройте опять высылку. Нужно для работы. Ждем подробных писем. Писать приходится очень часто, одного адреса для писем мало. Дайте еще. Это, собственно говоря, уже третье письмо, только нумерацию начали с этого. Нумеруйте и вы письма. Пишите.

Гр. [5]).

---

[1]) В. Лобова.

[2]) Очевидно, имеется в виду Малиновский, как депутат от Москвы.

[3]) Думская фракция.

[4]) „Правда“.

[5]) Г. Е. Зиновьев.

Письмо № 16 принадлежит Надежде Константиновне, второе—Г. Е. Зиновьеву.

В письме Г. Е. Зиновьева в первой части вопрос идет об организации в Москве большевистской газеты (п. 3). В письме предупреждается, чтобы идею организации там газеты не перехватила Думская фракция, в которой имелось большинство (правда, в один голос) ликвидаторов. В письме высказывается энергичный протест (п. 4) против расплывчатости позиций редакции „Правды“ по вопросу о принципиальной позиции в борьбе с ликвидаторством. *Ред.*

Письмо № 18.

Краков. 8 февраля 1913 года (Н. Крупская) в С.-Петербург, Н. И. Подвойскому, Галерная, 5, кв. 17.

Химический текст.

Тов. Андрею [1]), а если его нет в Питере, то №№ 3-му [2]), 6-му [3]) и др. Дорогой друг. Крайне жаль было услышать, что вы полагаете, будто Василий [4]) преувеличивает значение „Дня". На самом деле именно в „Дне" и его постановке теперь гвоздь положения. Не добившись реформы и правильной постановки здесь, мы придем к банкротству и материальному и политическому. „День" есть необходимое организационное средство для сплочения и поднятия движения. Только через это средство может итти теперь необходимый приток людей и средств на то, что вы отмечаете. Дела в Питере плохи больше всего от того, что плох „День" и мы не умеем или тамошняя коллегия „Редакторов" мешает использовать „День".

25.000 по одной копейке в месяц даст 250 рублей. Помните твердо, что иных источников вообще нет. Все положение дел вообще решит теперь исход борьбы с ликвидаторами в Питере: это ясно. А эту борьбу может решить только правильная постановка „Дня". Если верно, что №№ 1-й [5]) и 3-й или 3-й и 6-й стоят за осторожность с реформами „Дня", то это очень грустно. Повторяем: это пахнет банкротством. Надо серьезно спеться и взяться за реформу „Дня". 1) Нужна отчетность до копейки; 2) получил ли № 1-й письмо об этом? 3) прочли ли вы это письмо? 4) нужно взять деньги (приход и подписные) в свои руки? 5) сделают ли это и когда будет сделано? 6) необходимо посадить свою редакцию „Дня" и разогнать теперешнюю. Ведется дело сейчас из рук вон плохо. Реклама бундовским ликвидаторам („Цейт") и не с.-д.-ту

---

[1]) Я. М. Свердлов.

[2]) Р. Малиновский.

[3]) Г. И. Петровский.

[4]) Сталин.

[5]) Бадаев.

Ягелло прямо позорна. Отсутствие кампании за единство снизу—глупо и подло. Молчат об объединении на Вас. Остр., об отказе ликвидаторов, не умеют ответить на № 101 „Луча“ на их ответ,—ну, разве люди эти редакторы? Это не люди, а жалкие тряпки и губители дела.

Использование „Дня“ для осведомления сознательных рабочих и их работы (П. К. особенно) ниже всякой критики. Надо покончить с так называемой „автономией“ этих горе-редакторов. Надо вам взяться за дело прежде всего. Засесть в „бест“ к № 1-му. Завести телефон. Взять редакцию в свои руки. Привлечь помощников. Вы один—часть подобных сил, простые исполнители при нашей работе, отсюда вполне сможете поставить дело. При правильной постановке этого дела разовьется и работа П. К., который до смешного беспомощен, не умеет слова сказать, упускает все случаи выступления. А выступать он должен почти ежедневно легально (от имени „влиятельных рабочих“ и т. д.) и хоть раз—два в месяц нелегально. Еще и еще раз: гвоздь всей ситуации в „Дне“. Здесь можно победить и тогда (только тогда) наладить и местную работу. Иначе все провалится.

С московской газетой надо подождать. Но № 3-й и его двое коллег должны выступить тотчас с письмом. Их промедление непростительно. Тотчас выступить, занять позицию, заявить, что это дело наше—их трех, что они хозяева (иначе отшибут ликвидаторы), уже много упущено, спешите. Итак, выступление обязательно. Почему бы и № 3-му не быть издателем? Каково вообще распределение работ у №№ 1-го, 3-го, 6-го и их близких друзей? Был ли доклад? Есть ли полное согласие?

Дорогие друзья. Что же никто не пишет ни о чем? Что сталось с Филиппом [1])? Отчего Андрей ни словечка не пишет о своих впечатлениях и о своей оценке положения дел в Питере? Пусть даст адрес для писем к нему. Необходимы адреса для писем и для посылок. Нельзя на один адрес писать всем. Необходимо адреса три—четыре. Ждем письма от № 6-го. Получили ли наше письмо, посланное

---

[1]) Голощекин.

на его адрес. Адреса для конвертов Алексея [1]) явно негодны. По ним послано очень много, на фиктивные адреса в учебные заведения, доходит или очень плохо, или вовсе не доходит. Надо другие адреса.

Троцкий ездил вместе с № 8-м [2]) в Берлин к немцам по поводу совещания, но результаты неизвестны.

Сегодня посылается в „День“ статья к вопросу об основах нашего бюджета для № 3-го. Затребуйте немедля. Пусть кто-либо с хорошим голосом прочтет ее № 3-му (у которого слуховая память). Известите о получении.

Еще Фрей [3]) просит написать ему точно срок, когда будет нужна статья к вопросу о бюджете, у него нет под рукой ни „объяснительной записки“, к бюджету на 1913 год— свод бюджета, ни статист. издания 1912—1913 г.

Он просит все это прислать ему и если есть время, снять копию со статьи к вопросу о бюджете и прислать ему для дополнения по тем источникам, которые будут ему, как он надеется, присланы [4]).

Письмо № 19.

Краков, 12 февраля 1913 года (Н. Крупская), С.-Петербург, Николаю Ильичу Подвойскому, Галерная, 5, кв. 17.

Химический текст.

Дорогие друзья. Получили письмо Андрея и В. [5]) от 24/I и опять сплошная клякса. Бумага очень плоха

[1]) Лобов (?).

[2]) Бурьянов (?).

[3]) В. И. Ленин.

[4]) На сцену впервые появляется тов. Я. М. Свердлов (Андрей), н-ный раз бежавший из ссылки и появившийся в Питере. Обращаем внимание товарищей-читателей на усиленное подчеркивание значения „Правды“, как это представлялось заграничному ЦК, и необходимость постановки строгой отчетности. Далее в письме приводится ряд промахов „Правды“ и предложение покончить с сепаратной линией тогдашней редакции „Правды“. Предлагается и определенный план: Я. М. Свердлов должен „засесть в бест“, у Бадаева, взявши редактирование „Правды“ на себя. В конце концов так и было сделано: Яков Михайлович некоторое время составлял номера и просматривал поступающий материал, „законспирировавшись“ у А. Г. Бадаева, но очень скоро был арестован, конечно, по доносу Малиновского. *Ред.*

[5]) Я. М. Свердлов и, очевидно, И. В. Сталин.

(с круглыми разводами), а затем, очевидно, складывается раньше, чем просохнет. Ждем вестей со страшным нетерпением и вдруг такое приключение. Ради бога, напишите снова. Получил ли № 6-ой письмо, посланное на его адрес? Умоляем писать как можно подробнее. Ужасно огорчила невозможность реформы в „Дне“. Очень рады были видеть выступление номера. Шлем привет горячий.

Ради бога, адресов для писем. Другой раз надо писать каждый день и все на один адрес. Нет и адресов для посылок новинок. Адреса Алексея негодны, так как по фиктивным адресам вряд ли теперь доходит.

Берг [1]) просит № 3-й скорее приехать к нему, сам он думает уехать через месяц. Хочет поговорить о заместителе. Также удивляется, что жена не возвращает документа. Куда же делся Филипп [2])? Кое-что, если не из новостей, то из заграничных сплетен. Нам пишут из Парижа, что в редакции „За Партию“ всякие события. Плеханов желал получить мандат на совещание, созываемое немцами от редакции „За Партию“ (туда входят примиренцы и плехановцы). Плеханов желал получить императивный мандат, чтобы требовать неучастия в совещании инициативных групп. Часть плехановцев и примиренцев за то, что и инициативные группы могут участвовать. Раппопорт писал Плеханову, что редакция-де за участие инициативных групп. Тогда Плеханов и Дневницкий будто бы вышли из Редакции и так как в группе плехановцев—примиренцы при обсуждении этого вопроса большинством одного голоса (10 против 9) было принято не приглашать инициативной группы, то из редакции вышли сторонники участия этих групп—примиренец Лева [3]), плехановец Раппопорт и плехановец Бабин. За особую достоверность не ручаемся, так как в двух письмах, полученных из Парижа, рассказывается об этом по-разному. Факт тот, что примиренческо-плехановская группа распадается, Алексинский на рефератах громит ликвидаторов. Итак, ждем вестей. Не полагайтесь, пожалуйста, друг на друга.

---

[1]) Шотман.

[2]) Голощекин.

[3]) Владимиров.

Мы совершенно перестали получать „Луч“, уже номеров пять не имеем. Без „Луча“ еще усиливается неосведомленность. Какова подписка? Каков теперь тираж? Вообще как дела?

Письмо № 20.

Краков, 15 февраля н. ст. 1913 года (Н. Крупская), С.-Петербург, Николаю Ильичу Подвойскому, Галерная, 5, кв. № 17.

Химический текст.

Дорогие друзья. Прежде всего тысяча поздравлений по поводу удачного „вылезания из калош“; пьем за вылезших. Без шуток: сделано превосходно. Вам и продолжать в том же духе. Три письма не разобрали: бумага плоха,—все расплылось. Поэтому совсем плохо знаем о ваших делах. Как дело в кооперативе? Каковы шаги насчет изгнания „нечестивых“ из „Дня“? Что делают №№ 1-й, 3-й, 6-й и т. д. для своего сплочения, тоже для Питера, тоже для „Дня“, тоже для журнала [1])? Очень просим писать обо всем этом. Пишите. Самое важное теперь,—все же „День“. Вчера писали туда об идиотско-тупом помещении писем Богданова. Вот дурни-то.

Номер 3-й должен съездить к Бергу убедить его остаться. Если нельзя, надо всячески наладить там связи и пересылку два—три раза в неделю маленьких пакетов. Это обязательно.

№ 6-й пусть пошлет шифром адреса своих доверенных людей. Это необходимо. Почему №№ не делают того же? Обязательно каждому писать хоть раза два в месяц. Не менее. Когда же, о, господи, отчет денежный „Дня“? Великий позор, что мы не можем наладить контроль в „Дне“, надо дать своего конторщика,—брать копии всех записей ежедневно. Получили ли письмо к № 1-му с тремя рублями? Посадив своего конторщика в „День“, надо присоединить сюда и журнал. Там невероятно медленно работают. Оттуда надо выгнать Михальчи обязательно.

---

[1]) „Просвещение“.

В Питере надо найти 5—10 адресов по районам. Мы могли бы еженедельно посылать гектографир. листки, письма к организациям, проекты резолюций, партийные сообщения. Иначе П. К. — мертвец. Ведь это скандал. Нельзя двинуть дела, не наладив аккуратной пересылки.— Пошлите №№ 7-й, 8-й и 21-й „Луча". „День" получаем поздно. Прежде было иначе. Добейтесь аккуратности. Пришлите тот номер „Русской Молвы", где говорилось, что „Луч" против подполья (См. „Правду" № 20). Заставьте „День" перепечатать письмо № 5-го и 4-ки. Надо хорошо обдумать и поэффектнее провести демонстрацию против выдачи 500 тысяч на юбилей. Нельзя ли, чтобы депутаты сказали речи против? Если нельзя, то нельзя ли внести поправку об особом подоходном налоге на владельцев свыше 500 десятин для покрытия сей суммы? Почему не исполняете просьбы о присылке книги Маркса из библиотеки Государственной Думы [1])?

Письмо № 21.

Краков, 19 февраля 1913 года (Н. Крупская), в С.-Петербург. Лиговка, 44, кв. 326. Помощнику присяжного поверенного Лазуркину.

Химический текст.

Дорогие друзья. Сегодня, наконец, получили сразу два письма, а от 3-го ничего. Вы вот жалуетесь на резкий тон, но ведь не всякое же лыко в строку, мало ли что скажется в минуту, когда вместо писем кляксы получаем. Теперь уже ясно, что все налаживается и пойдет хорошо, когда все взялись за дело, и А. [2]) и номера, а то знали только,

---

[1]) В письме приветствуется первый перелом в направлении „Правды". В результате ряда мероприятий, проведенных за границей при помощи Я. М. Свердлова, „Правда" начинает выступать с более определенной линией. Затем заграница попрежнему бьет в одну точку—о постановке отчетности. Как известно, в результате героических трудов, помаленьку начинает налаживаться и отчетность. *Ред.*

[2]) Андрей—Я. М. Свердлов.

что Алексей уехал, Демьян [1]) стонет и т. д. Ну, а теперь сначала письмо Гр., а потом Фр. [2]).

Дорогие друзья. Не можем представить вам, как мы рады, что вы начали реформу в „Дне". Конечно, это еще не все. Мы находим совершенно необходимым осуществить следующее: Отстранить Михальчи. Его обзор печати ни к чорту не годится. В таком виде он никому не нужен. Если у А. есть время, пусть он попробует сам вести этот обзор, а если нет, можно его свободно уничтожить и заменить заметками, которые мы будем в большом числе присылать, если нас обеспечат газетами. 2) Необходимо привлечь Демьяна. Нужно для газеты талантливого юмориста. Он писал сюда очень дружественное письмо. Он хочет работать у вас, но только его отталкивали. Он говорит, что не гонится за большими деньгами. Надо это проверить. С ним необходимо повидаться лично непременно самому А. и номерам 3-му и 6-му и поговорить, ссылаясь на письмо сюда. 3) Выпишите нам „Русскую Молву" и „День", увеличим тогда число статей. 4) Пришлите два экземпляра № 25, не видели. В цензурном отношении советуем исключительную осторожность. 5) Передовицу для „Р. Г." [3]) шлем. Дружественные отношения желательны. 6) Посылаем о 300-летии, переделайте, конечно, если найдете нужным. 7) Пришлите №№ 7-й, 8-й, 21-й „Луча". „Правду" получаем поздно и неаккуратно. Пришлите справочный листок Думы и думские издания. Гр.

Добавляю еще несколько слов. Сегодня узнали о начале реформы в „Дне"; тысячу приветов поздравлений и пожеланий успехов. Наконец-то удалось приступить к реформе. Вы не можете вообразить, до какой степени мы истомились работой с глухо-враждебной редакцией. Для №№ 1-го и 3-го добавление: Удивлены, что вы могли обидеться или быть недовольными резким письмом с трехрублевкой. Ведь резкость вся направлена именно против тех редакторов, которых вы, к счастью, начали вышибать. Резкость против

---

[1]) Демьян Бедный.

[2]) В. И. Ленин.

[3]) Р. Г. (?).

подлежащих вышибанию,—что тут дурного? Еще раз поздравляем с началом реформы. Письмо в „Дне“ № 3 чудесно, остальные тоже. Ответьте, получили ли набросок бюджетной речи? Присылайте материалы и материалы. Нельзя работать без них. Бюджетную речь надо бы вдвое развить, будь материалы. Превосходны выступления номеров. Поздравляю от души. Повторите, пожалуйста, второй адрес для писем на курсы—сомневаемся в фамилии. Пожалуйста, скорее шлите адреса для литературы.

Как с № 10-м [1]? Ведь он ученик А., может перейти в номера. Каков тираж „Вечерней Почты“ [2]? Получили ли от тов. Яна [3]) посылаемое им? Спросите у № 3-го. Горячий привет [4]).

Письмо № 22.

Краков, 21 февраля 1913 года (Ильин). С.-Петербург в контору газеты „Правда“. Ямская, 2.

Уважаемые коллеги. Позвольте прежде всего поздравить вас с громадным улучшением во всем ведении газеты, которое видно за последние дни. Поздравить и пожелать дальнейших успехов на этом пути. Третьего дня я послал две первые статейки „Возрастающее несоответствие“. Из № 234 „Правды“ вижу ясно, что статьи эти не подойдут. Поэтому отдайте их пожалуйста без промедления в „Просвещение“, куда я посылаю конец. Туда же отдайте, пожалуйста, другие непомещенные статьи (ответ Маевскому; о

---

[1]) № 10 (?).

[2]) „Вечерняя Почта“—„Луч“.

[3]) Ян (?).

[4]) Письмо выражает дальнейшее удовлетворение заграницы реформами в „Правде“. Чувствуется, что тон письма несколько более „натянут“, каково было действительное отношение заграницы к третьей редакции „Правды“. Заграница энергично выражала недовольство неясностью позиции и требовала „реформы“, но ее недовольство не носило персонального характера (за исключением против сравнительно второстепенных работников, как Михальчи и т. д.) и концентрировалось на тактике газеты, не желавшей резко ставить вопросы. Впоследствии отношения сгладились. *Ред*

нравственности; Булгаков о крестьянах—из Рус. М. и статьи Булгакова и т. п.). Очень прошу ответить поскорее, исполнено ли это. Пришлите №№ 7, 8—21 и 24 „Луча“ и № 25 „Правды“. „Правду“ я получал всегда прежде по утрам, как получаю и теперь „Речь“ и „Новое Время“. Но за последнюю неделю „Правда“ стала опаздывать и приходит только вечером. Ясно, что экспедиция посылает неаккуратно. Очень прошу принять меры и добиться более аккуратной высылки ежедневно.

Новых книг совсем не получаю. Необходимо принять меры: а) чтобы доставать из издательств под условием аванса, б) чтобы через депутатов доставать думские и официальные издания. Абсолютно невозможно работать без книг... Не имею ни „Заветов“ ни „Русской Молвы“. Нельзя обойтись без них. Особенно нужен тот номер „Русской Молвы“, где писали про „Луч“ и разъяснили, что меньшевики против подполья.

1) 14 марта будет 30 лет со дня смерти Маркса. Надо бы издать приложение за две—три копейки четыре страницы формата „Правды“ с портретом Маркса, большим, с рядом статеек. С объявлениями (подробными и о „Правде“ и о „Просвещении“). Вероятно, окупилось бы при тираже 25—30 тысяч и дало доход. Если согласны, телеграфируйте: „Составляйте“ (мы сядем тогда писать) и кроме того пишите подробнее ответ. Отвечайте, пожалуйста, два—три раза в неделю несколькими строчками о том, какие статьи получили и какие идут.

По-моему, вы вполне правильно сделали, что поместили полностью Дневницкого [1],—для начала. Но в дальнейшем столь длинные (и столь плохие) статьи лучше задерживать и начинать переписку о сдаче в „Просвещение“.

Ваш И. [2]).

---

[1]) Плехановца, ближайшего сотрудника Плеханова в тот период.
[2]) Письмо В. И. Ленина. *Ред.*

Письмо № 23.

Краков, 21 февраля 1913 года (Н. Крупская), в С.-Петербург, Николаю Ильичу Подвойскому, Галерная, 5, кв. 17.

Химический текст.

Дорогие друзья. Сейчас узнали одну весьма неприятную вещь. Один парень,—конечно, без нашего ведома,—направил одну девицу с литературой к № 3. Относительно парня, вызвездившего эту шутку, у нас есть некоторые сомнения,—может, сделал это по глупости, а может, тут есть и худое что. Во всяком случае № 3 должен послать ее к чорту. Тут может получиться весьма неприятная вещь. После писем от 31-го (3-х) ничего больше не получали. Получено ли наше письмо, посланное по адресу пом. прис. поверенного? Где же адреса для литературы? В „Дне“ сильно заметны результаты реформы. Шлем А. и другим привет.

Что же Фрамм [1])? Цел ли он? Еще одна просьба. Исполните, пожалуйста, нротложно. В Москве закатали одного рабочего Бреслава на шесть лет каторги, яко бы за организацию январской конференции или что-то в этом роде. Бреслав подал кассационную жалобу. Нужно найти адвоката, который следил бы за его делом в Петербурге. Конечно, это надо сделать немедля. Осуждение Бреслава—настоящее зверство, и хоть эту просьбу его жены надо исполнить. Пожалуйста, сделайте это. Нельзя ли как-нибудь устроить, чтобы не было надобности напоминать каждый раз о деньгах, а посылать их в определенные сроки? Четыреста рублей получены с 15-го XI по 15-ое I н. ст., т.-е. по 1-ое января 1913 года. Затем получено 279 крон (почему не 254?) по 1-ое февраля н. ст., за февраль же ничего не получено. Нельзя ли это как-нибудь урегулировать, а то положение иногда бывает не из приятных.

Письмо, о котором спрашивал № 3, у нас, как его переслать? А девицу шлите к чорту, хоть, может, ничего худого нет, а все же надежнее. Если использовать девицу, то лишь окольными путями, у ней новинки.

---

[1]) Фрамм (?).

Письмо № 24.

Краков, 1 марта 1913 года (Н. Крупская), С.-Петербург, Галерная, 5, кв. 17. Николаю Ильичу Подвойскому.

Химический текст.

Дорогие друзья. Сегодня получили письмо № 10-го [1]) от 11 февраля, предыдущее было от 31 января (сразу три письма). Получил ли № 6-ой наши письма (по его адресу послано было два)? Ваши адреса разобраны, т.-е., вернее, сказать, разобран адрес присяжного поверенного, по нему послано письмо, которое вам, повидимому, не передали еще. Другой адрес разобран на половину,—повторите имя, отчество и фамилию. Что от вас нет извещения, листка и проч.—мы не виноваты. Послано было все на мелочную лавочку, но И. [2]), верно, не справляется. Было послано по адресу Алексея, и он писал, что получил. Сегодня высылаем извещение и проект листка. По каким адресам, данным номерами, не получено. Дело в том, что дурак немец, обидевшись, что не послали русских открыток, послал январские листки месяцем позже. Из Москвы писали, что получили их к 9-му февраля. Очевидно, так же своевременно послано и по другим адресам. Очень рады, что вы не пали духом, хотя за А. [3]) обидно чертовски. Взято ли что-либо у него? Шлите больше адресов для конвертов и посылок, и устройте так, чтобы письма передавались вам немедля. Впередовцы выпустили № 3 „На темы дня“. Центр—статья Алексинского об августовской конференции. Не очень-то приятно для ликвидаторов. Брошюра, главным образом, заострена против ликвидаторов. Как только получим, пошлем вам. Получена ли речь о бюджете? Сейчас просматривала нумерацию. Последнее письмо от 31 января в двух конвертах помечено № 7-м. Тогда же было от А. После ничего не было. Если послали, то по какому адресу? Верно, завалялись где-нибудь, либо по сю пору у какого-нибудь номера в кармане лежит. Ну, пишите же. Очень радует, что

---

[1]) № 10 (?).

[2]) И.—должно быть, И. И. Гладнев (С. М. Закс).

[3]) Андрей—Я. М. Свердлов.

номера так взялись за „День“. Продолжает ли № 3 сердиться? Ради бога, пишите чаще. Ваши письма все доходят [1]).

Письмо № 25.

Краков, 8 марта н. ст. 1913 года (Н. Крупская). В С.-Петербург, Николаю Ильичу Подвойскому. Галерная, 5, кв 17.

(Для Малиновского).

Химический текст.

Для № 3. Дорогой друг. Письмо ваше получили. Спасибо. Поляки послали нам также свое письмо к немцам (в копии). Известите, получили ли.

Отчего нет вестей от Василия [2])? Что с ним? Беспокоимся. Вообще переписка разладилась. Нет вестей о номерах. Надо обязательно сплотиться, организоваться и дружнее вести вместе работу вообще, особенно над „Днем“. Пишите, удалось ли всех пристроить к работе над „Днем“ и наладить работу организованно? То, что вы и № 6 работаете вплотную над „Днем“, очень радует.—Расписку послали. Получена ли? Что за напасть такая, что переписка разладилась. Никто ни словечка не пишет, что делается в кооперативе. Пришлите, пожалуйста, явку и поскорее, в оба города, скоро будут оказии, а направлять некуда. Это нужно поскорее. Также адрес для посылки пакетами или почтовыми посылками из России. На-днях был случай, но за недостатком адреса пришлось отказаться. Что делает № 5 [3])? Как адрес Фрама [4])? Действуют ли данные вами адреса или их надо отменить? Дурак немец ухитрился январские листки послать лишь в феврале. Подсадил здорово. Вы, верно, завалили Веру [5]) работой,—раньше она писала аккуратнее. Одновременно с этим шлем польское письмо. Получил ли № 6 два письма, посланные по данному им адресу? Шлем горячий привет.

---

[1]) В письме упоминается об аресте тов. Я. М. Свердлова („за А. обидно чертовски“). Я. М. был тогда арестован у Бадаева на квартире, таким образом оказалось, что „депутатская неприкосновенность не помогла“. *Ред.*

[2]) И. Сталин.

[3]) № 5—Муранов.

[4]) Фрам (?).

[5]) Лобова, Вал. Ник.

Письмо № 26.

Краков, 10 марта 1913 г. (Н. Крупская). В С.-Петербург, Николаю Ильичу Подвойскому, Галерная, 5, кв. 17.

Химический текст.

Дорогие друзья. Получили ваше тревожное письмо. Письмо, о котором пишете, не получили, пропало, очевидно. Пропали и еще какие-то письма—№ 8 и № 9, видимо, потому что о многом, о чем пишете в последнем письме, не слыхали. Ответьте, пожалуйста, получена ли расписка, два письма по адресу № 6 и два письма по 44 номеру. Дайте также адрес Фрама. Приветствуем вас, дорогие друзья, за борьбу против ликвидаторов. Следовало бы порешительнее разоблачать и не бояться прямее говорить правду о том, что громадное большинство рабочей партии на стороне их противников. Но начало, все же, положили чудесное: еще раз приветствуем.

1) Проект ответа послали, получили ли? Просим прислать сюда его письмо или копию с него. 2) Немцам ответ посылаем. Советуем вам непременно послать немцам ответ от себя (можно по-русски), обязательно за подписью Матвея [1]). Текст может быть самый краткий, напр.: „Уважаемые товарищи. Считаем долгом сообщить вам, что мы вполне присоединяемся к ответу, данному вам февральским 1913 г. совещанием. С товарищеским приветом. Подписи“. 3) Если Федор [2]) наглеет, надо обсудить дело и приготовиться к более решительной войне. 4) Не получаем ни Думского справочного листка (вовсе), ни Думских стенограмм (вовсе), ни Думских материалов. Ей-богу, так нельзя работать. Наладьте это дело во что бы то ни стало: полтинник расходу и полчаса хлопот в неделю не есть что-либо невозможное. 5) Надо больше налечь на „День“ и в хозяйственном и в редакционном отношении. Наше сотрудничество поставлено из рук вон в плохие условия, найдите честного секретаря для переписки с нами. Одно это может

---

[1]) Матвей Шестерка.

[2]) Ф. Дан.

удвоить производительность труда. Надо напечатать в „Дне“ денежный отчет его и взяться за контроль хозяйства всерьез. Помните, что против наглого Федора нет иного серьезного оружия, как „День“. 6) Ваську [1]) надо очень беречь. Ясно, что он непрочен, болен чересчур. Задача стоит так: при его помощи организовать, наладить, систематизировать ежедневную работу Матвея [2]) и в „Дне“ и в должности (прямой) и в других областях. Если не наладим так, чтобы каждый без исключения по часу в день уделял каждой важной функции, то ничего не достигнем, а если наладим, то через 1—2 месяца вся картина будет другая. 7) Скоро явится в Питер человек. Он полезет в „День“ и в кооператив. Беречься его надо сугубо. На словах—сторонник, на деле—злостный интриган. Будет плакаться о „расколе“ и все доносить ликвидаторам. Чужой человек. Надо относиться с полным недоверием. Боже упаси дать ему „место“ в „Дне“. 8) Как дело с московской газетой? Крайне необходимо точно, подробно условиться и скорее. Нам пишут, что в марте хотят начинать. Не рано ли? Издателем надо быть № 3-му [3]). Примите все меры, чтобы мы точно и скорее условились. 9) Не можете ли узнать, получил ли Крас. наше письмо?

Письмо № 27.

Краков, 14 марта 1913 г. (Н. Крупская). В С.-Петербург, Николаю Ильичу Подвойскому. Галерная, 5, кв. 17.

Химический текст.

Дорогие друзья. Только что получили письмо с печальной вестью. Положение таково, что требуется большая твердость и еще большая солидарность. Вам надо самим наметить лицо, учитывая при этом желательность одного „знакомого“ и одного „незнакомого“ или „новичка“. Шаг этот крайне важен, и мы самым энергичным образом советуем это тотчас, не останавливаясь ни перед чем и ни

---

[1]) Сталин.

[2]) Матвей Шестерка.

[3]) Малиновский. *Ред.*

из-за чего. Иначе все трудности могут возрасти и переплестись в клубок, которого не распутаешь. Напомним, что 5—10 рублей доплаты за II класс могут дать двое суток экономии во времени. С ликвидаторской Федорой [1]) вы слишком слабы и нерешительны. Статья Василия тоже „передобрила". Надо абсолютно требовать равенства (вспомните точное решение об этом) и соглашение. Надо избегать всяких общих разговоров, бесполезных и унизительных и вредных, раз дело дошло почти до рукопашной, и раз они обнаглели до того, что требуют „автономии". Пуще огня надо теперь опасаться хотя бы само-малейших уступок Федоре [2]). Этим можно все испортить и надолго. Лозунг момента: „никаких уступок и как можно больше держаться в стороне, в отдалении".

Относительно „Дня" необходимо: 1) наладить отчетность. До сих пор ничего серьезного не сделано. Пусть же №№ поймут, что вся их сила в „Дне". Победит „День"— победят и они всех и всяких врагов,—все и всяких,—помните это. Не победит — „День", — и их ждет поражение... А „День" на вернейшем пути к победе, если им заняться. Пусть же все номера возьмутся сами за это дело серьезно. Все организованно,—2) необходимо наладить нашу переписку аккуратнее и осторожнее. Нужны новые и аккуратные адреса, 3) необходимо нам правильно сноситься о делах „Дня". Лучше откладывать на недельку важные статьи об отношениях к Федоре и т. п. Не доверяйте местным примиренцам: эти добряки только портят дело. Ежедневно надо по очереди дежурить в „Дне" два—три часа, изучая все дело, вникая во все. Без этого выхода нет. А с этим наладим все остальное. Еще раз—крайне необходимо свидание. Иначе будет гибель. Делайте этот шаг не откладывая [3]).

---

[1]) „Луч".

[2]) Дан и вообще „Луч".

[3]) В начале письма, очевидно, говорится об аресте тов. Сталина, и об усилившихся репрессиях против сотрудников „Правды". Тов. И. Сталин был арестован на благотворительном вечере в зале Калашниковской Биржи.

Ред.

Письмо № 28.

Краков, 13 марта 1913 г. (Н. Крупская), С.-Петербург, Александру Ефремовичу Аксельроду, Калашниковское Отделение русского для внешней торговли банка.

Химический текст.

Дорогие друзья. Получили письмо с жалобами на то, что переписка идет плохо. Достанем еще адресов. Попробуйте писать на адрес г-ну Ковль, улица Ленартовича, 9, Краков. Этот адрес мало использован. Те немногие письма, которые получены на его адрес, он пересылал аккуратно. Письмо о кооперативе [1]) получено с большим опозданием. Также одно письмо Василия, а одно его письмо пропало. Получено также письмо, где сообщался вновь адрес пом. присяжного поверенного и адрес девицы, фамилия которой не разобрана. Получен также один адрес для литературы, по которому посланы резолюции. Дайте, пожалуйста, поскорее явку, но не на номеров, конечно. Явку и пароль, а то, куда же посылать человека с литературой. Кроме того, шлите немедля адрес для посылки литературы, почтовой посылкой из России. Настаиваем на этом. Надо конкретно и практически наметить многое.

Письма Кости [2]) и № 5-го [3]) получили. Спасибо. Ответ 6-го [4]) находим очень удачным, вообще видно, что делается не мало, нужно только распределять время. От Фрама получено письмо, только адрес подпутан. Так шлите же скорее явку и адрес для почтовых посылок из России. Бергу [5]) посылаем помногу. Была ли девица, о которой я писала? Примите меры, чтобы шпики не могли видеть, как опускаются письма, а то при „окружении“ Матвея и Веры шпиками, возможно, что прослеживают опускание писем в ящики и затем особо обыскивают данные ящики, открывая подозрительные письма. Такой прием вообще охранка давно знает и практикует. Вполне разделяем вашу досаду и по-

---

[1]) Думская фракция.

[2]) Малиновский.

[3]) Член Гос. Думы Муранов.

[4]) Член Гос. Думы Г. И. Петровский.

[5]) Шотман.

нимаем жалобы на безлюдье. Средство помощи только одно единственно, это—лучшая организация работы самого Матвея. У него времени отнимают много зря, время уходит на сутолоку, на мелочи. Надо ему распределять его ежедневно аккуратно, наладить правильное сношение с нами. В этом только средство помощи. Мы отсюда, например, можем делать втрое больше, если аккуратно дважды в неделю будем получать все материалы (на личный адрес). Думские, в том числе справ. листки, законопр., объяснит. записки, книги из библиотеки, вырезки из газет и журналов и т. д. Такую переписку наладить вполне можно, и тогда через неделю мы можем прислать всякие проекты. Только аккуратность нужна для этого.

Посылаем сегодня письмо № 7 [1]), пишите скорее, получено ли оно и предыдущее письмо к № 1-му [2]).

В Питере судьба всего дела решается сейчас борьбой „Дня“. „День“ может и должен победить, если Матвей и здесь сорганизуется с ним для контроля на деле. То же и насчет П. К. Отвечайте немедля.

Письмо № 29.

Краков, 5 апреля н. ст. 1913 г. (Н. Крупская). С.-Петербург, Софии Ивановне Тимофеевой, Церковная, 23, кв. 1.

Химический текст.

Для Ив. Ив. [3]). Дорогие товарищи. Большое спасибо за обстоятельное письмо с очень ценными сообщениями. Пишите больше и дайте нам связи с районами.

Что ликвидаторы встречают „враждебно“ сближение партийных меков с партией—это очень важно. Надо принимать резолюции по районам об этом. Этот факт доказывает, 1000-ный раз, что ликвидаторы окончательно внепартийный и антипартийный элемент, что объединение возможно лишь против них (против „Луча“), а никак не с ними. Вы вполне правы, по-моему, придавая этому факту большое значение. О единстве с ликвидаторами никак нельзя говорить: нельзя объединить партию с разрушите-

[1]) Член Гос. Думы Самойлов.
[2]) Член Гос. Думы Бадаев.
[3]) С. М. Закс (Гладнев).

лями партии. Резолюцию февральского совещания 1913 года о единстве снизу, мне кажется, надо бы отгектографировать (если ее мало) с добавлением резолюции против „Луча“ с точным перечнем пяти пунктов. Далее, вполне разделяю ваше мнение о важности кампании против 7 и рабочей инициативы при этом. Семерка—это колеблющиеся около-партийные, но мало партийные люди. С ними можно вступать в соглашения внутри Думы, чтобы направлять их и тянуть их за собой, но затушевывать их ликвидаторство, их бесхарактерность и беспринципность было бы преступлением. Надо поддержать и развить кампанию против 7. Теперь, когда ликвидаторский „Луч“ расширяется (явно на деньги либералов), ибо он дает убыток 1000 рублей в месяц и имеет всего 12.000 тиража, надо вдесятеро усилить кампанию за помощь 6-ке рабочих депутатов, за подписку на „Правду“, на расширение „Правды“. Надо прямо по заводам вести борьбу за „Правду“, требуя, чтобы выписывали больше; отвоевывали каждый завод у „Луча“, чтобы было соревнование между заводами из-за числа подписчиков на „Правду“. Победа партийности есть победа „Правды“, и наоборот. Надо поднять такую кампанию. Довести „Правду“ с 30.000 до 50-60 тысяч, а число подписчиков— с 5.000 до 20.000 и итти по этому направлению неуклонно, тогда мы расширим и улучшим „Правду“.

Ваше указание на отсутствие интеллигентов очень верно. Их и не будет. Их заменит „Правда“ и нелегальная литература. Надо вам издавать хоть гектографированные резолюции и листки, пока не встанет техника. Необходимо еженедельное издание в 30—60 экземпляров гектограф. резолюций П. К. в виде директив. Об этих резолюциях мы могли бы всегда списываться. Подумайте об этом. Это укрепит нелегальную работу, уменьшит число жертв, обобщит пропаганду и т. д.

Резолюция П. К. за 6-рых против 7 превосходна. Неужели ее даже не гектографировали? Это абсолютно необходимо. Вот именно такие кампании и нужны. Постараемся прислать статьи для „Известий“, сообщите сроки. Сообщите, какого размера известия и размер статей. Л. [1]).

[1]) Письмо, возможно, принадлежит Владимиру Ильичу или Л. Б. Каменеву—написано рукою Надежды Константиновны. *Ред.*

Письмо № 30.

Краков, 11 апреля 1913 года (Н. Крупская). В С.-Петербург, Марии Николаевне Ковалевой. Галерная гавань, Гаванская улица, д. 4, кв. 3.

Для Ив. Ив. [1])

Дорогой друг. Письма наши опять разошлись. Письмо от 10 марта и последнее коротенькое получили. Кроме того, В. [2]) также переслал ваше письмо. Пишите почаще, а то, кроме вас, из публики почти никто не пишет. У нас нового ничего. Усиленно „сближаются“ с беками плехановцы, да группа „Вперед“ накануне самораспущения. Алексинский разругался на страницах „Нар. Вестника“ с Луначарским из-за „пролетарской культуры“.

Письмо № 31.

Краков, 1 мая н. ст. 1913 года (Н. Крупская), С.-Петербург, Галерная, 5, кв. 17, Николаю Ильичу Подвойскому.

Химический текст.

Дорогие друзья. Послала на редакцию две речи: 1) Общая торговля и промышленность. 2) О национальном вопросе (по смете Мин. Вн. Дел). Обе верните, сняв копии. Вторая речь крайне важна по принципиальному наступлению против пошлой культуры национальной автономии. Надо все усилия приложить, чтобы она была прочтена полностью. Черкните об этом ответ немедленно, как же стоит вопрос о летней поездке номеров. Считаем очень важным и необходимым, чтобы номера все без изъятия съехались летом там, где предполагалось. Напишите по этому поводу.

Московские вести крайне печальны. Цел ли Ян? У нас нового мало. Пишите пожалуйста о делах.

---

[1]) И. Гладнев (С. М. Закс).

[2]) И. Ветров (М. Савельев).

Письмо № 32.

Закопанье (Австрия) 7 июня 1913 года (Н. Крупская), С.-Петербург, Галерная, 7, Николаю Ильичу Подвойскому.

Химический текст.

Дорогие друзья. Гр. писал уже подробно о лете. Ждем подробного письма. По-нашему, обойдется рублей по 40 на человека. Жизнь не дорога, отдых прекрасный. Надо во-время нанять помещение. Телеграфируйте так: „8 и 2" будет означать: „Нанимайте на 8 холостяков плюс на две семьи" и т. п. Кормежку можно устроить коммунально. Если деньги есть, везите побольше рабочей публики, но, конечно, в том случае, если есть деньги, у нас крохи.

Очень и всячески просим узнать, чем собственно болен № 7 [1]). Простое переутомление или что-либо с легкими? Тут есть образцовая санатория для легочных по 11 крон в сутки. Спрашивали многократно,—ни звука в ответ. Пришлите медицинский диагноз его болезни. Очень благодарны № 6-му за его ворчащее письмо. Вам на месте там виднее. Просим писать и вnредь; для нас очень, очень важно непосредственное общение. Почему никогда не пишет № 3-ий? Он говорит, что всегда отвечает на все письма сам.

Сообщите, пожалуйста, какие адреса для писем действительны.

Нужны связи на Урале. Раздобудьте, что можно. У нас нет ни одного адреса для посылки вам литературы в конвертах. Так совершенно невозможно. Как дела с „Путем" [2])?

Письмо № 33.

Поронин (Австрия), 3 сентября 1913 года (Н. К. Крупская). Киев, Анне Абрамовне Розенкранц. Тарасовская, д. 9, кв. 43 (на внутренн. конверте: „для Эсфири Финкельштейн").

Химический текст.

Дорогой друг. Шлем привет. Когда получили открытку, послали 40 рублей, получены ли? К. [3]) должен был по-

---

[1]) Член Гос. Думы Самойлов.

[2]) „Рабочий Путь", московский орган. *Ред.*

[3]) Киевский Комитет (?). *Ред.*

слать 100. Книги по национальному вопросу готовы, ждем оказии, чтобы не посылать почтой, хотя книги невинные, но могут застрять на много месяцев в цензуре. Оказия скоро будет. Как ваше здоровье? Лучше ли? Работы, конечно, уйма. Вопрос только в деньгах. У нас крах полный, Надеемся, однако, что с немцами дело скоро кончится благоприятно. Дело значительно двинулось вперед. Дела в общем идут недурно. Главное вы знаете из легальных газет. Латышский ЦК отозвал из О. К. своего представителя.

Плеханов выкинул фортель,—начал кампанию за объединение с с.-рами; у плехановцев с примиренцами было совещание, основали свою фракцию. В России у них ни черта. Горький тоже повел линию за объединение с народниками. Упорно не отвечает на письма. Ну, да эта глупость пройдет у них. Россияне сумеют дать отпор. Положительная работа идет довольно успешно. Стариков совсем мало, забирают всех под ряд. Сообщите о дороге.

Письмо № 34.

Краков, 9 декабря 1913 года (Н. Крупская). В С.-Петербург, Коломенская, 9, мастерская для бедных родителей, Елизавете Ивановне Кавтарадзе.

Химический текст.

Дорогой друг. Спасибо за письмо. В Пермь я уже написала. Посмотрим, удастся ли связаться. Вы жалуетесь на неосведомленность. Пришлите адреса для литературы, тогда будем посылать все новинки, а то по одному и тому же адресу писать письма и посылать литературу невозможно. Надо бы послать вам листок ЦК о 9 января. ЦК призывает к Всероссийской забастовке. Потом на-днях выйдут резолюции летнего совещания и № 32 Ц. О. Не знаете ли что о Серго? [1])? Где он сейчас? Та кавказская конференция, о которой вы писали, ведь была осенью. Дело в том, что один товарищ писал нам о совещании, бывшем на пасху. Между совещанием и конференцией много общего, но, повидимому, это вещи все же разные. Напишите о питерских делах. Крепко жмем руки. Всего наилучшего. Привет друзьям [2]).

---

[1]) С. Оржаникидзе.

[2]) Письмо Н. К. Крупской. *Ред.*

Письмо № 35.

Краков, 11 декабря 1913 года (Н. Крупская). В С.-Петербург, Антону Павловичу Самолею, Петербургская сторона, Зверинская улица, д. 46, кв. 31.

Химический текст.

Конспект доклада на местах.

Общая тема—события стачечного движения и партийной жизни с лета 1913 года. Резолюция совещания. В частности, наиболее выдвигаются следующие пункты: 1) Всеобщая стачка на 9/I 1914 г. Решение совещания. Необходимость стачки. Ее лозунги. Демократич. республика, 8 ч. р. день. Конфискация помещичьих земель. Усиленная подготовка стачки. 2) Страховая кампания. Усиленное распространение журнала „Вопросы Страхования“. Образования партийных ячеек внутри всех касс и всех правлений. Проведение своего партийного большинства в правлении (то же в профсоюзы, клубы и проч.). 3) 6-ка и 7-ка. Главные основы раскола: а) ликвидаторство—разрушение партии. Из-за этого борьба. 7-ка клонит к ликвидаторству, б) 7-ка не признает решений партии, в) доказано, что за 6-ку большинство партии. Основные цифры из „Правды“. Иметь с собой номера с материалом к вопросу о расколе. (Необходимо усиленно продолжать резолюции за 6-ку.) 4) Партийный съезд. Его необходимость. Участие в нем всех нелегальных парт'ячеек. Его подготовка: главное—деньги. Собирать фонд съезда, главным образом, через депутатов. Задача—к весне собрать двойную сумму расходов каждой группе или союзу групп, расход на одного делегата—150 рублей. Группа или союз близко находящихся групп должны собрать 300 рублей. 5) Необходимость развить связи, укрепить их (обучение переписки с Спб. и Загран. Бюро). Переписка хромает, от этого плох транспорт. Доверенные лица должны быть везде. 6) Из резолюции совещания обзор главного. Напр., по национальному вопросу: а) борьба со всяким национализмом, даже утонченным (культ национальн. автоном.); б) единство рабочих всех национальностей; в) борьба с великорусским черносотенным национализмом. (Тоже вкратце об остальных резолюциях.) 7) Не-

легальная и легальная печать. Усилить сборы. Легальная погибнет неминуемо: все силы на создание нелегального (см. извещение о 9—10).

У нас нет возможности это сделать да и явок к вам нет. На местах необходимо учить товарищей нагревать письма, а то я писала по всем адресам Р. [1]), и так как пришлось ограничиться сообщением адреса и намеками, то ни от кого решительно ответа не получено. Связывайте нас с публикой.

[1]) Очевидно, Малиновский. *Ред.*

Письма из Петербурга за границу.

(Тт. Сталина, Молотова, Свердлова, Полетаева и друг.)

Если письма наших заграничных товарищей, писавших в «Правду», представлены в настоящей книжке далеко не в полном виде, то еще меньшее количество ответных писем имеется пока в нашем распоряжении. Первые посылались в значительном количестве непосредственно на имя редакции и, очевидно, более или менее регулярно перехватывались охранкой (с чем считались, конечно, и сами авторы писем, стараясь придерживаться в них лишь литературных тем); вторые шли по отдельным адресам или посылались с оказией, в большинстве ускользая от «всевидящего ока». Большая переписка с заграницей велась членом 3-ей Государственной Думы, истинным основоположником нашей правдистской печати—Николаем Гурьевичем Полетаевым. Как известно, он проявил прямо исключительные способности в создании и «Звезды» и «Правды», являясь и их финансовым «гением», и «спецом» типографского дела, и редактором газет, и наконец, так сказать, официальным «хозяином» (в первое время) всего предприятия. Помещаемое ниже его длинное письмо обрисовывает эту в высшей степени самобытную личность во весь свой рост.

В числе писем имеется два письма тов. В. М. Молотова, бывшего тогда секретарем редакции, деловито и без лишних слов информирующего заграницу, и тут же письмо Михаила Степановича Ольминского, уже тогда, как это видно по содержанию, «переработавшегося» или, вернее, надорвавшего свое здоровье чрезмерной ночной и дневной работой в «Правде», выносившего очень часто ее литературную часть форменно на своих плечах. Он был большой противник в первый период существования газеты полемики и ее резкости. В приводимом ниже письме к товарищу Ленину он подчеркивает, что тон полемики должен быть «или насмешливый, или снисходительно-жалеющий, а для публики—разъяснительный»; в этих немногих словах характерно обрисовывается

вся его позиция. Впрочем, когда и его задевало за живое, ругаться он и ядовито и зло,—правда, без словесных излишеств, очень и очень умел...

Последним письмом идет письмо Якова Михайловича Свердлова, чрезвычайно яркое. Он весь энергия, весь движение, полон непоколебимого оптимизма и веры в революционное дело. Небольшое письмецо резко разнится от сдержанных, иногда нарочито академических писем большинства других товарищей.

Необходимо отметить, наконец, еще одно обстоятельство, это—неясность ряда мест писем и даже невозможность в отношении некоторых писем установить их автора. По всем данным, некоторые из публикуемых писем принадлежат тов. И. В. Сталину, которого, по его собственному заявлению, заграница «обязала» по приезде в Питер писать ей каждый день. Конечно, скитаясь по ночовкам и занятый делами фракции, организацией партийной работы или литературной работой, тов. Сталин совершенно не мог выполнять настоящей директивы. Все же писать приходилось, затрагивая вопросы и литературные и чисто партийные.

ПЕРЕЧЕНЬ ПИСЕМ.

1) Сталин (?)	из Петерб.	10 февр.	1912 г.	в Париж.	г-ну	Шацкому.
2) Сталин (?)	»	10 »	»	»	»	Гайдамовичу.
3) ?	из Киева	24 »	»	»	»	»
4) ?	из Петерб.	7 марта	»	в Лнеж	г-же	Крупской.
5) Н. Г. Полетаев	»	20 »	»	в Париж	г-ну	Шацкому.
6) ?	»	13 апр.	»	в Цюрих	»	Лесковаско.
7) В. М. Молотов	»	30 июля	»	в Краков	»	Вл. Ульянову.
8) ?	»	7 авг.	»	в Цюрих	»	Карцеву.
9) М. С. Ольминский	»	27 »	»	в Краков	»	Вл. Ульянову.
10) В. М. Молотов	»	1 нояб.	»	»	»	»
11) Я. М. Свердлов	»	25 февр.	1913 г.	Бреславль (Германия)	»	Густаву Китце.

№ 1.

С.-Петербург, 10 февраля 1912 г. „С.“ (невыяснено), в Париж, XIV, г-ну Шацкому, I.

Дорогие друзья. Дела идут недурно, надеюсь, пойдут совсем хорошо. Разыскал многих. Наших двух все не видать. Настроение среди публики отрадное. О ликвидаторах и слышать не хотят. Все без различия привет-

ствуют наши начинания. В успехе не сомневаюсь. Почти на каждом заводе имеется сплоченная группа. Было одно собрание представителей ячеек В. О. [1]). Представляло человек 50. Выслушав доклад, приняли следующую резолюцию: „Выслушав доклад об общепартийной конференции, собр. представителей ячеек В. О. Р. выражает полную солидарность решениям конф. и приветствует избр. ею Ц. К. и будет всячески поддерживать его в трудной работе по объединению и сплочению всех партийных элементов, ведя беспощадную борьбу против разрушителей партии г.г. ликвидаторов“. Резолюция эта была принята единогласно. О национальных организациях собрание подчеркнуло свое полное согласие с резолюциями конф., высказав пожелание, чтобы Ц. К.... Национ. орган. рабочие полагают, что нац. орг. имеют право решающего голоса в Ц. К. только по тем вопросам, которые касаются именно их. Но ни в коем случае недопустимо, чтобы нац. орган. мешали русской работе. Не думайте, что это плоды моей агитации, это их искреннее желание, и в этом они куда дальше меня идут. Меки рабочие слышать не хотят об единстве с ликвидаторами; когда я им говорил о Плех. по этому поводу, они как будто затрудняются верить. Не допускают, чтобы он мог требовать единства с ликвидаторами. Да и как возможно единство с ликвидаторами, когда они ведут специально травлю против партии. Многие из них обещались написать письмо Плех. Молчание Плех., а тем более выступление против нас, всецело на руку ликвидаторам. Вот пример. „Ж. Д.“ [2]) рекламирует как мек, а не как бек. Меки не видят продуктов Плех. во втором, думают, что он в первом, и потому меки—самые ярые противники ликвидаторов, на самом деле помогают ликвидаторам. Ну, чорт с ними, ничего не поделаешь. Забастовка на Путиловском возникла стихийно, так же и закончилась. Ну, пока всего хорошего.

С... [3]).

---

[1]) Василеостровского Района.

[2]) „Живое Дело“, газета ликвидаторов.

[3]) Письмо принадлежит агенту Ц. К., избранного на общепартийной конференции. Неизвестный товарищ — подпись С. (Степан), очевидно, т. Сталин или Серго. *Ред.*

№ 2.

С.-Петербург, 10 февраля 1912 г. „С...“, в Париж, г-ну Гайдамовичу, 11 bis, Val de Grâce.

Для Н. К. (Надежде Константиновне).

Дорогие друзья. Сегодня я вам послал через Пятницу [1]) письмо Н. Г. [2]). Он там подробно пишет о том предприятии, для которого просил 3.000 р. [3]). Дело об этом предприятии в настоящее время стоит так, что, если мы не возьмемся сейчас же, оно безусловно перейдет в руки наших противников и тогда дело скверно. По-моему, упустить это дело из своих рук ни в коем случае нельзя. Если бы мы его не взяли сейчас же в свои руки, то после создать подобное уже будет невозможно. Н. Г. надеется получить 3.000, но тот ставит ультиматум, что если до 15/II не выяснится, то он передаст нашим конкурентам. Нечего говорить, что в будущем предприятии не должно повторять глупости Ив. Ивановича [4]). Н. Г. предлагает Б., И. П., а третьего чтобы дали мы [5]). Я думаю, пока можно оставить его самого, но с условием не допускать глупостей. Впрочем, я не знаю, быть может, кто-нибудь и найдется, но пока важно принципиальное решение этого вопроса. Обещался помогать и тот, который Мартушку назвал „бестолковым писателем в шумихе“. Он также не прочь в будущем предложить себя. Вообще о необходимости этого предприятия говорить не приходится. Дело в средствах. Н. Г. просит 3.000, он об этом пишет вам. Я думаю, что нам нужно принять все условия, чтобы осуществить это. Я предлагаю следующее: прекратить дело Пятницы [6]), на время воздержаться от тамошних дел, ибо они совершенно бесполезны, и все сред-

---

[1]) Тов. М. Пятницкий.

[2]) Николай Гурьевич Полетаев, член III Г. Думы.

[3]) Вопрос идет о ежедневной газете.

[4]) Ив. Ив.—И. Гладнев (С. М. Закс). Вопрос идет о его передовой, помещенной в „Звезде“, возмутившей заграницу.

[5]) Дело идет о составе редакции ежедневной рабочей газеты. Намечается состав: из Н. Н. Батурина, Н. П. Покровского и Н. Г Полетаева.

[6]) Он же Альберт, М. Таршин.

ства пустить в ход для здешнего. Я думаю, что 2.000 р. мы можем дать. Н. Г. говорил, что 100 р. обещался дать ваш один, а 1.000 из своих средств. Я думаю, что все наши пойдут на это. Дальше мы изыщем еще где-нибудь. Прочтите это письмо Инесе [1]) и просите ее, чтобы она расшевелила своих знакомых, дайте ей мой адрес. Итак, мое предложение выдать 2.000 р. и поставить непременным условием проведение целого. Прошу о вашем мнении телеграфировать, как только получите письмо, согласны или нет. Я буду очень рад, если вы согласитесь на это. Деньги нужно будет перевести сразу, ибо необходимо сейчас же приобрести все, иначе по частям обойдется дорого. Жду телеграммы на имя той, которой пересланы деньги. Жду во вторник или в среду. Отвечайте немедленно. После принципиального согласия приступим к подготовительной работе. Жду согласия.

Ваш С... [2]).

№ 3.

Киев, 24/II — 1912 года, Париж, Гайдамовичу, 11 бис, Валь де Грас, 11.

Химический текст.

Дорогие друзья. Ездил к Ивановичу. Окончательно с ним столковались. Он остался доволен исходом дела. Извещение произвело великолепное впечатление. У него же видел Любича, он обещался помогать. О Питере писал вам. Центральную группу не мог разыскать,—кажется, провалилась. Группа объединения из 5-ти человек ничего из себя не представляет. Троцкистская, но с нами хотят работать, пусть, ругаться в печати не стоит. Степка [3]) оказался прямо-таки молодцом. Послал вам 2 резолюции В. О. района. Получили или нет? Вообще, должен сказать, что у меня очень бодрое настроение. В Моск. вор. Иван не мог

---

[1]) Арманд, Елизавета Федоровна.

[2]) Письмо Сталина (?). *Ред.*

[3]) Степка — Сталин (?). *Ред.*

видеть, боюсь, как бы не влетел он. Видел Константина, по его словам, у них дела лучше гораздо. Сам он сделал два доклада, которые вполне удовлетворили публику. Доволен (Кацап пример). В Константине, я думаю, не обманусь. Он довольно энергично защищал конференцию, как мне передавали друзья. В Москве отдельные районы выпускают листки. В конференции все видят выход из склоки и все приветствуют. Даже некоторые полуликвидаторы и те говорят, как трудно было ожидать при нынешних условиях. Везде и всюду просят резолюций, только жаль, что их нет в большом количестве, шлите по нескольку экземпляров по имеющимся адресам. В Киеве очень крепко. Еженедельно выходят листки и ведется работа. Виктор молодцом провел доклады. Признана единогласно общепартийность. Савку он сплавил, не допустив даже доклад его. Вот все пока. Пишите на имя Тимофея. Пишите подробно обо всем.

Фракция провалила предложение. Нет ли известий от Валентина и Еремы (Леонида)?

Карандашом охранка: Виктор—киевский представитель; Савва — Екатеринослав; Валентин — Саратовский; Ерема (Леонид)—г. Николаева; Константин—московский.

№ 4.

С.-Петербург, 7 марта 1912 г., „Чижиков“, в Льеж, 97, rue de Frague, Maurice Rahier.

Химический текст.

(Сохранена орфография подлинника).

Дорогая Надежда Константиновна. Извещаю вас, что транспорт литературы около 2 пудов мы привезли, в том числе и 265 штук извещений. Доклады делали всем имевшимся членам и продолжаем делать вновь отысканной публики. П. К. пополнили, организовываем район. ком., с центральной группой почти устроились совсем, сделали им два доклада. К нам примкнул весь Невский район центр. группы 26 челов., остальные 19 челов. у них арестованы,— влез к ним провокатор. Дело видно в будущем у нас будет очень хорошо. Начинаем работать над созывом Пет.

конференции. Эта последняя работа устранит все трения и будет влиятельный П. К. Тормоз—техники нет еще налаженной. Средств у нас нет ни копейки. Сообщите куда следует, пусть посылают на смену людей или шлют денег. Всю работу везем трое, если денег не пришлют, принуждены будем искать работы, чтобы существовать. Настроение хорошее. Рабочие идут в организацию. Работа теперь главным образом идет в отыскивании связей повсюду, бегать приходится, доклады сделаны на Невском, Выборгском и Василеостровском городском. Прения не кончены в Невском и Выборгском. Были вам посланы резолюции П. К. и Василеостровского района. Получены ли? Отвечайте скорей. С товарищеским приветом.

Чижиков.

№ 5.

С.-Петербург, 20 марта 1912 г., Париж, XIV, I. Шацкому, № 1 rue Zeneven (XIV).

1) Не помещаем присланн. статей против „Живого Дела", потому что они абсолютно нецензурные (мнение не только Н. Г. [1]), но и Ник. Ник.) [2]), подходят даже не под 129, а прямо под 102 ст. „Ж. Д-лу" выступать легко, их номера с нападками и не конфискуются даже; № 7 с нападками против конференции не был конфискован, да это ведь и на руку администрации, пожалуй, и субсидию дадут; с критикой и нападками на с.-д. невозбранно выступает и легальная пресса, но это не доказывает, что нам дадут возможность защищаться такими статьями. Полиция и то стережет каждый номер, и совершенно различно отношение администрации к „Зв." и „Ж. Д.", им легко нападать, но нам трудно защищаться при таких условиях. Пытались мы изменить эти условия. Направили человека к одному влиятельному лицу, который в прежние времена за мзду улаживал такого сорта дела. Абсолютно отказался теперь в виду отношения к „Зв.": почти по поводу каждого номера идут доклады мини-

---

[1]) Н. Г. Полетаев.
[2]) Н. Н. Батурин.

стру внутренних дел, а статьи И-ча [1]) последнее время даже Макарову. Охран. отд. с постоянными жалобами на бездействие градоначальника по отношению к этой газ. Конфискация теперь производится уже не на бумаге (в 2 дня), а по телеграфу с 8 час утра. Последнее время чиновник дежурит в самой типографии и в 5 мин. уже распоряжается о конфискации. Остается или не печатать этих статей вовсе или напечатать их в одном номере, который будет последним, а затем закрыть лавочку. Линия поведения газеты не в ругани же с „Ж. Д.".—Полемика—полемике рознь. И никаких обещаний насчет вновь полученных статей дать не можем, статьи эти еще не прочитаны. Нов. газета формально должна хоть, розниться по существу от „Зв"., не то закроют моментально.

2) Платформа [2]) передана „Просвещению", может быть, и пустим раньше, чем пойдет в „Просвещении". Остаемся при прежнем мнении насчет платформы. Насчет колебаний имейте в виду, что Петербург—не Париж, да и колебаться-то некому. Легальной платформы своей дать нельзя, пока не переработаем, а переработать некому.

3) Из 3-х тыс. руб. на ежедневн. проведена 1 тыс. (с согласия Ив. Ив. жертвователя) в виде пожертвований, действит. пожертвованных на „Зв." всего 600 р. Эта проведена тысяча здесь и верные деньги, а остальные 2 тыс. руб. были обещаны наследником одной фабрики. Дело его лопнуло, потерпел крах и распутывается теперь со своими кредиторами, не отказывается отдать эти деньги, но раньше апреля их дать не может, векселя согласен дать и сейчас, но вопрос, удастся ли их учесть. Пока имеются в наличности ваши полторы тысячи, 600 р. через „Зв." и 1000 р. (из 3000 р.) в Т..., котор. можно будет взять когда угодно, если можно будет учесть векселя на 2000 р., будет всего 5000 р., еще полторы тысячи, что вы должны прислать и через „Зв." еще верных 500 р. в течение месяца—итого 7000 р.—минимум, при которых только и можно объявить подписку. Во вторник 20 числа ст. ст. обещаны векселя, и

---

[1]) Владимир Ильич.

[2]) Очевидно, идет речь о платформе для избирательной кампании.

если вы немедленно вышлите полторы тысячи (по прошлому адресу на Госуд. Д.), то на пасх. неделе откроем в „Зв.“ подписку на ежедн., а в апреле начнем ее выпускать. Но для редакции нет ни одного человека, а вы в газетном деле ни бельмеса не смыслите. Вы себе не представляете, что рабочую газету может убить тираж. При дешевой газете увеличение тиража увеличивает убытки. Пример: если 2-х к. ежедн. газ. может существовать без прибыли и убытку, при тираже в 40000, то в 43000—45000 она даст убыток. Без убытку ежедн. газета может существовать при тираже в 40000—60000 или 40000—80000, на 5 тыс. свыше 40 тыс. или 80 тыс. приносят убыток, объясняется это тем, что эти лишние несколько тысяч заставляют прибавлять служащих и на экспедиции и в конторе, при чем эти лишние тысячи расходов на них лишних никогда не покроют. 2 П-бургск. газ. „Совр. Сл.“ и „Копейка“ увеличением тиража несут убыток, а существуют увеличением построчной платы за объявления („Коп.“). Объявления у них с излишком покрывают расходы. Мы надеяться на объявления не можем. Все попытки кончились ничем. Я боюсь, как бы у нас не вышла эта история. Для начала рассчитываем пустить 40000 при цене 2 коп. Примите к сведению, что в артели пойдет по 1 к., а они будут пускать по 2 к. Только пятачк. газ. с увеличением тиража дает прибыль. Вы, может быть, удивитесь, что мы последние 5 номеров печатали в количестве 30000. Каждый номер на двух машинах, и все думаете, что при таком тираже должен быть барыш, но почти каждый номер конфискуется и вместо денег, в особенности из провинции, получаем полицейские протоколы об отобрании газеты на вокзалах, при выгрузке, в особенности усиленная конфискация происходит в Риге, Варшаве, Одессе, Харькове, Нижн.-Новгороде, а последнее время и в Екатеринославе. Одна центральная экспедиция, которая отправляет газеты в провинцию, дала протоколов на 8000 экз., значит, пропало 200 р. для редакции. Денег из провинции поступает очень мало, а в Нижн.-Новг. совсем не выдают даже газет, а отправляют их обратно. Не только вы аккуратно не получаете газеты, и все подписчики не получают аккуратно, потому что отбирают на

почте. В Екат. полиц. отбирает и неконфискованные номера, по телеграфу моментально извещают, что номер конфискован, вот почему и при 30000 тиража мы еле сводим концы с концами. С увеличением тиража возросли расходы на контору, экспедицию и число служащих—потому насчет гонорара ничего не обещаем. При первой возможности отошлем, но не определенно и не построчно, а только от времени до времени. Теперь будет выходить другая газета вместо „Зв.“, также 3 раза в неделю, в форме 2-х копеечн. Ликвидаторы наладили издательскую группу рабочих, состоит из представителей клубов и професс. союзов, будут выпускать ежедневную газету и др. издания, было несколько собраний, решено и подано заявление о газете, но, по-моему, едва ли что выйдет. Призывов о пожертвованиях не приходится делать, даже на голодающих невозможно, не то, что на с.-д. газ.

4) Относительно „Спутника“ вы посадили нас в дырявую галошу. Имели глупость дать о нем объявление, посыпались требования со всех сторон, а он даже не написан. Да интересно бы знать, как мы сумели бы дать книжку свыше 5 листов, да еще гонорар заплатить вам, когда она нам обойдется сама около или свыше 15 к., да нужно еще рассчитывать и на конфискацию, значит, мудрено продавать ее. И. П. уехал на пасху на каникулы, и значит первой главы не будет. Придется вам самим написать и для этого я послал вам книгу: „Положение о выборах, изд. Мин. Внутр. Дел“, получили ли? Пишите об этом. Коррект. у нас прекрасный, один из лучших в Пит., но он, работая день и ночь, не успевает прочитать все, ибо газета выходит при вышеописанных невозможных условиях, когда нужно стараться только как можно скорее выпустить и сдать ее. Все статьи поступают перед самым выпуском, и не одному корректору, а 5—6 следовало бы читать, но нет средств на такую роскошь. Рабочие наборщики проклинают ваши рукописи (особенно И—ча) и ставят ультиматум, что набирать не будут недописанных слов. Им ничего не остается с такой работы. Рукописи нечитанные сдаются в набор, а читать некогда и некому. Б. совсем больной. Не сегодня—завтра сляжет в больницу,

остальные сотрудники „Зв.“ вынесли резолюцию, напечатав в № 9 „Ж. Д.“ (была принесена и нам, но мы, не читав, отказались), резол. 10 беков (вот это и есть, т. ск., „дорогие друзья“, к котор. обращаетесь в письме), кроме Б. Он не участвовал в этом собрании и даже не знал о нем. В 10 ном. „Ж. Д.“, надо полагать, появится ст., что она (резолюция) принадлежит сотрудникам „Зв.“. Поразмыслите теперь, можно ли одному человеку вести все дело, да еще при таких условиях, что вы ни единой статьи на политические темы, кроме полемических, не присылаете. А сотрудники из этих 10, вероятно, рассердятся, что мы не напечатали их резолюцию и не станут больше писать для „Зв.“ (фактическ. же редакц.—я, жена и сынишка, почти единственные люди, обслуживающие газету). „Зв“. и при ежедн. будет выходить не менее 3 раз, а на пасхальной неделе—4 раза, добиваемся довести ее также до ежедн., во всяком случае уменьшать количество не будем. Для ежедн., очевидно, придется пригласить сотрудников литераторов со стороны за плату. Обращение латыш. рабочих было прислано латыш. Ц. К. на имя П. [1]) с непременным условием передать только в „Ж. Д.“—Протест путиловцев против „Ж. Д.“ пришлем. Против сообщения в „Киевскую Мысль“ тиснем. В Амер. напишем. И. П. и сам дает статьи по возможности. Поспешите с деньгами, если хотите, чтобы газета скорее выходила [2]).

№ 6.

С.-Петербург, 13 апреля 1912 г., Цюрих, М. Лесковасска. Шонлейнштрассе, 10/III.

Дорогой Жорж. На-днях собирался послать через тебя за литературу 5 руб. Но, к несчастью, обстоятельства сложились так, что сделать это невозможно. Теперь мы налаживаем в Выб. районе типографию (станок и шрифт уже на примете), так пока что здесь деньги требуются и потому за литературу пришлю только после 5-го мая. В понедельник думаем устроить митинг на заводе Эриксона (Выб. ст.). Не знаем только, найдем ли орателя. Говорить нужно о

[1]) Петербургского Комитета.
[2]) Письмо Н. Г. Полетаева. *Ред.*

Лене. Если я не найду такового за Нарвской, то могут все дело перехватить ликвидаторы. В Выб. районе вообще замечается повышенное настроение и очень может быть вскоре оно оформится, как следует быть. Теперь пока что мы заняты стачкой на заводе Нобеля, печатаем тысячи экземпляров самых разнообразных воззваний и организуем сбор денег среди рабочих Петербурга на помощь бастующим. Сборы проходят удачно. Нет ли у тебя человека, который сумел бы не ударить лицом в грязь на митинге по поводу Лены? Жаль, поздно я к тебе обращаюсь, впрочем, мы приложим старания, чтобы обождать с митингом.

№ 7.

С.-Петербург, 30 июля 1912 года, „Михаил...", в Краков, к Вл. Ульянову, Zwierzyvuc Z—218.

Уважаемый товарищ. Ваша статья „Итоги полугодовой работы" уже началась печатанием сегодня. Она будет помещена в 4 последовательных номерах. Статья „Об избирательной платформе" пойдет, но несколько времени спустя. К ней, между прочим, мы должны приготовиться, так сказать, „технически", ибо она по форме резко выходит за пределы цензурности. Статьи „О кадетах" отчасти идут у нас, отчасти в „Невск. Зв.". Кстати, редакция получает со всех сторон указания на то, что чересчур много уделяется внимания кадетам, в частности, „Речи". От вас мы получаем этого материала в избытке, да кроме того еще поступает на эту тему большое количество. Необходимо, признает редакция, помещать 1, максимум 2 статьи против кадетов, но не больше. А то газета получается однообразная и место идет в ущерб остальному материалу. Статья Н. Скопина [1]) „О свободе коалиции" пойдет фельетоном, вероятно, после статьи Статистики. Получили посылку ценную на 20 р. с книгами и рукописями. Дайте какой-нибудь еще адрес на имя Ульянова. С товар. приветом.

Секретарь А. Михаил [2])...

---

[1]) Г. Е. Зиновьев.

[2]) Очевидно, т. Молотов, В. М. *Ред.*

(Письмо написано на бланке: „Редакция и контора газеты „Правда“ Спб., Николаевская, 37“).

№ 8.

С.-Петербург, 7 августа 1912 г., Цюрих, Карцеву, Винкельридштрассе, 13/II.

Дорогое идолище, оно же—поганое. Извиняюсь, что так долго не писал. Времени нет—и так корреспонденция обширна. Избират. кампания в полном ходу. Ликвидаторы, проявляя максимум подлости и демагогии при минимуме политического чутья и такта, прилагают все усилия, чтобы создать ensemble раскола. Я подчеркиваю это слово, ибо самого раскола они боятся хуже огня, зная, что он им не предвещает ничего доброго. Невский либеральный голос прекратил свое жалкое существование. Крайне характерна демократическая позиция ликвидаторов на межеумочном совещании, устроенном интеллигентами-примиренцами: они всеми силами протестовали против включения в состав избирательного комитета представителей от рабочих организаций, не только от нелегальных, но и от профессиональных союзов. Кстати сказать, в это избирательное совещание они—меки—официально не были приглашены. Встретив там киселю подобных примиренцев, они до того обнаглели, что потребовали себе два места по 2 курии, но, получив отпор, отказались от этого, и совещание распалось. Далее, интересна их так сказать платформа-минимум, выдвигаемая большинством: требования ограничиваются только экономически и еще свободой коалиций. У нас же положение таково: есть районные организации, ведущие работу; настроение огромного большинства рабочих резко анти-ликвидаторское, и на компромисс с этими господами итти не намерены. Но чувствуется большая разрозненность и организационный разброд, вызываемый отсутствием общегородского органа, но последнее близко к преодолению—воссоздается междурайонное совещание, а с ним и... Почва для

работы очень хорошая, лучше всего в Невском и Нарвском р.р. Там выпускаются листки, ведется организованная работа. В 1-м было появились серы, но скоро скапутились. Вне организации полный разброд; интеллигентская болтовня и столкновение кумушек. Среди масс успехом пользуется только наша платформа, даже сторонники меков из рабочих после нескольких разъяснений к.-р. [1]) природы ликвидаторства становятся на нашу точку зрения и даже защищают ленинскую конференцию. Что же касается до, с позволения сказать, меньшевик.-партийцев, то это совершеннейшие меки со специально для избир. кампании партийно настроенной физиономией. „Моему другу" скажите, что они такие же партийцы, как я—мек. Среди рабочих—правда—есть меки, но это хорошая публика, идущая рука об руку с нами и с ними никаких существенных разногласий быть не может. Меки здесь сугубо откровенны: „иерархию" они в принципе отрицают и заявляют себя вне ее; в святой простоте, однако, утверждая, что Ленин их вышиб из оной. Под такими лозунгами проходят выборы на мековскую конф. Нарвский Р. К. выразил свой категорический протест. Привожу резолюцию: „Находя, что созываемая конф. имеет своею целью объед. меков с заграничными кружками и предст. попытку навязать рабочим России такую тактику, которая бы осуществила возможность раскола рабочего движ. меками, Н. Р. К. заявляет свой решительный протест". Приходится много писать нашим, и времени нет. Идол. Придумай и сообщи шифр, а также не забывай своих обязательств. Времени для писания нет: это хорошо вам казуистам. Крепко жму руку.

По старому адресу не пиши: а новый (для писем твоих и гравюр) Технологический институт, студ. Никол. Ив. Голикову.

Бамбино-вундеркинд [2]).

---

[1]) Контр-революционной.

[2]) Письмо неизвестного автора характеризует общее настроение рабочих кругов в избирательной кампании. *Ред.*

№ 9.

С.-Петербург, 27 августа 1912 г., „А“ в Краков, Вл. Ульянову, улица Любомирского, 47.

Здравствуйте, дорогой В. И. [1]). Письмо ваше получил, но сейчас не могу отвечать на него, некогда собраться с мыслями. Работы по газете страшно много, а у меня еще и служебные занятия. Весной резко сказалось переутомление, в начале лета отдохнул, а теперь опять скверно, с сердцем что-то неладно. У меня есть для вас толстая книга Солнцева „Заработная плата как проблема распределения“... Самому хотя бы посмотреть—дело безнадежное. О книге говорили, да и тема интересна. Думаю, вы должны бы написать не рецензию о ней, а основательную журнальную статью по поводу ее. Кстати, давно хотел сказать: очень и очень пора взяться вплотную за Тугана. Это теперь здесь в области политической экономии звезда первой величины, чуть ли не непререкаемый авторитет, хотя его „курс“ и т. п. жалкая эклектика, в курсе и проч. он еще сравнительно осторожно поправляет Маркса; а в лекциях и в семинарии (наприм., на высших жен. курсах) ведет непрерывную, резкую и нахальную войну против марксизма, пользуясь тем, что ему не могут возражать. И постепенно тугановщина становится среди интеллигенции господствующим полит.-эконом. мировоззрением. В газете, как вы могли видеть, прервано молчание по адресу л-ров [2]). Помои № 7 Н. Г. сделали свое дело и сослужили недобрую службу л-рам. Все же в газете придется продолжать воевать с „помойниками“ [3]), но не помоями же, а ассенизацией. В области крепких слов и резкостей дальше итти некуда,—нужен бы тон или смешливый, или снисходительно-жалеющий, а для публики—разъяснительный. Я думаю, что вы бы в первую очередь должны бы дать обстоятельную статью на тему: „Класс и партия“, ибо на смешении этих понятий основана вся демагогия „помойников“ (см., напр., Батурского в №№ Н. Г.): по форме статья не должна быть полемическая, но перед

[1]) Владимир Ильич.

[2]) Ликвидаторы.

[3]) Т.-е. с ликвидаторами.

концом или в середине ее могут быть помянуты помойники ради иллюстрации и противопоставления, напр., германскому пониманию партии. Осень близится, дачи скоро опустеют, а редакции пополнятся: на это у меня все надежды в смысле отдыха и поправления здоровья. Хотелось бы повидаться с вами лично, но это не может быть скоро. От Р-ва [1]) получил приглашение писать в новой ирк. газете; согласился и в свою очередь писал ему, что ему не место в „Н. З-ре“ [2]), чтоб писал в „Пр.“ Дело в том, что я все еще смотрю на его недавние статьи как на продукт оторванности и временного настроения. Сердечный привет Н. К. Конверт вскрыт и подклеен вновь мною.

А. [3]).

№ 10.

С.-Петербург, 1 ноября 1912 г. „Мих...“, в Краков, Вл. Ульянову, ул. Любомирского, 47.

Уважаемый товарищ. До нас попрежнему доходят вести о том, что вы жалуетесь на недостаток сведений отсюда. За последнее время я гораздо чаще посылаю вам письма и меня удивляет то, что сюда сообщают. Видимо, не все письма доходят до вас; не есть ли тому доказательство хотя бы в следующем: 1) вы спрашиваете о положении дел в „Луче“—тогда как я недавно писал вам кратко об этом, 2) мы просили вас прислать как можно скорее книгу Литвинова-Фалинского, и до сих пор ее не имеем. Думаем, что последнее напоминание о книге вы примете к сведению, 3) Ю. К. [4]) меня просил напомнить из конторы о Горбатом (в Париже,—теперь вместо Горбатого получается Брейтман), который был рекомендован Ю. К. Горбатый, несмотря на многочисленные напоминания о том, что контора должна получить с него за „Правду“ по нескольким счетам не может собраться ответить ничего. Напомните ему об этом. Недавно я писал вам еще о том, что для нас крайне

[1]) Рожков, Н. А.

[2]) „Новая Заря“.

[3]) М. С. Ольминский (М. Александров). Письмо М. С. Ольминского. *Ред.*

[4]) Л. Б. Каменев.

важно выяснить отношение к варшавскому депутату Ягелло. Желательно, чтобы вы не замедлили с ответом и пополнили уже присланную вами статью о выборах в Варшаве. Внутри редакции, как вам, вероятно, известно, произошли некоторые перемены в желательном для вас смысле. В общем, нет коренных перемен, произошло некоторое пополнение редакции, а также некоторая перетасовка, а может быть, и более правильное распределение функций редакции, выпуска и непосредственно „редакция статей". На ближайшее время предстоит подписочная кампания и пришлось в контору устроить тоже особого человека (добавочно). О тираже „Правды" я писал: вот уже около месяца, тираж, который до того времени падал, остановился на одной цифре: 22 тыс., по праздникам 24 тысячи. За последние два месяца в „Правде" пошли убытки. Так, за прошлый месяц их было около полторы тысячи, в этот месяц еще не знаем, тогда как первые два месяца давали по нескольку сот рублей прибыли. Наше желание сократить штаты и другие расходы пока неосуществимо. В Петербурге опять горячее время: рабочих, как говорят они сами, „держать нельзя,—бастуют". Местами идет кампания против „Правды", в союзах замечается тоже недовольство обеими газетами. „Луч" эксплоатирует в свою пользу лозунг „единство". Сообщите, на какой адрес, по которому можно послать кое-какой материал.

С товарищ. приветом секретарь Мих... [1]).

№ 11.

С.-Петербург, 25 февраля 1913 г. Бреславль (Германия). Густаву Титце (фабриканту сигар), Гумбольдтштрассе, 8.

Здравствуйте, друзья. Получили мое первое письмо?

1) В Кооперативе [2]) дела обостряются. Наши стоят крепко. Те наступают, собственно наступали. Но теперь роли переменились. Посмотрим, что выйдет. Я рад, что № 3 и № 6 работают дружно. Одно нехорошо: сведущих лиц нет

---

[1]) Письмо В. М. Молотова. *Ред.*

[2]) С.-д. фракция IV Гос. Думы.

или почти нет. Я один не смогу угнаться за всем. Помогайте.

2) В В. [1]) дела неважно обстоят. У нас в руках все права, но сил нет, легальных сил. Система руководства извне ни к чему, это все сознают. С № 46 я буду посылать по статье или по две, но это не есть конечно, руководство. Повторяю, нужны люди внутри В. и непременно легальные. Мы хотим пригласить Сурена и Молония [2]). Пусть Ильич немедля пишет нам: имеет ли что против такого приглашения. Алексей [3]) пропал куда-то; как только появится на горизонте—поймаем и пристроим. А он должен появиться. Д. Бедный обеспечен... Бина [4]) уехала в Москву по делу московской газеты. Должно быть, дела пойдут хорошо. Да, представьте себе: Ольминский сделался зубастым, клянусь собакой... Даже химик [5]) — эх-ма... 3) Ветрова [6]) увижу сегодня. Не мог никак поймать, закупорился, чорт, ввиду вакханалии арестов. Напишу о нем. 4) Виделся с Красом [7]). Говорили с вечера до утра, чорт меня дери. Денег у него, повидимому, нет. „Около трех тысяч, пожалуй, достану". Я сказал, что „рублей 1000, пожалуй, достанем". Он обрадовался и сказал, что если это нужно, то он сегодня же поедет, лишь бы дали ему деньги на проезд. Ввиду денег я ответил уклончиво, тем более, что № 3 очень недоверчиво относится к нему. Условия Краса: 1) Дать ему, Красу, газету на старых звездовских началах, т.-е. он хозяин и нанимает кого найдет нужным. Само собой понятно, он, Крас, по-старому бек и будет на страже в духе соответствующем. 2) У него в редакции будет кроме него самого Гегечкори и Окр. [8]), при чем Гегечкори требует, чтобы Костров [9]) был принят в число сотрудников, на что Крас согласен. Крас думает провести Гегеч-

---

[1]) „Правда".

[2]) Сурена и Молония (?)

[3]) А. Лобов.

[4]) Вал. Ник. Лобова.

[5]) А. С. Бубнов.

[6]) М. А. Савельев.

[7]) Очевидно, Н. Г. Полетаев.

[8]) Окр.-Покр. (Покровский) (?)

[9]) Н.

кори. Он не поместит ни одной статьи Кострова, хотя формально последний и будет числиться сотрудником и таким образом мало-по-малу подвергнуть Гегечкори такой же эволюции, какой он подверг одно время Покровского. Словом, маленькая авантюра. Я ему сказал, что могу ответить не ранее двух недель. Он поехал в Москву к Никитичу [1]) по „частным делам“, а ходят слухи, что едет за деньгами. Быть может, не мешало бы дать ему рублей 100 на поездку к вам. Стоит ли, право, не ручаюсь... Я еще поговорю с ним. 5) Дело с библиотекой „Правды“ пока стоит. Существование „Прибоя“ мешает делу. „Прибой“ организован на паевых началах (14 членов, при чем более половины беки, хотя ничего антиликвидаторского не хотят пускать, но ждут положительной работы). Беда в том, что № 3, кажется, уже завлекли, и теперь ему (№ 3) трудно выпутаться. Но он выпутается, конечно. Пока приходится ждать. Проклятое безлюдие сказывается во всем. 6) Как дело с Ц. О.? Если хотите, я могу дать для Ц. О. обзор двухмесячной борьбы—работы в Питере. Кажется не лишне будет. Сообщите, если нужно. 7) У нас из Ц. О. извещений мало. Если есть у вас человек, пусть приедет с ношей (только умело и чисто) к № 3. Адрес знаете. Перед отправкой—сообщите. Нужны Ц. О. и „Известия“ до зарезу. Несколько сот штук.

Семерка [2]) и „Луч“ в ссоре. Семерка хочет пригласить людей для того, чтобы осадить Дана. Мы своей кампанией хотим их еще больше рассорить. Друзья, немедля пришлите бакинские адреса: хотим организовать скандал Скобелеву [3]).

---

[1]) Никитич—Красин (?).

[2]) Меньшевистская часть с.-д. фракции в IV Гос. Думе.

[3]) Член Гос. Думы М. Скобелев.

Письмо Я. М. Свердлова. *Ред.*

Два письма.

Ниже мы печатаем два письма тов. В. Н. Яковлевой в ссылку, характеризующие обстановку нелегальной работы во время и непосредственно после февральского совещания, относящиеся к периоду конца 1912 года и началу 1913 г.

Ред.

Письмо Варвары Николаевны Яковлевой Александру Петровичу Смирнову в ссылку.

12/XII—12 г.

№ 1.

Дорогие друзья А. П. и П. М. Получила ваше письмо от 27/XI. Ужасно обрадовалась. После долгого перерыва вдруг целые восемь страниц. Вы пишете о протоколах. Достать-то их можно бы, да как послать, ведь они конфискованы. Я еще могла бы послать, а Н. К. [1]) ведь-это утопия. Что я достану, пришлю; об остальном напишу Н. К. и представлю на ее усмотрение.

Очень меня угнетает история с Коми [2]). От Хохлова давно ничего не имею. Должно, и с ним приключилось. Вот везет парню. А разве Коми еще не окончил срока. Мне казалось, он должен в сентябре уйти на свободу.

Все-таки теперь потруднее стало у вас, раз часто ходят справляться о благополучном пребывании на месте. А куда же делся г. Овсянников?

[1]) Очевидно Надежда Константиновна Крупская.
[2]) Коми (?).

Насчет объединенной [1]) можно только сказать: катятся, катятся, авось куда-нибудь да докатятся. Пожалуй, только к тому времени расползутся, разлезутся.

Ну, сообщу все-таки, что знаю. Немцы накидали денег ликв. О. К., дали под видом того, что дают Латышам, Бунду и Кавказцам: отсыпали 15 тысяч марок: сообщу вам кое-что о русской делегации на Базельский международный конгресс. Из большевиков явился Каменев, а про остальных неизвестно, что они из себя представляют. Прибыл и Алексинский.

Плеханов заболел и уступил свое место... угадайте кому—Мартынову. Из ликвидаторов были Дан, Семковский (из О. К.) и большое количество других. Надо было распределить 7 решающих голосов. По этому вопросу делегация сначала заседала вместе. Большевики требовали не давать голосов О. К., но уступили. Против их голосов было принято такое постановление: Ц. К.—2 голоса, О. К.—2 голоса, остальные—другим, в том числе „Впереду". С этим примирились, чтобы не поднимать скандала. На следующем заседании меньшевики заявили, что в делегации О. К. одним из двух будет представитель питерской инициативной группы (Таким путем они хотели добиться санкции Иниц. групп). Тогда большевики протестовали и в конце концов ушли из делегации, образовали свою группу и подали заявление в Международное Бюро. Что касается думской фракции, то ее фракционный состав не вполне определился. Известно, что все депутаты от рабочей курии—большевики. Ходят слухи, что меньшевики ведут агитацию за отзыв Бадаева [2]). При каких условиях произошло его избрание, вы, вероятно, знаете из „Правды". Если нет, если не получаете „Правды", сообщите—напишу. Пока это все новости: что касается меня, то я здорова. Видела на-днях вашу знакомую Ольгу Ивановну [3]). Она уже на родине, работает во-всю. Вы как думаете насчет амнистии февральской?

---

[1]) Очевидно, объединенная с.-д. организация.

[2]) А. Е. Бадаев. Член IV Гос. Думы.

[3]) Ольга Ивановна—В. Н. Яковлева, в письме автор пишет о самой себе в третьем лице.

Поговаривают, что частичную все-таки дадут. Если попадете в число „роковое" и приедете в Белокаменную, заходите ко мне. Будут рады. Напишите, действует ли адрес, который вы давали? Впредь не наклеивайте на внутреннем конверте марок—чего зря тратиться на марки.

Ну, всех благ. Обоим вам жму крепко руки. Альку целую. Малышу желаю здоровья. Ваша К. Пишите подробнее, что получили.

№ 2.

Москва, 22 января 1913 г., в г. Нарым, Томской губ. Александру Петровичу Смирнову.

21/I—13 г.

Дорогие кум и кума, давно я не писала вам; не очень сердитесь за это, много к этому причин было. Давайте расскажу сперва вам о том, что узнала от Н. К. [1]).

Не так давно произошло то же самое, не совсем то же самое, а подобие, соответственно тому и название иное, что было в январе прошлого года. По словам Н. К., было так духоподъемно, как еще никогда, но собственно результаты оказались вряд ли бо́льшими, чем прежде. Констатировано, что всюду имеются своеобразные штуки [2]), оторванные друг от друга, но с глубоко хорошим духом. То же самое ведь было и раньше. Далее констатировано, что если раньше просвещенных [3]) „чумазых" (выражаясь словом Володи) [4]) можно было считать десятками, то теперь они уже считаются сотнями. Одним словом, отмечен рост. Неоспоримый плюс имеется в месте, находящемся под тем же градусом широты, под каким живете и вы. Там имеется большая оформленность. Есть кучер, держащий в руках вожжи от всех лошадей, вырос он сам собой. Есть у него и деньги и люди и вышибить его с козел будет не так-то легко [5]).

---

[1]) Надежда Константиновна Крупская (метафорически имеется в виду вообще заграница и заграничный ЦК).

[2]) Рабочие с.-д. ячейки.

[3]) Сознательные рабочие.

[4]) В. И. Ленин.

[5]) Очевидно, имеется в виду Петроград и рост там рабочего движения в связи с легальными с.-д. газетами.

Кроме этого плюса, положение не изменилось по сравнению с прошлым годом. Можно сказать, что настроение лучше и дело пойдет успешнее. Это—да. Но в смысле того, что уже сделано, перемен нет, за единственным исключением указанного плюса. Это на мой взгляд. Н. К., повидимому, думает иначе и находится в большом восторге. Но по-моему это субъективно и произошло от слишком сильного контраста: то все Григ. Зиновьев, а тут вдруг куча людей привалила, то все была страшная оторванность от всех и гнетущее от этого было настроение, а тут вдруг кое-что. И поэтому по сравнению с прежним нулем, то кое-что выросло в слона. А на самом-то деле все еще может так же рассыпаться, как и после прошлогоднего января.

И насчет „просвещенных". Конечно, все всколыхнулись здорово, и минувшее не могло пройти бесследно. Но все-таки о сотнях просвещенных, действительно просвещенных, говорить столь уверенно—рановато. Сырья столько, что не оберешься. Ольга Ивановна [1]) писала мне на этот счет. Она ездит теперь кругом да около того места, где вы с ней познакомились: область, как видите, большая. Ну, и опыт довольно крупный. Впечатление, как она говорит, получается довольно пестрое. В некоторых местах все обстоит великолепно. А в других—в огромном большинстве руки опускаются. Именно удручает отсутствие не просто бравурно настроенных. Сырья много—вот что больше всего хочется сказать, говорит О. Ивановна. И восхищаться, по ее мнению, еще очень и очень рано; впереди дела тяжелого, черного,—прямо-таки не проворотишь. Ольга же Ивановна пишет, что в самой постановке повторения января, по слухам (но только по слухам), произошло опять кое-что несимпатичное. И опять будто бы там, где вы с ней встретились. В самом этом месте довольно пустовато; никаких зацепок у Н. К. не было, и вот это место было олицетворено в образе думца [2]), от этого места и сделано это было

---

[1]) Здесь В. Н. Яковлева касается собственных впечатлений от работы в Московской области (Окружке?).

[2]) Не имеется ли в виду Роман Малиновский, по поводу избрания которого членом Ц.К. высказывается недовольство автором письма—„кое-что несимпатичное")?

без спроса даже тех, кого можно было там найти. Насколько это верно, я не знаю: Ольга Ивановна подчеркивает в своем письме, что это по слухам. Ходят еще слухи, что домогательства ликвидаторов начинают достигать цели, что якобы международное Бюро решило предложить собрать все течения без различия, в целях объединения их. Это все кажется, что пишет Н. К. А вот еще сообщает Ольга Ивановна. Она говорит, что чувствует себя неважно, и неважно, главным образом, в душевном отношении. По самым условиям дела согласно основной задаче строительства снизу, а также (пожалуй, в большей степени) имея в виду ее личные условия, ей приходится переживать строительную оторванность, обособленность. Моменты соприкосновения бывают столь редки, что порою она чувствует себя отдельно болтающимся индивидуумом, никому и ни на что не нужным. Вообще ей дышится трудно. К тому же и нервы, кажется, отчаянно разбились. За лето они отошли, но пока она сидела у брата [1]) и ждала всего необходимого, сегодня получая обещания, завтра отказы, они опять начали развинчиваться. Потом путешествие [2]) прошло не совсем гладко; пришлось пережить ряд моментов, когда она думала, что ляжет костьми. Затем испытание необходимой вещи [3]); по нынешним временам ведь приходится испытывать на собственной особе: ряд ночей не спала, все ждала: вот, вот. Испытание, правда, дало хорошие результаты, но не про все же ведь можно сказать: что прошло, то будет мило. А потом и теперь ведь ей приходится остерегаться, а иногда усиленно работать ночами, стремясь избавиться от тени некоей. Живет все время на чеку. Ну, нервы-то и подаются. А раз нервы не в порядке, выдержки-то и не хватает: невольно впадает в меланхолию. Пишет, что порою ей думается, что она не годна, что не может удовлетворить предъявляемых к ней требований, что изжила себя, свои силы, свои способности: одним словом, что дело в ней, а не в условиях, в которых ей приходится жить.

[1]) Николай Николаевич Яковлев.

[2]) Проезжая через границу с чужим паспортом, тов. Яковлева чуть было не провалилась.

[3]) Паспорта.

Ну, будет об этом. Давайте поговорим о чем-нибудь другом. П. К. [1]) послал вам книги, какие мог найти. А список остальных отправил Зинаиде Павловне [2]). Не знаю, что она предприняла в этом отношении. Очень жаль, что вы по данному вами адресу получили только три письма, вам было отправлено туда много интересного из той области, которую вы просили меня наладить. При таких условиях, я думаю, что в дальнейшем посылать бесполезно. Как вы скажете?

Что у вас говорят насчет амнистии? У меня есть маленькая надежда, что вы попадете. Куда вы думаете тогда двинуться—или еще не строили планов? Если решите вернуться в тот город, где встретились с О. И., или будете только проезжать через него, то Ольга Ивановна просила вам передать, чтобы вы непременно зашли к ее родным. Может быть, удастся повидаться и с ней. Пишите, что у вас нового. Правда ли, что имеется новое правило не выходить из города дальше, чем на 40 шагов и если правда, то как же ухищряются исполнять: кордон, что ли поставили? Как поживает Андрюша [3]). Н. К. пишет, что он будто бы уже ходить научился. Правда ли это? Очень рада в таком случае я за мальчика и за его маму.

Залман замолчал. Я по некоторым соображениям не пишу ему теперь, а он, видно, сердится. Печально мне это. Понемножку все друзья забывают. Ну, что же с ними поделаешь. Так уже видно на роду мне написано. Брат [4]) Ольги Ивановны, наверное, тоже попадет под амнистию. Начал уже кипеть и волноваться. Я очень рада буду, если ему удастся вылезти из своего городишка. Ну, друзья мои, не забывайте же, черкните когда. Все ли здоровы? Как ребятишки? Что кума?

Всего хорошего. Крепко жму ваши руки и целую Альку. Если встретитесь с Ваней Лобановым, передайте ему мой привет, а также Евгении Михайловне и Луке. Будьте здоровы.

---

[1]) П. К. (Ц. К.)?

[2]) З. П. Кржижановская.

[3]) Очевидно, имеется в виду Я. М. Свердлов.

[4]) Ник. Ник. Яковлев находился тогда за границей.

Письмо тов. Ю. Л. Пятакова в «Правду» (Венскую), редактировавшуюся тов. Л. Д. Троцким.

Ниже мы печатаем интересное письмо Юрия Пятакова, бывшего одно время секретарем Киевского Комитета. Стоя на примиренческой позиции и будучи тогда еще меньшевиком-партийцем, он в этом письме выступает против заграничного органа фракции меньшевиков партийцев— венской «Правды», редактировавшейся тогда Л. Д. Троцким. Интересно отношение его к январской конференции, созванной Ц.К. партии в 1911 году. На этой конференции был принят ряд решений, поставивших ликвидаторское крыло вне партии. Признание положений январского совещания явилось для многих наших партийных товарищей оселком, на котором определялось их дальнейшее отношение к партии и партийности вообще.

Киев, 26 мая 1912 года (Пятаков, Георгий Леонидов. „Секретарь Петр.") в Париж к м-м Шаповаловой, рю Бобилотт, 102.

Мы просим напечатать копию Ответа „Правде" в ближайшем № „С.-Д." и Р. Г. В „Правду" уже послано. Посылаем в „Дневник" Петр.

(*Копия*).

Ответ „Правде".

Получив „открытое письмо Киевским товарищам", напечатанное в „Правде" за нашей (вашей ? Ред.) т.т. из редакции, подписью, мы первоначально решили совершенно ничего не отвечать, ибо ложь, дискредитирование партийных учреждений, недопустимые полемические приемы, пере-

держки и т. п. „полемические красоты“ отнюдь не располагали к какому бы то ни было ответу. Однако ввиду того, что наша местная партийная жизнь известна не всем читателям „Правды“ и что читатели ее, поверив на слово редакции и не встретив никаких возражений с нашей стороны, могут составить себе о нашей организации совершенно ложное представление, мы решили ответить на него, послав копию в „С.-Д.“ и „Р. Г.“ и „Днев. С.-Д-т-а“, ради возможно более широкого оглашения. Понятно, что о споре по принципиальному затронутому вами вопросу, по вопросу безусловно нуждающемуся в серьезном, вдумчивом и беспристрастном обсуждении, по вопросу об общепартийности январской конференции и допустимости участия партийцев в ликвидаторском (см. „Дневн.“ № 16) О. К., при таких условиях у нас с вами и речи быть не может. Мы надеемся, что товарищи, которые захотят получить от нас дополнительные разъяснения, которые находят нашу позицию неправильной и, главное, вредной развитию Р.С.-Д.Р.П., обратятся к нам, не прибегая к подобным приемам, и с такими товарищами мы охотно поспорим и охотно уступим в том случае, если они нам докажут, что наше поведение не содействует, а вредит великому делу объединения всех партийных элементов соц. демократ. России.

1) Какое право имеете вы, действительно погрязшие в болоте фракционных распрей, упрекать нас во фракционном неистовстве? Где у вас основания? Спросите всех, знающих нашу организацию, и никто вам не скажет, не посмеет сказать, что мы отстаиваем вообще интересы какой бы то ни было фракции. В качестве же наглядного доказательства мы приведем вам лишь один единственный факт: в нашей организации дружно работают и м-ки и б-ки, и правдовцы, отстаивая свои взгляды, ведя честную идейную борьбу, но никогда не прибегая к таким приемам, которые могли бы привести к так называемой фракционной драке, истребительной междоусобной войне внутри нашей организации до сих пор не было места. Неужели это можно назвать фракционным неистовством?

2) На каком основании вы обращаетесь к нам, как к части некоторого течения? Ведь уже из вышеизложенного

явствует, что в нашей организации имеются представители самых разнообразных внутрипартийных течений, ведь ясно, что обращение к нам, как к целой местной организации, заключающей в себе различные течения, как к группе, примыкающей к одному из них, безусловно недопустимо.

3) Допустим, что вы неточно выразились, и хотели сказать о течении, преобладающем в нашей организации, но и тогда дальнейшие ваши слова безусловно неверны. Вы обращаетесь к нам, как к большевистской организации. Где у вас данные? Все, имеющие хотя бы смутное представление о нашей внутриорганизационной жизни, знают, что в нашей организации преобладает партийный меньшевизм.

4) Далее, вы утверждаете, что наша организация в прошлом году, по вопросу о созыве общепартийной конференции, держалась иного взгляда. Почему? Да потому: 1) что год тому назад К. О. требовал созыва конференции без всякого фракционного ценза и 2) что она предлагала не кому другому, как национальным организациям, взять на себя инициативу этого созыва. Относительно первого пункта сообщение верно, но разве теперь К. О. держится иного взгляда? Достаточно прочесть ее резолюции, напечатанные в „Правде", чтобы убедиться, что по этому вопросу позиция нашей организации не изменилась ни на йоту. Что же касается второго пункта, то, правда, К. О. ныне национальным организациям инициативу взять на себя не предлагает. Но разве она когда-нибудь воспользовалась... Резолюция гласит: „К. О. выражает свою твердую уверенность в том, что Ц-е К-ы национальных организаций сделают все от них зависящее для облегчения и ускорения созыва общепартийной конференции". Где же тут „инициатива" ?

5) Вы находите, что мнение К. О. изменилось: вы находите, что объективные условия не изменились: вы стараетесь поэтому найти причину перемены взгляда в К. О. В этих поисках вы дошли, товарищи, действительно уже до геркулесовых столбов недозволительного: „изменилось лишь одно—говорите вы—на верхушке Киевской организации после ряда провалов, благодаря киевским Кулябкам, кружок товарищей ленинского направления. „Предоста-

вляем товарищам самим судить о красоте и допустимости фраз подчеркнутых нами, мы разберем лишь правильность такого, безусловно тяжелого обвинения. Ведь вы утверждаете, что К., призванный выражать лишь волю организаций, находится в противоречии с таковой и по своему случайному составу не соответствует всей организации. Мы вас спрашиваем, прежде всего, почему вы, товарищи из редакции, считаете нас ленинцами? Не потому ли, что мы по данному частному вопросу пошли вместе с т. Лениным? А если вы идете в организ. комитет вместе с ликвидаторами, то неужели вы от этого становитесь ликвидаторами? Неужели разногласия бол. и мен. сводятся ныне лишь к признанию или непризнанию конференции общепартийной (а можно ли быть ленинцем, не будучи большевиком?). Мы полагали, что эти разногласия глубже, быть может, это наивность... Подойдем к вопросу еще и с другой стороны: признаете ли вы верхушку прошлого года ленинской? Если да, то она значит не изменилась и ваше объяснение не есть объяснение, и мы можем лишь спросить вас, была ли это тоже случайность?—Но мы полагаем, что вы прежнюю верхушку ленинской назвать не рискнете, но ведь вы знаете, что делегат в Р. О. К. был послан прошлогодним комитетом и что решение принять участие в конференции, созыв Р. О. К. было принято прошлогодним комитетом. Далее, делегат был послан не комитетом, а общегородской конференцией, каковая, по предложению комитета, решила данный вопрос окончательно и решила его в утвердительном смысле: избран он был единогласно (сама конференция была выборная), быть может, и вся общегородская конференция была ленинской. Но где же тогда противоречие между комитетом и организацией? Далее: в нынешний К. избрано 5 старых и 2 новых т. т., затем кооптирован еще 1 прежний комитетчик и таким образом из 6 членов К-а лишь 2 новых, а четыре старых. Можно ли говорить о кардинальной перемене состава К.? Далее: в нынешнем К. 4 меньшевика-партийца, 1 бек и 1 внефракционный. Где же большевизм (ленинизм даже) комитета? Товарищи, такие обвинения, не имеющие под собой никакой почвы, только сеют смуту в умах наших

товарищей и вносят дезорганизацию в нашу партийную жизнь. Следовало бы осторожнее бросать их и раньше проверить и еще раз проверить, дабы не внушать массе необоснованного недоверия к руководящему ею исполняющему волю ее центру...

6) Вы говорите, что К. К. поручает созыв следующей общепартийной конференции Ц. К. Это неверно. Конечно, в нормальном случае никто иной, как Ц. К. и должен был бы созывать такую (исключая предусмотренного уставом случая). Теперь положение иное, мы полагаем: январская конференция созывалась, как общепартийная, мы ее признаем, поэтому общепартийной по тем или иным соображениям часть партийных организаций и течений не примкнула к ней; ныне Ц. К. должен сделать все, что в его силах, для объединения вокруг себя всех партийцев, ради чего мы предлагаем „не останавливаться перед созывом следующей общепартийной конференции“, не предвосхищая способа ее созыва. Если важные партийные организации не откажутся примкнуть к ЦК, — а это по всей видимости так и будет, — то мы признаем необходимость в самом непродолжительном времени следующей конференции органом (организаций? *Ред.*), в коей были бы представлены все партийные организации и все внутрипартийные течения, имеющие корни на местах (в России). Этот вопрос подробно у нас еще не обсуждался, и потому, понятно, никакой готовой формулы мы не предлагаем. Мы настаиваем только на недопустимости отдельного представительства ликвидаторских инициативных и иных групп как в органе созывающем конференцию, так и на самой конференции, так как знаем, что это лишь затормозит нашу работу.

7) Мы всеми силами протестуем против обвинения нас в раскольнических тенденциях. Мы, быть может, ошибаемся, мы, быть может, не верно учитываем ваши заграничные распри, но что с самого начала и до сегодняшнего дня мы считали нужным поддерживать первую попытку объединения всей партии, а не части ее—в этом не станет никто сомневаться, если только даст себе труд прочесть нашу резолюцию.

Вот, товарищи, те объяснения, которые мы считали необходимым дать по поводу вашего, согласитесь, не

совсем корректного письма. Ведь должны же вы понимать, что работа на месте сейчас затруднена не только тяжелыми полицейскими и общеполитическими условиями, но и теми внутренними неладами, из-за которых многие организации находятся и поныне в весьма тяжелом положении. Киевской организации до сих пор удавалось избежать этих внутренних драк, свар, взаимных обвинений и прочих прелестей. Очевидно, вам неприятно такое положение нашей организации. Вы недовольны тем, что К. не оторван у нас от организации, что как в комитете, так и в низах беки и меки дружно работают над одним делом,— делом укрепления и расширения нашей организации. Вы хотите разрушить то, что с таким трудом создалось в течение нескольких лет, вы не имеете права этого делать, товарищи из Редакции. Помните: там за границей, вы можете себе драться и ругаться сколько угодно, нам это больно и обидно, что энергия стольких уважаемых и талантливых товарищей ухлопывается не на принципиальные вопросы и споры, не на выяснение важных вопросов партийной и общеполитической жизни, а на ругатню, фракционную драку и взаимообвинения, но в конце концов это ваше дело, сюда же вы не смеете вносить ваши нравы и ваши приемы, и не только вам и заграничникам, всем посмеющим прибегать к подобным приемам, сеять смуту в наших рядах ради достижения своих сепаратных целей и тормозить нашу и без того затрудненную работу создания организации мы скажем: руки прочь...

Комитет Киевской организации Р. С.-Д. Р. П.

22 мая (4 июня) 1912 года.

Примечание: Случайно подлинник был отправлен в „Правду“ до того, как с него была снята копия. Настоящий текст восстановлен по черновику и потому возможны небольшие расхождения этого текста с текстом, посланным в „Правду“. Понятно, отклонения весьма незначительные.

Секретарь Петр.

25 мая 1912 г.

Приложение. Три печатных прокламации „Комитета Киевской организации Р. С.-Д. Р. П.“

Ликвидаторы и правдистская печать.

Меньшевизм, особенно в его наиболее последовательной «ликвидаторской» форме, представлял в период 1910—1914 г. г. наиболее опасного противника для нашей партии. Победа ликвидаторства в рабочем движении несомненно означала бы победу самых оппортунистических и самых отсталых слоев, зараженных столыпинским приспособленчеством. Судьбы русской революции, в случае перехода гегемонии в рабочем движении к этим слоям в ответственный период 1910—14 г. г. становились бы под серьезнейший удар. Понятно, что, борясь с самодержавием, развертывая борьбу за неурезанные революционные лозунги, наша передовая большевистская когорта должна была вести самую решительную борьбу с развратителями рабочего сознания—ликвидаторами.

О тогдашней борьбе и взаимоотношениях между большевистской партией и ликвидаторством можно было бы написать целую книгу. Во всяком случае эта тема требует особого самостоятельного исследования.

В настоящем сборнике мы позволим себе привести лишь два документа, достаточно ярко характеризующие отношение ликвидаторов к большевистской прессе того периода и в частности к «Звезде» и «Правде».

Мы приводим ниже копии двух писем, зарегистрированных в архиве бывшего департамента полиции. Одно письмо, подписанное Давыдовым и адресованное Кранихфельду, мы приводим в выдержках. Оно характеризует положение дел в Екатеринославе и касается жгучего тогда вопроса о подполье. Другое письмо принадлежит перу бывшего лидера меньшевизма Мартова и адресовано в Питер.

Оба письма весьма характерны для рассматриваемой нами эпохи и чрезвычайно красочно обрисовывают настроение ликвидаторов:

Письмо Давыдова.

Екатеринослав, 17 января 1912 г. В С.-Петербург, С. Н. Краннхфельду. Управление Рязанско-Уральской жел. дор. Юрисконсульство. Б. Конюшенная, № 3.

Дорогие товарищи. Ваше письмо получено сегодня 16, I. Мы все сомневались относительно судьбы нашего первого письма; теперь мы знаем уже, что оно было своевременно получено. Настоятельно просим вас никогда не задерживать ответа, и мы тогда тоже будем прилежнее...

...Положение дел у нас. Наши доклады отняли у группы без малого (тек. вопр.) два заседания, а ответы на вопросы, обмен мнений и прения по принцип. части—еще два заседания. Единодушием похвастаться не можем, но все же остаемся добрыми ликрами. Вот резолюция: „Подтверждая свою позицию, занятую при конструировании, группа считает необходимым для успешности с.-д. работы приступить к организации целого ряда инициативн. групп с.-д. Целью таких групп должно быть содействие развитию рабочего движения в открытых его формах и создания открытых как беспартийных экономических, так и с.-д. политических организаций. Не предрешая организ. форм возрождения, Р. С.-Д. Р. П., считая несвоевременным в настоящее время создание иерарх.-централизов. организац. аппарата, группа находит, однако, что инициат. группы должны вести свою работу в духе программы Р. С.-Д. Р. П. и координировать свои действия со всеми существующими в городе рабочими группами".—За все время группа провела много собраний в разных отраслях и в нескольких из них уже образов. инициат. группы. О том, что делается в подполье, вам уже известно из нашей первой корреспонденции в газету: продолжение скоро последует—тоже для газеты. Партийцы сильно мешают в профессиональной работе, где ведут кружковую политику; ввели „вето" и были уже случаи перерешения однажды принятых постановлений (на технических комиссиях) благодаря вето и вмешат. парт. организ. Нами была организована группа на Брянском заводе из старых работников. По несчастью, все почти беки. Пока стояли вопросы и работы, связанные с легализ. союза металлистов. — Все

было гладко и мы имели в виду на этой почве остаться друзьями. Но вдруг туда извне была внесена другая струя— был поставлен вопрос о строительстве. Для этого пожертвовали всей предыдущей работой, отбросили все и раздался приказ: „Никакой работы вне строительства". Толчком к этому послужил отчасти наш доклад о положении союзов и клубов в Питере, в котором совершенно не было уделено места партийным группировкам, так как группа все время считалась профессиональной. На докладе присутствовал ленинский унтер-пришибеев; он решил, что группе грозит ликвидат. опасность, и поставил поэтому вопрос об образ... подчинении и т. д. и т. д. вплоть до борьбы с „шатаниями", „контр.-рев. психол." и „либерал. раб. партией". Нас было двое и мы приняли бой, так как другого выхода не было. Мой коллега (не И.) был настолько прекрасен, что я сам заслушался. Но интересны были также речи рабочих. В то время, когда „унтер" все время подчеркивал необходимость „использования легальных возможностей", рабочие категорически возражали ему на это. Один за другим они высказывались о легализме, как главной причине гибели партии и даже революции. Подполье и только подполье. Легализм— провокация, которая довела партию до ее теперешнего положения. „Унтер" пытался смягчить этот смертный приговор рабочих легализму, но рабочие были неумолимы. Они говорили также, что „принимают участие в кампании за союз только для того, чтобы поднять настроение и показать товарищам по заводу, что путь лежит не туда, а в подполье". В результате длиннейшая резолюция с обычным историческим анализом, всяческими прогнозами, войной с ликвид. и проч. Решено образовать группу Р. С.-Д. Р. П. с подчинением Ц. К. и пр. Наша резолюция была провалена. Вот она: „Собрание постановляет образовать группу с.-д. заводских рабочих. Считая, что фракционность вредно отражается как на течении с.-д. работы, так и на процессе возрождения Р. С.-Д. Р. П.—собрание полагает, что организуемая группа должна стать вне фракции и координировать свои действия со всеми существующими с.-д. группами, к какому бы течению они ни принадлежали". Мы, конечно, заранее считаем безнадежными наши усилия и совершенно

помимо собственной воли внесли эту контр-резолюцию. В начале мы пытались отстаивать деловой практ. професс. характер деятел. группы. Политической работы в этой группе мы не успели поставить, хотя не без успеха разрешили на предыдущих собраниях план проведения голодной кампании. Голоса на собрании разбились так: за большев. резол. 11 реш. и 1 совещ. гол., за нашу 1 решающ. и 2 совещ., кроме того два большевика воздержались от голосования. Последнее мы все же ставим себе в заслугу, так как оба они возражали нам, но были поколеблены. За потерю брянской группы мы компенсируем себя работой среди заводских рабочих Амур-Нижнеднепровск., где наше положение прочно: однако, ждем в этом районе содействия нашего „неприкосновенного“—пусть поторопится присылкой адресов. Политическими группами мы обладаем у деревообделочн., портных и прачешников, приказчиков и в процессе осуществления группа металлистов на Амуре. Кроме того, существует группа женская, стремящаяся к образованию женского просветительного или иного клуба. Помышляем о легальном внеуставном О-ве „для изучения торговли и промышленности“.—Что вы об этом думаете? Непременно обратите внимание на следующее обстоятельство. Журнал „Вестник Знания“ имеет легальную сеть кружков самообразования. Что вы думаете о возможности легальной группировки вокруг иного журнала? Последний вопрос ставит не группа, а лишь один из ее членов; он просит отнестись к ответу на этот вопрос с полным вниманием. Между прочим наша группа поняла ошибку одну. Создавая исключительно професс. ячейки без параллели полит. ячейки в данной отрасли, мы толкнули два цеха в объятия партийцев и теперь вынуждены энергично работать для создания в тех же отраслях самостоятельных политических групп, примык. к нам. С новыми цехами это не повторится... Привет всем. Давыдов.

В письме, как видит читатель, масса „пикантного". В нем видно разочарование г.г. ликвидаторов в рабочей массе, констатируется решительный отказ со стороны передовых екатеринославских рабочих итти с ликвидаторами, несмотря на то, что один из ликвидаторов на собрании „прямо заслушался" речью другого (кукушка хвалит петуха)... В результате полная растерянность, сердитое сваливание вины на „ленинского „унтер-пришибеева", который разбивает их, по их же словам, без всяких усилий, в пух и прах. Наконец, блудливые экивоки на возможное создание О-ва „для изучения торговли и промышленности" и использование сети легальных кружков самообразования при пошлейшем „Вестнике Знания", которые должны, очевидно, явиться для наиболее крайних ликвидаторских голов суррогатом, заменяющим нелегальную партию и т. д.

Екатеринославские рабочие не составляли тогда исключения, уход от ликвидаторов был явлением массовым, перед которым должны были пассовать „лучисты", отбрасываемые силой развертывающихся событий далеко на задворки истории. Сдача позиций под напором революционного настроения рабочего класса того периода—охарактеризованного сгоряча ликвидаторами, как „стачечный азарт"—является общим уделом и действительной трагедией „меньшевистских душ", бесплодно пытающихся подвести под свою теорию „научный базис". Мастера на разглагольствование, меньшевики, даже в лице их лучших голов, никак не могут понять, „что к чему" и поневоле вынуждены „искать вину", как это делает Мартов в нижеприводимом письме, совсем не там, где это надо. Вот почему Мартов не находит ничего лучшего, как неудачи ликвидаторства объяснять „незрелостью рабочей массы", „плохой политикой рабочих" и т. д. Он тщетно призывает к тому, чтобы российские его соратники делали вид, „что их много", что за ними масса, дабы скрыть свое интеллигентское отщепенчество. Касаясь „Дела Жизни", он пишет: надо, чтобы „Д. Ж." говорило столь же авторитетно, чтобы чувствовалось, что за ним не данная лишь группа литераторов, а известное и сильное течение". Но как ни пыталось „Живое Дело", а потом и „Луч", подлаживаться под „пролетариат"—связи с массами не получалось. А ликвидаторские литераторы, размахивая картонными мечами, должны были все больше и больше чувствовать себя на положении непризнанных пророков.

Помещаем письмо Мартова полностью, за исключением самого конца, носящего личный характер:

Письмо Мартова.

Париж, 20 марта 1912 года, С.-Петербург, Малышевой, 6, Рождественская, д. 8, комн. 50.

Дорогой друг. Ваше письмо попало в мои руки с небольшим опозданием в виду моей временной отлучки в Лондон. То же вышло и с письмом Авг. [1]). Так как я не знаю точно, куда сейчас писать последнему, и так как он в письме затронул ту же тему, что и вы, то отвечаю вам обоим. Должен начать с того, что вы совсем неверно представляете себе наше отношение к газете. И мы и цюрихчане относимся к ней с большим интересом, в общем ею довольны, а недовольство теми или иными сторонами в ней не настроило нас ни меланхолически, ни пессимистически. Что касается сотрудничества нашего, то абсентеизм Мартынова [2]), вероятно, объясняется только тем, что в газету издалека трудно писать, не получив предложения написать на определенную тему—особенно в еженедельный орган, могущий уделить место далеко не всем статьям. Т. как-то писал нам, что не знает, за какую тему взяться—не уверен, не пишет ли уже на нее из близко стоящих к газете. В том же роде раз писал и Левитский. Думаю, что тем же может объясниться и отсутствие статей от Балабанова [3]). Кто-нибудь в газете значит должен выполнять функции секретаря и сговариваться с иногородними сотрудниками о темах. Что касается моего сотрудничества, то оно прервалось совершенно случайно: я еще к 3-му номеру послал вторую статью о выборах (просто бандеролью), но не видя ее ни в 3-м ни в 4-м номерах думал, что она откладывается ввиду ее большого размера, а потому не спешил писать намеченную третью. Потом я уехал в Лондон и оттуда уже отправил две статьи. Здесь только узнал из

---

[1]) Вероятно, „Августовский“—псевдоним Антона Фомина Сухорукова. Это и последующие примечания сделаны охранными органами. Оставили их в неприкосновенности. *Ред.*

[2]) Пикер Саул Самойлов—псевдоним „Мартынов“.

[3]) Балабанов Самуил Соломонов.

письма Володи [1]), что моя та статья, очевидно, пропала в пути. С своей стороны я, как и Ф. И. [2]), намерен писать в газете возможно чаще. Когда мы критикуем газету, мы исходим из само собой для нас очевидного факта, что газета ведется вполне литературно и очень живо, так что ни сравнивать ее с бездарной „Звездой“, ни говорить о неудавшемся предприятии не приходится. Но это для нас с самого начала было вне сомнения в виду имевшегося опыта с „Д. Жизни“. Было бы даже трудно на все 6 номеров указать какую-либо статью или заметку, которая была неудачна или неуместна. *При всем том, общее впечатление такое, что чего-то существенного в данный момент в газете недостает*[3]). Я думаю, что недостает той конкретной задачи, которую преследовала бы руководящая группа, той конкретной платформы, которая лежала бы в основе всей ведущейся газетной агитации. Такая конкретная задача была, например, у „Дела Жизни“—формулируя грубо, организация на легальной почве, и это придавало ее пропаганде целостный характер. *Такая конкретная задача есть* у *„Звезды“* — воскресение партийности в кавычках, и при всей своей бездарности и безграмотности „Звезда“ *удовлетворяет определенный общественный запрос и сплачивает вокруг себя определенные элементы. „Ж. Д.“ как будто такой конкретной задачи себе не поставило.* Впечатление такое, что это просто с.-д. орган, освещающий с своей точки зрения ту крупицу обществ. явления, на которую можно реагировать, выходя соло только раз в неделю. Для провинциального органа эта скромная задача достаточна. Положение „Ж. Д.“, что он должен быть направляющим, формирующим ряды единомышленников органом, и простое, по мере сил реагирование на отдельные явления текущей жизни—недостаточно для него. Должна быть центральная задача, боевая платформа, вокруг которой располагается весь остальной мате-

---

[1]) Цедербаум Владимир Иосифов.
[2]) Ф. И.
[3]) Здесь и ниже курсив редакции.

риал. Думаю, что такой центральной задачей является организация сил на почве избирательной кампании, следовательно. призыв рабочих к политической организации и политических оказательств, интенсивное слежение за деятельностью Думы и думской партии: пропаганда необходимости партии (в нашем смысле) и в связи с этой боевой платформой газеты вопросы избирательной тактики, программ, статьи и т... будут вполне на своем месте. Обратите внимание, что в каждом номере „Д. Ж.“, в каждом номере „Н. З.“ была минимум одна боевая статья, дававшая запах журналу (далеко не всегда эта статья была полемическая). В большинстве номеров „Ж. Д.“ таких боевых статей нет. И это должно стоять в связи с тенденцией публики не делать газету слишком фракционной, или избегать „полемики“. Поэтому или нет, но на органе, в сущности, нет не только резкой печати „меньшевизма“, но и печати „ликвидаторства“. По крайней мере противники должны по совести признать, что он не является органом воинствующего ликвидаторства. Но еженедельный орган не может быть агитационным в узком смысле слова, это по силам лишь средней газете, да и то не во всякое время. Еженедельный орган в период аморфности и распыленности движения должен служить цели собирания сил, сплочения их под определенным знаменем. А тут нельзя удовлетвориться знаменем общих принципов марксизма, надо громко пропагандировать меньшевистскую тактику, меньшев. методы организации и в случае надобности—их защищать от критики. Советую не полагаться на отзыв рабочих, не желающих „полемики“. Они ее действительно не желают и верю, что любить газету будут больше, если она не будет шокировать чересчур людей другого толка. Но „любя“ газету, они уже предадут дело, которому она служит, когда нелюбимая „Звезда“ авторитетно объявит партийную волю (хотя бы и вопрос о выборах). Надо, чтобы „Д. Ж.“ говорило столь же авторитетно, чтобы чувствовалось, что за ним не данная лишь группа литераторов, а известное и сильное течение. Думается, что при преследовании такой задачи придется, м. б., до известной степени отказаться от коро-

теньких политических заметок и больше уделять места более значительным полупропаганд. статьям. Такие заметки хороши в ежедневн. газете. В еженедельной необходимо иметь место и для статей, напр., о голоде, о землеустройстве, о состоянии промышленности, не говоря о ретроспективных статьях в связи с выборами. Конечно, по поводу того, что я написал, можно сказать: критика легка и т. д. Я и не думаю, чтобы так просто и легко поставить газету (в данных условиях). У Ф. И. и на сколько знаю у Ал. Ник. [1]) все время были сомнения, можем ли мы в настоящее время предпринять издание политического органа. Тут, думаю, сказывается не политическое, так сказать, существование русского марксизма, не связанного и единств. политич. органом—фракцией—и ведшего свою работу в кустарных формах. Но политический орган и должен служить цели разбить кустарные формы или развить их в формы „крупного производства". Для этого надо стремиться занять все живые м-ские силы Псковичей [2]), надо лучше использовать. Они, очевидно, сильно преувеличивают в критике то, как ведется газета, но по существу относятся к ней очень горячо и приняли бы в ней более активное участие, если бы с ними лучше столковаться. Надо бы постараться притянуть к газете К. Дмитриева (Колокольников), волжан (металлистов Квадрата (Кубиков) и Шера [3]) (киевлян). В „К. М." в последнее время было много интересных статей Наумова. Необходимо, чтобы в каждом номере была статья о том, что сделано за неделю в Думе. Относительно себя—я не знаю, стоит ли теперь, после месячного перерыва, продолжать задуманный мною ряд статей об избир. тактике. Так как я уже на эту тему послал полемич. статью против „Звезды", то, пожалуй, лучше будет давать вперед определенные статьи по частным вопросам тактики. Относительно статьи об итогах Думской фракции я в некотором сомнении. Стоит ли теперь подводить эти итоги.

---

[1]) Потресов Александр Николаев.

[2]) В г. Пскове находятся под надзором полиции высланные из Спб. с.-д. литераторы: Литкин Федор Андреев, Исуф Иосиф Андреев, Цедербаум Владимир и Любовь Радченко.

[3]) Шер Василий Владимиров.

Поскольку они поучительны; это затрагивает прямо вопрос о связи несостоятельности фракции с несостоятельностью партии с отсутствием минимума парт. организованности. Тема, я думаю, слишком для всех нас щекотливая, чтобы касаться в такой связи. Пришлось бы так или иначе прямо сказать, что рабочие оказались плохими политиками, и несмотря на все, сделанное в области открыт. движения, не сумели сделать фракцию своим органом, тогда как обломки старой кружковщины оказались достаточно активны и организованы, чтобы наложить на нее свою лапу и в конце концов ее деморализовать. Поскольку же при этом нельзя будет не говорить горьких истин о самой фракции, это может испортить наши шансы на ее использование хотя бы для предвыборной кампании. Доклад о платформе я напишу. Сейчас я думаю прислать для газеты еще одну статью об английской и германской стачках и, м. б., еще статью по поводу закрытия союзов металлистов и печатников. Я понял и вас и Авг., так что в общем и целом предложения наших общих знакомых приняты, так что вскоре же можно будет официально ссылаться на то, что весь механизм в этом вопросе солидарен. Это страшно важно в виду того, что другая сторона, как вы знаете, прокляла окончательно и отлучила нас всех и сделала это так глупо, что создала вокруг себя торичеллиеву пустоту. Между тем, если ее изоляция не будет ясна всякому, их стремления расстроить всю избирательную кампанию помахиванием фирмы (они объявили бойкот всякому, кто примет кандидатуру из нечестивых рук) могут увенчаться известным успехом. В этой области иезуитское, чтобы не сказать сильнее, поведение думцев приносит громадный вред. В частности, я был бы очень рад, если бы Чх. и Гегечк. испытали это на своей шкуре, если бы правоверные выставили против них контркандидатуры. Что касается думской деятельности (или бездеятельности) наших депутатов, то она становится скандальной. Они почти совсем замолчали. Надо кончать...

Привет всем. Ю. Ц.

Итак, письмо Мартова говорит само за себя—не открывая, правда, ничего нового, он с несомненностью подтверждает острое расхождение рабочего движения—с ликвидаторской группкой литераторов, крайнюю непопулярность ее среди масс (что не могли не чувствовать и сами ликвидаторы), наконец, бессильную злобу на «бездарную» скучную «Звезду», которая, как это ни неприятно Мартову, по его же словам, действительно пользуется авторитетом партийного органа.

Страховая кампания и с.-д. депутаты.

Как известно, закон о страховании рабочих был чрезвычайно широко использован нашей партией, как одна из легальных возможностей по организации рабочих масс, а равно и в целях выявления классовой подоплеки государственной власти в период царизма.

«Страховая кампания» развертывалась одновременно с завоеванием ряда легальных позиций в рабочем движении 1910—1914 г. г., а рабочая печать особенно много содействовала развертыванию страховой кампании.

Но был и ряд других возможностей, к которым приходилось прибегать партийным руководителям. Перед нами один из документов подобного рода—письмо от имени депутата Шагова к избирателям. Охранка, препровождая этот крамольный документ в департамент полиции, присовокупляет к нему следующую сопроводилку:

Директору департамента полиции

Лично.

Совершенно секретно.

Начальник Костромского губернского жандармского управления 10 февраля 1913 г. № 115.

Представляя копию добытого секретным путем документа, докладываю, что последний прислан от имени члена соц.-демократической фракции 4-й Государственной Думы по Костромской губ., крестьянина Николая Романова Шагова.

Подлинный документ написан на машинке и затем размножен, при чем автором его отнюдь не является член Государственной Думы Шагов, человек малограмотный.

Такие документы разосланы Шаговым по всему фабричному району Костромской губ.

Приложение: документ за № 18.

Полковник (неразборчиво).

№ 18.

I.

Дорогие товарищи! За последнее время я часто получаю письма от товарищей разных мест с просьбой написать о том, как практически проводится новый закон о страховании.

Охотно поделюсь хоть вкратце, ибо в письме иначе не придется, теми сведениями, которые у меня имеются.

Во-первых, хоть несколько слов о самом законе. Не подлежит сомнению, что закон о страховании 23 июня нас удовлетворить не может. С.-д.-кая программа требует распространения страхования на всех наемных рабочих. Она требует страхования от потери заработка во всех случаях, как-то: от увечий, болезни, старости, инвалидности, безработицы, страхования вдов и сирот на случай смерти кормильца семьи и страхования материнства.

Страхование рабочих должно быть за счет капиталистов и государства, скудный же заработок рабочих должен быть неприкосновенен.

Наконец, управление делами страхования должно быть в руках самих страхуемых.

Ничего подобного не дает закон 23 июня. По закону, страхованию подлежат не все рабочие, а только рабочие фабрично-заводской промышленности. Страхование не распространяется на рабочих казенных предприятий, на сельско-хозяйственный пролетариат, на торгово-промышленных служащих, на всех рабочих, работающих в мелких мастерских. Не распространено страхование и на все местности России. Так, Сибирь совсем обойдена законом. И в общем, по подсчету министерства торговли и промышлен-

ности, страхование распространено на $2^1/_2$ миллиона пролетариев. Согласно же переписи 1897 года, число всех наемных рабочих в России составляет 13 миллионов. К настоящему времени число это значительно увеличилось. Таким образом на каждую сотню рабочих застраховано менее 20-ти, т. е. менее одной пятой.

Закон говорит о страховании от несчастных случаев и болезни и ничего не говорит о всех других случаях.

Страхование—не за счет капиталистов, а, главным образом, за счет самих же рабочих. На каждые 3 копейки рабочих капиталист приплачивает 2 коп. своих. Не даром сознательные рабочие говорят, что новый закон страхует, главным образом, самих же капиталистов от больных, увечных рабочих... Управление делами страхования всецело находится в руках предпринимателей.

Но как ни плох закон, рабочие должны использовать его в своих интересах. Ведь так или иначе больничные кассы будут существовать.

Вычеты из заработка рабочих будут делаться помимо желания их. Использовать же закон нужно в целях объединения рабочих как на отдельных предприятиях вокруг больничных касс, так и вне данного предприятия.

Не говорю уже о том, что при обсуждении устава можно добиться некоторых поправок. Во всяком случае, вносить их и отстаивать надо во что бы то ни стало.

Бойкот выгоден только предпринимателям. Отказ от участия рабочих сделает их еще более бесконтрольными хозяевами положения. Они, повидимому, и стараются вызвать бойкот, ставя рогатки на каждом шагу, преследуя более самостоятельных рабочих, издеваясь над волею рабочих, создавая „немые выборы“.

С.-д. фракция внесет в скором времени свой законопроект страхования. Ожидать проведения закона от IV-й Думы нельзя никоим образом. Внеся законопроект, фракция только как бы заявляет требование рабочих в области страхования. Закону 23 июня она противопоставляет свой, который мог бы действительно и в полной мере удовлетворить рабочих.

Но перейдем к практическому проведению закона.

Согласно закону 23 июня, органами надзора являются Губернские Присутствия по делам страхования рабочих и Совет, учреждаемый в Петербурге. Губернское присутствие состоит из губернатора, 7-ми чиновников, 2-х представителей земства, 1-го представителя Городской Думы, 2 (м. б., 12, так как неразборчиво—*Любимова)* представителей от предпринимателей и только 2-х рабочих. Рабочих представителей в эти учреждения назначали сверху. Питерские рабочие везде на заводах высказывались против таких „назначенцев", выносили резолюции о том, чтобы они отказывались от участия в заседаниях Совета и требовали настоящих выборов. Вначале все 5 представителей отказались от участия, но затем некоторые соблазнились 5-ти рублевым окладом в дни заседаний, вернулись и вместе с чиновниками приняли нормальный устав кассы.

Порядок выбора уполномоченных определяется губернским присутствием. Петербургское присутствие наметило следующий порядок, который будет, вероятно, принят и всеми губернскими присутствиями. Мелкие предприятия с числом рабочих не более 200 выбирают 5 уполномоченных, а с числом более 200 выбирают от 5-ти до 50-ти с расчетом по 1-му на каждые 200 человек.

На больших заводах рабочие делятся на одинаковые разряды, и каждый выбирает одинаковое число уполномоченных.

Советую вам на местах посоветоваться с юристом, сочувствующим рабочему движению, который, познакомившись с постановлением местного присутствия, определенно и подробно расскажет вам, сколько уполномоченных должны вы выбирать и как делиться на разряды.

Петербургское присутствие высказалось против предвыборных собраний рабочих; для обсуждения кандидатур и выборов уполномоченных оно выработало план „немых" выборов, по которому рабочим с вечера выдавались бюллетени, которые они к утру должны были заполнить. Но рабочие везде дружно протестовали против такого издевательства, и в некоторых местах им удалось добиться собраний. Необходимо и вам всячески добиваться устройства собраний для обсуждения кандидатур, для совместного на-

мечения их. Настаивайте на своем требовании, используйте все имеющиеся у вас средства, чтобы добиться своего, но все же заранее наметьте своих верных, сознательных товарищей и, если собрания не удастся добиться, агитируйте среди товарищей—за проведение их.

После выборов уполномоченные должны созвать собрание на основании закона 4-го марта (тоже посоветуйтесь с юристом).

В Петербурге такое собрание уже было. На нем присутствовали уполномоченные от нескольких заводов. Собрание выбрало из своего состава комиссию, которой поручило: 1) Разработать вопрос о возможности организации в ближайшее время местных касс, как наиболее отвечающих интересам рабочих. 2) Объединить работы уполномоченных отдельных предприятий по разработке устава больничных касс. 3) Поднять вопрос о представительстве рабочих в Присутствии и Совете по делам страхования. 4) Принять меры к осуществлению созыва Всероссийского рабочего съезда по вопросам страхования. А также постановили рекомендовать уполномоченным не приступать к обсуждению устава вместе с предпринимателями до обсуждения его со всеми рабочими, а для этого добиваться собраний. Решено устраивать везде, где только возможно, лекции и доклады по вопросам страхования. Очень хорошо было бы и вам устроить у себя лекцию или доклад.

Ведь задача уполномоченных обсудить и принять вместе с предпринимателями устав больничной кассы. В нормальный устав надо внести много поправок и настаивать на их принятии. Письмо настолько сильно растянулось, что сейчас, к сожалению, мне не удастся разобрать даже самые главные пункты устава, в которые нужно внести поправки, но убедительно вам посоветую, товарищи, читайте ежедневно рабочую газету „Правда“. Она ведет специальный отдел по страхованию, и, следя за ним, вы гораздо легче разберетесь во всех возникающих вопросах.

Когда устав будет утвержден, будут назначены новые выборы уже уполномоченных в общее собрание больничной кассы. И здесь главная задача—не допустить „немых“ выборов, не допускать назначения сверху, а везде и по-

всюду добиваться собраний, добиваться правильных выборов, проводить своих верных сознательных товарищей.

На этот раз кончу. Если у вас возникнут какие-либо вопросы, пишите—я охотно буду отвечать.

В заключение же еще раз посоветую вам, товарищи, читайте свою рабочую газету „Правда" и многое вам станет ясным.

С товарищеским приветом.

К письму т. Шагова.

Московское Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в г. Москве со своей стороны добавляет по поводу вышеприведенного письма, между прочим, следующее замечание:

Совершенно секретно.

„Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в г. Москве имеет честь доложить его превосходительству господину московскому градоначальнику о нижеследующем:

Общая дезорганизованность дела партийного строительства за последние годы, а равно отмеченное в минувшем году увлечение большинства партийных работников фракционными раздорами и взаимоопорочивающей газетной полемикой, привели в своем результате к определенному падению в глазах рабочей массы престижа соц.-демократической партии, до сего времени обычно заявляющей себя наиболее ревностной поборницей всех вообще интересов обслуживаемой ею рабочей массы.

Стремясь к восстановлению своего пошатнувшегося престижа, „верхи" Российской соц.-демократической рабочей партии, в стремлении своем привлечь внимание рабочих кругов, естественным образом учли необходимость использования широкого интереса рабочих к проводимым ныне в жизнь страховым рабочим законам и, независимо от направлений как на конференциях минувшего года, так равно и в ряде частных позднейших совещаний, отметили настоятельную необходимость

организовать самую интенсивную страховую кампанию и занять в таковой положение исключительно заинтересованных и бескорыстных поборников интересов рабочей массы, урезываемых правительственной редакцией означенного страхового законодательства.

Принимая во внимание определившееся ныне перемещение центра тяжести руководительства партийной тактикой в пределы империи вообще, и в г. С.-Петербурге — в частности, должно отметить, что в настоящее время общее установление работы активных соц.-демократов на местах взяла в свои руки соц.-демократическая думская фракция Государственной Думы IV-го созыва, выработавшая в указанном направлении ряд известного рода обязательных положений, рекомендуемых в видах объединения действий на местах для общего проведения таковых в жизнь“.

Охранка, по обыкновению, грубо врет, ссылаясь на желание с.-д. партии восстановить «пошатнувшийся престиж». Но она, конечно, права, указывая на то, что с.-д. депутаты, в частности, большевистская 6-ка, использовала каникулы с превеликой пользой на местах. Насколько своеобразны и подчас «неожиданны» методы использования всяческих легальных и нелегальных возможностей со стороны депутатов, пользующихся своей очень сомнительной «депутатской» неприкосновенностью, показывает, между прочим, тот занятный факт из практики покойного депутата Шагова, когда он однажды воспользовался купанием в пруду, как местом для представления своего депутатского отчета избирателям. Полиция от неожиданности должна была пассовать перед необычным митингом на середине пруда.

«Наш Путь» и охранка.

Насколько большое значение придавало Московское Охранное отделение газете «Наш Путь», показывает следующий охранный документ, который мы печатаем полностью:

В департамент полиции.

Совершенно секретно.

Доношу департаменту полиции, что: 1) в г. Москве и Московской губ. в текущем году функционировали следующие организации Р. С.-Д. Р. П.

а) В г. Москве:

Деятельность партийных работников была направлена, главным образом, к созданию хорошо законспирированной группы опытных и энергичных соц.-демократов, кои бы могли восстановить подпольные партийные учреждения и наладить в них работу; однако, своевременными ликвидациями и изъятием активных партийных деятелей, все эти попытки кончались для них неудачей.

Наибольший подъем в партийных кругах следует отнести к изданию в Москве легальной рабочей газеты „Наш Путь"— органа большевистской фракции Р. С.-Д. Р. П., вокруг которого начинают сплачиваться местные с.-демократы и которая за короткий срок своего существования успевает оказывать на массы рабочих свое влияние, кои на закрытие газеты реагируют объявлением забастовок протеста с уличными демонстрациями, имевшими место в г. Москве 23-го сентября с. года.

Произведенными тогда же, в связи с закрытием газеты арестами, преступная работа пресекается и возобновляется опять с возвращением в Москву известных департаменту полиции лиц, кои были делегированы партийными организациями Московской губ. за границу на „Ленинское“ Совещание, а также с приездом в Москву бывшей на этом же совещании и тоже известной департаменту полиции дочери чиновника Серафимы Ивановой Дерябиной, носящей кличку „Елена“ и „Сима“.

С этого времени снова наблюдается более интенсивная работа в подполье—устраиваются тайные собрания, читаются доклады о совещании и о настоящем моменте, а также выносятся резолюции по поводу раскола с.-дем. фракции Государственной Думы, в коих порицаются действия „семерки“ и одобряются действия „шестерки“.

Произведенными в последнее время арестами изъяты наиболее активные деятели и ныне наблюдается относительное затишье.

Вся описанная деятельность в подполье относится к большевистско-ленинскому течению, ликвидаторское же течение наблюдается только в легальных возможностях, откуда, однако, в последнее время большевики-ленинцы стараются вытеснить это течение, заменив его своим.

Что касается впередовского течения, то в Москве таковое совершенно не наблюдается.

б) В Московской губернии.

Партийные организации (исключительно большевистско-ленинского течения) существуют в следующих пунктах: в городе Богородске—в количестве до 70 человек, Серпухове—80 человек, селе Раменском, Бронницкого уезда,—15 человек, в Подольске, в селах Всехсвятском, Ростокине и Мытищах, Московского уезда, и при ст. Гривно, Подольского уезда, на заводе Крестовниковых в количестве за 30 человек.

Особенно активной деятельности эти организации не проявляли, за исключением Богородской, каковой выпускались печатные на гектографе прокламации; в настоящее время, после произведенной в губернии ликвидации, наблюдается полное затишье.

3) Состав „Организационного Комитета“, избранного на Венской конференции в августе сего года, был следующий: 1) „Корнилов“, представитель С.-Петербурга, 2) „Иванов“, именовавшийся в протоколах Лондонского съезда „Сатаной“, представитель Кавказского Областного Бюро, 3) „Борецкий“ и 4) и 5) члены Организационного Комитета по созыву конференции „Симковский“ и „Игорь“. Кроме того, избрано два неустановленных пока члена от Бунда и Латышей.

4) В г. Москве издавалась одна легальная рабочая газета большевистского направления „Наш Путь“, выпустившая всего 16 номеров, из коих на №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8-й был наложен Московским комитетом по делам печати арест, утвержденный определением Московской Судебной Палаты 12 сентября с. г., каковым определением было приостановлено и самое издание газеты.

Подполковник Мартынов.

Ротмистр (неразборчиво).

Приложение 8.

СПИСОК

статей, помещенных в журнале «МЫСЛЬ».

Г. Зиновьев (Гр.).	№ 1, 1910 г.	Рабочий вопрос в 3-й Гос. Думе.
»	» »	Рабочий и ремесленный Съезд.
»	№ 2, 1911 г.	Закон о лишении отдыха торгово-промышленных служащих.
»	№ 3, 1911 г.	Ремесленный Съезд.
»	» »	Параллели (О борьбе за свободу коалиций).
Ю. Каменев.	№ 1. 1910 г.	Великий путь в Индию.
»	№ 3, 1911 г.	Либерализм, демократия и 19-ое февраля.
(Ю. Градов)	№ 3, 1911 г.	Ответ на вопросы.
»	№ 4, 1911 г.	Н. Г. Чернышевский.
Ленин (В. Ильин) В. И.	№ 1. 1910 г. № 2 1911 г.	О статистике стачек в России.
»	№ 1, 1910 г.	Герои оговорочки.
»	№ 2.-1911 г. № 3 1911 г.	Наши упразднители (о г. Потресове и В. Базарове).
»	№ 3, 1911 г.	По поводу юбилея.
»	№ 4. 1911 г.	О социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве.
Левит Е.	№ 4, 1911 г.	Политические мечтания русских аграриев и бюрократия.
»	» »	К истории вопроса о мелкой земской единице.
Орловский П.	№ 2. 1911 г. № 4 1911 г.	Литературные наброски.
Плеханов Г.	№ 1, 1910 г. № 2 1911 г.	Смешение представлений.
»	» »	Кое-что об Италии.

Попов И.	№ 4, 1911 г.	К Съезду фабричных врачей.
Рязанов.	» »	Восьмичасовой рабочий день и старый Интернационал.
Ротштейн Ф.	№ 3, 1911 г.	От Гуля до Лестера.
»	» »	Из хроники рабочего движения на Западе.
Раппопорт Л.	№ 2, 1911 г.	Действительность и мечты.
Р.	» »	1) «Вехи» о Толстом, 2) Благодушный либерал, 3) Совет г-ну Клейнборту (Полемические заметки).
Рожков Н. (Н. Р-ков).	№ 1, 1910 г. № 2 1911 г.	Современная аграрная политика и виды на будущее.
»	№ 4, 1911 г.	Укрепляется ли община.
Стеклов.	№ 3, 1911 г.	Думские заметки.
Фрумкин (Л. Германов).	№ 1, 1910 г.	Официальный оптимизм и положение промышленности.
Клара Цеткин.	№ 3, 1911 г.	П. Зингер.
Г. Цыперович.	№ 2, 1911 г.	К вопросу об иностранных капиталах в России.

СПИСОК

статей, помещенных в журнале «ПРОСВЕЩЕНИЕ».

А. С.	№ 2, 1912 г.	«О Холмщине».
А. Б—ов.	№ 5, 1914 г.	«За стеной» ст.
А. Б. (*Ленин*).	№ 1, 1913 г.	«К чему приводит ликвидаторство и независимость депутатов».
Астров Семен.	№ 3, 1912 г.	«Утро». } Стихи.
»	№ 2, 1914 г.	«В моем венке». } Стихи.
»	№ 4, 1914 г.	«Апрель». } Стихи.
»	№ 3, 1914 г.	«Солнце и сердце» } Стихи.
Антошкин А.	№ 6, 1914 г.	«Стачки приказчиков».
Аксельрод И.	№ 8—9, 1912 г.	«Жан-Жак Руссо».
Алексинский Г.	№ 6, № 7—8, 1913 г.	«Под уклон».
Алексинская Т.	№ 4, 1914 г.	«По поводу отравления бензином на резиновых фабриках.
Бланк А.	№ 12, 1913 г.	«Выборы в Италии».
Бунин Иван.	№ 4, 1913 г.	«Матрос», стихи.
Бухарин (он же Б-х-н, Н. Бухарин).	№ 8—9, 1912 г.	«Рост германской социал-демократии».
»	» »	«13-й Съезд итальянской социалистической партии».

Бухарин (он же Б-х-н, Н. Бухарин).	№ 5, 1913 г.	«Борьба за всеобщее избирательное право в Венгрии».
»	№ 7—8, 1913 г.	«Карл Маркс и современная политическая экономия буржуазии».
»	№ 11, 1913 г.	«Партейтаг австро-немецкой социал-демократии».
»	№ 12, 1913 г.	«Фокусы - покусы господина Струве».
»	№ 3, 1914 г.	«Теория субъективной ценности Бем-Баверка».
Блюм А. (он же *Адамов* и *П. В. Яновский*).	№ 9, 1913 г.	«Хаос» Минского.
»	№ 1. 1914 г.	«Право коалиции и рабочее движение».
»	№ 5, 1914 г.	«Вокруг думской трибуны».
Бонч-Бруевич (он же *В. Оль—ский*, *Влад. Ольский*).	№ 2, № 3, 1913 г.	«Стоимость культа».
Бебель А.	№ 6. 1913 г.	«К пятидесятилетию германской социал-демократии».
Волгарь.	№ 7—8, 1913 г.	«Хозяйственный план страховой кампании».
Волгин.	№ 10, 1913 г.	«Итоги процесса Бейлиса».
Волгин Кирилл.	№ 11, 1913 г.	«Проститутка». Стихи.
»	№ 12, 1913 г.	«Утро в горах». Стихи.
Вольный Иван.	№ 11, 1913 г.	«После смены». Рассказ.
Винокуров (он же *Вив.*).	№ 4, 1913 г.	«Несчастные случаи на Путиловском заводе».
»	№ 10, 1913 г.	«Труд приказчиков и законодательная его охрана».
»	№ 4, 1914 г.	«Массовые отравления рабочих и санитарное состояние промышленных заведений».
Войтинский.	№ 4, 1914 г.	«Луч света среди ночи».
Воровский В. (Орловский П.).	№ 2, 1912 г.	«Н. А. Добролюбов (1911, 17-ое ноября 1861 г.).
»	№ 3—4, 1912 г.	«О природе абсолютизма».
Герасимов М.	№ 12, 1913 г.	«Рабочему», «Заводский Гудок» Стихи.
»	№ 6, 1914 г.	«Хризантемы». Рассказ.
»	№ 1, 1914 г.	«У витрины». Стихи.
Г—ич.	» »	«В лагере немецких предпринимателей».
Гумилевский.	№ 5. 1914 г.	«В литейной».

Горький М.	№ 2. 1913 г.	«Вездесущее» № 6. 1913 г. «Кража» № 9. 1913 г. «Детство» № 10. 1913 г. «По душе».
Гладнев И. (он же *С. М. Закс*).	№ 6, 1913 г.	«Либеральная тенденция».
Данилов П. (*Шотман А. В.*).	№ 9, 1913 г.	«Выборы в Финляндии».
Данилов Ст. Ст. (он же *Чеслав Гурский*).	№ 8—9, 1912 г.	«Общество заводчиков и фабрикантов в С. Петербурге».
»	№ 1, 1913 г.	«Страховая кампания в Петербурге».
»	№ 6. 1913 г.	«I-ая больничная касса в Петербурге».
Дмитриева А. (*Елизарова А. И.*)	№ 2, 1914 г.	«К женскому дню».
Егоров (*член Гос. Думы*).	№ 1, 1911 г.	«Положение уральских крестьян и закон 3 декабря 1862 года».
»	№ 3—4, 1913 г.	«Реформа 19 февраля 1861 г. и современное положение горнозаводского населения Урала».
Зиновьев Г. (он же *Н. Ск. Н. Скопин, Г. З. М. Б., Г. Зуев, Гр. б. Примиренец*).	№ 5—7, 1912 г.	«3-я Госуд. Дума и страна».
»	№ 1, 1911 г.	«Воинствующий марксизм против чисторабочей политики».
»		«Германские рабочие, профессиональные союзы, их 8-й съезд в Дрездене».
»		«Исторические справки».
»	№ 3—4, 1912 г.	«Вопросы избирательной кампании», «На славном посту», «О флюгерах».
»	№ 8—9, 1912 г.	«Свобода коалиции», «Ликвидаторство и единство».
»	№ 3—4, 1912 г.	«Против объединения с ликвидаторами» (М. Б.).
»	№ 1, 1913 г.	«Первые шаги социал-демократического парламентаризма в России».
»	№ 3, 1913 г.	«Маркс и Фрейлиграт», «О том, как бундисты разоблачили ликвидаторов».
»	№ 5, 1913 г.	«Заметки о ликвидаторстве и единстве».

Зиновьев, Г.	№ 6, 1913 г.	«К итогам думской сессии», «К национальному вопросу».
»	№ 3, 1914 г.	«Август Бебель в эпоху подполья».
»	№ 5, 1914 г.	«Проблемы 8-ми часового рабочего дня».
»	№ 3, 1914 г.	«Уступка предрассудкам».
	№ 7—8, 1913 г.	«Август Бебель».
»	№ 9, 1913 г.	«О германском ревизионизме».
»	№ 11, 1913 г.	«Что случилось».
	№ 1, 1914 г.	«Итоги и перспективы».
	№ 2, 1914 г.	«Т о ж е».
	№ 4, 1914 г.	«Последний локаут и теория стачечного азарта»; «Против участия в буржуазной печати»; «Из переписки Карла Маркса с Фридрихом Энгельсом».
	№ 4, 1914 г.	«Двадцатипятилетие пролетарского праздника».
	№ 2, 1914 г.	«Забастовка в Южной Африке».
Закс (И. Гладнев).	№ 4, 1913 г.	«Марксистское книгоиздательство».
Крейшман Н. Г.	№ 12, 1913 г. № 1, 1914 г.	«Страхование на случай безработицы».
К-ий.	№ 3, 1912 г.	«Зачем понадобился туман».
Кожевников Всеволод.	№ 3, 1913 г.	«Городу». Стихи.
»	№ 1, 1914 г.	«Ряд тяжелых решеток». Стихи.
Касаткин.	№ 5, 1913 г.	«Маленькие рассказы».
Каменский Генрих.	№ 10, 1913 г.	«От национализма к ликвидаторству».
Каменский Г.	№ 3, 1914 г.	«Избирательная реформа в Галиции».
»	№ 12, 1913 г.	«Из рабочего движения в Польше».
»	№ 12, 1912 г.	«Швейцарский партейтаг».
Керженцев В.	№ 2, 1914 г.	«Английский сельский рабочий».
К. Ц. (Центральный Комитет).	№ 1, 1914 г.	«Дело товарища Х.».
Каменев Ю. (он же *Ю. Градов, Л. Рольд*).	№ 1, 1911 г.	«От демократизма к либерализму».
»	№ 5—7, 1912 г.	«Университетский вопрос».
»	№ 8—9, 1912 г.	«Об обязанностях демократа».
»	№ 1, 1913 г.	«Письма Чернышевского» (библиография); «Суровые напевы».
»	№ 2, 1913 г.	«Об обязанностях демократа».

Каменев Ю.	№ 4, 1913 г.	«О романе Ропшина».
	№ 5, 1913 г.	«Об открытой рабочей партии».
»	№ 6, 1913 г.	«На либеральном поводу».
»	№ 9, 1913 г.	«О свободе коалиции».
»	№ 10, 1913 г.	«Десять лет».
»	№ 11, 1913 г.	«Разорванный договор» (Ю. Градов, надписано С. М. Закс).
Каутский К.	№ 1, 1911 г.	«Поль Лафарг и Лаура Маркс».
Крупская Н. К.	№ 11, 1913 г.	«О постановке народного образования в Северной Америке и Западной Европе».
»	№ 1, 1914 г.	«Итоги съезда по народному образованию».
Комаровский (он же *Б. Г. Данский*).	№ 3, 1913 г.	«Хозяйский страховой съезд».
»	№ 4, № 6. № 9, № 10 и № 11, 1913 г.	«Страховая кампания».
»	№ 1, 1914 г.	«Страховая кампания в Петербурге».
Левин Кир.	№ 5—7, 1912 г.	«Национализм и социализм А. И. Герцена».
Ленский Ю.	№ 7—8, 1913 г.	«Страховая кампания в Польше».
Липецкий Ал.	№ 4, 1914 г.	«Зов весны». Стихотворение.
Ленин (он же *К. Тулин, П. Петербуржец, В. Ильин К. В. И., С. Корсов*).	№ 1, 1911 г.	«Принципиальные вопросы избирательной кампании»; «Начало разоблачений о переговорах партии к.-д. с министрами»; «Три запроса».
»	№ 2, 1912 г.	«Принципиальные вопросы избирательной кампании».
	№ 5—7, 1912 г.	«Анкета об организации крупного капитала».
»	№ 1, 1913 г.	«Итоги выборов».
»	№ 2, 1913 г.	«Что делается в народничестве и что делается в деревне»; «К нашим разногласиям».
»	№ 3, 4, 1913 г.	«Три источника и три составные части марксизма»; «Возрастающее несоответствие».
»	№ 4, 1913 г.	«Английские споры о либеральной рабочей политике»; «Веховцы и национализм»; «Возрастающее несоответствие» (окончание).
»	№ 5, 1913 г.	«О либеральном и марксистском понятии классовой борьбы».

В. Ильин	№ 9, 1913 г.	«Как В. Засулич убивает ликвидаторство».
»	№ 10, 11, 12, 1913 г.	«Критические заметки по национальному вопросу».
»	№ 1, 1914 г.	«К вопросу о задачах земской статистики».
»	№ 3, 1914 г.	«Радикальный буржуа о русских рабочих»; «Политические уроки».
»	№ 3, 1914 г.	«Мирный исход и кризис» (С. Корсов).
»	№ 4, 1914 г.	«О праве наций на самоопределение»; «Чему не следует подражать в немецком рабочем движении».
»	№ 5, 1914 г.	«О праве наций на самоопределение»; «Поспешишь — людей насмешишь»; «О нарушении единства, прикрываемого криками о единстве».
»	№ 6, 1914 г.	«О праве наций на самоопределение»; «Приемы борьбы буржуазной интеллигенции против рабочих»; «О впередовцах и о группе «Вперед».
Малецкий А.	№ 2, 1912 г.	Господин Туган-Барановский и его «этическое» уничтожение марксизма».
Михаилов (он же *Политикус*).	» »	«Разгром Персии».
»	№ 5—7, 1912 г.	«Та-Туан-Гоа-Минг-Ко».
»	№ 1, 2, 3 и 4, 1913 г.	«Ближне-восточный узел».
Молотов (*А. Званов*).	№ 11, 1913 г.	«Из практики профессионального движения в Петербурге».
Маркс К.	№ 4, 1913 г.	«Пруссия в 1856 г.».
»	№ 10, 1913 г.	«Политический индифферентизм» (с предисловием Рязанова).
Меринг Фр.	№ 7—8, 1913 г.	«Буржуазия и армия в прошлом».
Милютин (он же *Вл. Павлов*).	№ 2, 1914 г.	«О некоторых чертах философии А. Богданова».
Генрих де-Ман.	№ 5, 1912 г.	«Бельгийская стачка».
Очевидец.	№ 8—9, 1912 г.	«С Лены» (Письмо рабочего).
Осинский Н.	№ 4, 1913 г.	«Об угольном голоде».
»	№ 7—8, 1913 г.	«Мы».
Ольминский М.	№ 2, 1913 г.	«Я вас арестую».
»	№ 5, 1914 г.	«Салтыков-Щедрин».

А. Придворов (он же *Демьян Бедный*).	№ 1, 1913 г.	«Силуян», «Воры» (басни).
»	№ 2, 1913 г.	«Свеча» (басня).
»	№ 4, 1913 г.	«Ослы» (басня), «Молитва».
»	№ 5, 1913 г.	«Урожай», «Утешение» (басня).
»	№ 7—8, 1913 г.	«Благодетель» (басня).
»	№ 9, 1913 г.	«Пробуждение» (басня).
»	№ 10, 1913 г.	«Пролог».
»	№ 11, 1913 г.	«Друзья» (басня), «Казенный заказ» (басня).
»	№ 12, 1913 г.	«Клад» (сказка), «Волк-правитель» (басня).
»	№ 2, 1914 г.	«Портрет» (сатира).
Предкальн А.	№ 3—4, 1913 г.	«К вопросу о страховании рабочих в России».
Петров С.	№ 1, 1914 г.	«В степях Новороссии».
Покровский (М. Н.).	№ 1, 1914 г.	«Империализм в прошлом и в настоящем».
Путник С.	№ 6, 1914 г.	«В Бакинском районе».
Рязанов Н.	№ 1, 1911 г.	«Балканский вопрос».
»	№ 7—8, 1913 г.	«Энгельс о Бебеле и Марксе».
Рябинин (он же *А. Николаевич*).	№ 12,	«К переселенческому вопросу».
Раскольников Р.	№ 4, 1914 г.	«Уголовные наказания за стачки в России».
Ротштейн Ф.	№ 1, 1911 г.	«На пути к объединению».
»	№ 3—4, 1912 г.	«Всеобщая забастовка горнорабочих».
»	№ 9, 1913 г.	«Дублинское побоище».
»	№ 11, 1913 г.	«К вопросу об объединении социалистов в Англии».
»	№ 1, 1914 г.	«История социализма в Англии».
Росляков М.	№ 10, 1913 г.	«Старики».
»	№ 12, 1913 г.	«Праздник» (рассказ).
Рябовский П. (Старк).	№ 10, 1913 г.	«Поэт маленьких людей».
Рославский Я.	№ 12, 1913 г.	«Страховая кампания московских промышленников».
Семашко (*А. Александровский*).	№ 2, 1912 г.	«Все дороги ведут в Рим».
Стеклов Ю. Е. (*Ю. Невзоров*).	№ 2, 1912 г.	«Поль Лафарг 1842—1911 г.».
»	№ 11—12, 1912 г.	«Французские черносотенцы и рабочий класс».
»	№ 6, 1913 г.	«Международная политика рабочего класса».
»	№ 7—8, 1913 г.	«Международная политика рабочего класса».
»	№ 5—6, 1914 г.	«Маркс и Бакунин».

Самойлов А. А. (А. Юрьев).	№ 5—7, 1912 г.	«Поворот».	
Сейфер (он же *Старый приказчик*).	№ 1, 1913 г.	«Пробуждение приказчиков».	
»	№ 5, 1913 г.	«К Съезду приказчиков».	
»	№ 7—8, 1913 г.	«4-й Съезд приказчиков».	
»	№ 5—6, 1912 г.	«Избирательная кампания и приказчики».	
Сталин И. (Н.).	№ 1, 1913 г.	«Фактическая справка».	
»	№№ 3, 4 и 5, 1913 г.	«Национальный вопрос и социал-демократия».	
Сандомирский (он же *Фрейман Е.*).	№ 6, 1913 г.	«Приказчичий Интернационал».	
Сосновский (он же *Алексеев*).	№ 6, № 7–8, 1913 г.	«Рабочее движение».	
Степанов И.	№ 5, 1913 г.	«Товарищества мелкобуржуазных производителей».	
»	№ 9 и 10, 1913 г.	«Империализм».	
»	№ 3, 1914 г.	«Экономика и политика в рабочем движении».	
Сергеев (*«Артем»*), (*Иван Австралийский*).	№ 10, 1913 г.	«Из Австралии».	
»	№ 3, 1914 г.	«Из свободной Австралии» 1) «Социалисты в суде», 2) «Бризбейнская тюрьма».	
»	№ 6, 1914 г.	«Классовая борьба в Новой Зеландии».	
Скляренко Ал. П. (*А. Марусин*).	№ 1, 2 и 3, 1914 г.	«Год Нюсиной жизни».	
Стучка (он же *Ветеран*).	№ 2, 1914 г.	«Национальный вопрос и латышский пролетариат».	
Садко Михаил.	№ 11, 1913 г.	«О составе ссылки».	
Семеновский Дм.	» »	«Безумцы».	Стихи.
»	№ 6, 1913 г.	«На ярмарке», «Поэту».	
»	№ 7—8, 1913 г.	«Весенний перезвон».	
Старк П.	№ 2, 1913 г.	«Старик».	Стихи.
»	№ 3, 1913 г.	«К весне».	
»	№ 4, 1913 г.	«На улице».	
»	№ 6, 1913 г.	«Лебеди», «Север», «Сны».	
»	№ 11, 1913 г.	«Радость», «Предчувствия».	
»	№ 2, 1914 г.	«Перед бурей».	
»	№ 4, 1914 г.	«Родине».	
Стоянов Ал.	№ 3, 1913 г.	«К. Маркс» (к 30-тилетию со дня смерти).	

Скрынник Н. А.	№ 9, 1913 г.	«Теория и практика Московского Союза Потр. Обществ».
Степанюк В.	№ 6, 1914 г.	«Из истории украинского марксизма».
Соломонов Н.	№ 5, 1914 г.	«XIV Конгресс Итальянской Социал. партии в Анконе».
Трояновский Ал.	№ 1, 1913 г.	«Война и Интернационал».
»	№ 6, 1913 г.	«Рост вооружений».
»	№ 7—8, 1913 г.	«О Балканской войне».
»	№ 9, 1913 г.	«О железнодорожниках».
Тимофеев В.	№ 3, 1913 г.	«Музыкант Кандырин».
Трояновский.	№ 11, 1913 г.	«Законопроект о печати».
Тинский.	№ 3, 1914 г.	«К аграрному вопросу».
»	№ 12, 1913 г.	«Очерки по истории Шведской С.-Д. рабочей партии» (перевод).
Т. М.	№ 2, 1914 г.	«Пролетарская культура в ликвидаторском освещении».
Финн-Енотаевский.	№ 2, 1912 г.	«Неурожай и его последствия».
Фрумкин (он же *Л. Германов*).	№ 2 и 5, 1913 г.	«Сибирские очерки».
Хмурый Сергей.	№ 4, 1913 г.	«Иван».
Цыперович Г.	№ 1, 1913 г.	«За кулисами объединенного капитала».
»	№ 10, 1913 г.	«Система Shorffune и ее применение».
Х—ский И.	№ 9, 1913 г.	«О новейших течениях в народничестве».
Цыперович Г.	№ 11—12, 1913 г.	«Из переписки К. Маркса с Ф. Энгельсом».
Чудновский Г.	№ 11, 1913 г.	«Две теории кризисов».
Читатель.	№ 4, 1913 г.	«Журнал—Страхование рабочих».
Чужой.	№ 2 и 5, 1913 г. № 2, 1914 г.	«Обзор рабочего движения».
Шапиро Григорий.	№ 3, 1913 г.	«Фиалки» (стих).
Шляпников А.	№ 5—7, 1912 г.	«Рабочий Париж».
»	№ 5, 1913 г.	«Борьба за английскую неделю во Франции».
»	№ 7—8. 1913 г.	«Строительные рабочие в Париже».
»	№ 4, 1914 г.	«О бельгийских металлистах».
Э. К	№ 2. 1914 г.	«Профессиональное движение в Германии».
Энгельс Фр.	№ 3. 1912 г.	«Начало конца Австрии» (неизданная статья).
»	№ 9. 1913 г	«Прощание с любимой газетой»
»	№ 1, 1914 г.	«Первое письмо к Карлу Марксу»

Энгельс Фр.	№ 2, 1914 г.	«О парламентской тактике социал-демократии».
Ю. К. (Каменев).	№ 12, 1913 г.	«Международное Социалистическое Бюро о разногласиях в русской социал-демократии».
»	№ 10, 1913 г.	«К борьбе за равноправие шести рабочих депутатов в с.-д фракции».

Содержание.

Приложения:

